

АЛЕКСЕЙ СЛАПОВСКИЙ
СИНДРОМ
ФЕНИКСА

АЛЕКСЕЙ СЛАПОВСКИЙ

СИНДРОМ ФЕНИКСА

Москва, 2007

Оформление переплета *Антон Ходаковский*

Слаповский А.
С 47 Синдром Феникса / Алексей Слаповский. — М.: Эксмо, 2007. — 352 с.

ISBN 978-5-699-20067-3

Мифическая птица Феникс, сгорая, воскресает такой же. Герой новой книги Алексея Слаповского, регулярно теряя память, каждый раз становится иным и никак не может понять, кто он — настоящий. Хорошо, если богатый и добрый, а ну как бедный и злой? Да еще, упаси бог, вор или бандит? Слишком много задатков обнаружилось — и все разные. С одного бока помотришь — белое крыло. С другого — чертов копыто...

Мучается герой, волнуется приютившая его Татьяна, жительница города Чихова, интересуются соседи, служебно и лично (по причине Татьяны) взволнован милиционер Харченко...

«Синдром Феникса» — правдивая, веселая и местами страшноватая сказка новейшего времени на тему: те ли мы, кем себя считаем и за кого себя выдаем? Не обманываем ли сами себя?

А кем оказался герой конкретной истории — об этом в книге.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-20067-3

© А. Слаповский, 2007
© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Часть первая

1

Есть в Подмоскowie такой городишко Чихов, но не спешите проверять по карте, там этого названия не отыщется — я его, честно скажу, придумал. Причем имеется в виду не созвучный Чихову город Чехов, поименованный в честь великого русского писателя, а совсем другой, потревожить обозначить его прямо я не решился, чтобы не обидеть реальных людей, оказавшихся вовлеченными в эту историю.

Итак, названия нет, но город точно есть.

И в нем жила, да и сейчас живет женщина тридцати пяти лет — Татьяна Лаврина, продавщица круглосуточного магазина. Судьба и жизнь ее типичны: двое сыновей, выгнанный бездельник-муж, никакой поддержки, крутись, как хочешь. Вследствие этого и характер у нее тоже довольно типичный для нашего времени: резкий и решительный. Даже слишком: мужа могла бы и потерпеть, потому что Валерий Абдрыков (она отказалась от его фамилии при разводе) хоть не каждый день работал, но ведь и не каждый день пил, что по чиховским меркам считается вполне нормальным. Бывают, конечно, отклонения: человек каждый день работает и совсем не пьет или, напро-

тив, совсем не работает и каждый день пьет, но это уже явления аномальные, которые малоинтересны.

Однажды ночью Татьяна сидела в своем магазине, находящемся на окраине города, и скучала.

От скуки ела шоколад и читала книжку. Отломит дольку, перевернет страницу. Еще долька, еще страница. Посмотрела на плитку шоколада — уже половины нет. Вздохнула, приложила ладонь к талии, решила, что еще две дольки можно — и отломил их. А остаток завернула и спрятала под прилавок с глаз долой.

Тут зазвонил колокольчик, подвешенный к двери, и вошел Михаил Ерепеев, рослый парень лет примерно двадцати семи. А может, даже и тридцати. А может, даже и больше, но глаза у Михаила какие-то совсем еще подростковые: простые, бесхитростные и при этом неумело наглые. Так именно подростки хотят казаться смелее, чем они есть на самом деле. При этом еще не знают, к чему они стремятся в этой жизни. Михаил тоже не знал и, ожидая, пока наконец поймет собственные предпочтения и цели, устроился охранником в мебельный магазин, что наискосок от магазина Татьяны.

Вот он и зашел к Татьяне по соседству, поздоровавшись вежливо, но и с некоторым юмором:

— Привет, давно не виделись!

Татьяна, кивнув, не глядя сняла бутылку пива с полки и поставила ее на прилавок.

— Взял бы уж сразу ящик, — сказала она довольно нелюбезно. — Ходит каждый час...

Михаил легким привычным движением скovyрнул пробку открывалкой, что была привязана веревочкой (а то унесут), сделал пару глотков и резонно возразил:

— Ящик я сразу выпью. Неинтересно. А так я сижу, на часы смотрю. Час прошел — к тебе прогулялся. Быст-

рей время идет. Человек, Татьяна, когда ждет чего-то приятного, он не скучает!

— Ограбят, пока ты ходишь.

— Там сигнализация. А грабить — мебель такая, что не унесешь.

Михаил отпил еще пару глотков и сказал многозначительным голосом:

— Тань!

Татьяна, не отрываясь от книги, отозвалась:

— Чего?

— Невежливая ты, — упрекнул Михаил. — Человек к тебе пришел.

— Ты к пиву пришел, — уточнила Татьяна.

— Неправда. То есть вообще-то тоже, — частично согласился Михаил. — Одно другому не мешает.

Татьяна не хотела поддерживать беседу. Посмотрев куда-то сквозь Михаила, она спросила:

— Ты выпил?

Михаил понял смысл ее вопроса.

— Не надо гнать, Тань. Я быстро не пью, я не алкоголик.

2

А тем временем в город Чихов вошел некий человек.

Он вошел со стороны той самой окраины, где располагался магазин Татьяны, сторона эта была застроена домами деревянными и изредка кирпичными, то есть сельская по виду, но вид этот плохо различался: не горел ни один фонарь. Да при этом облачность: ни луны, ни звезд. И сказать о внешности этого человека пока ничего нельзя. Только слышно — покашливает.

Михаил, не дождавшись от Татьяны диалога, допил бутылку и пошел к двери.

Там остановился, подумал, обернулся:

— Тань, а ты замужем вообще?

— Тебе-то что? — удивилась вопросу Татьяна.

— Так. Спрашиваю, — уклонился Михаил.

— Ну — не замужем.

— А чего такая неразговорчивая?

А неизвестный человек все брел наугад.

Михаил же, вернувшись к месту прохождения службы, слонялся по магазину.

Магазин был большой, мебель стояла не просто так, а что-то из себя изображая.

Например, в одном углу соорудили кабинет начальника: массивный черный стол, кожаное кресло с высокой спинкой, книжные шкафы — все солидно, основательно, представительно. Михаил сел в кресло, покрутился в нем, потом вытянул руку с расстрельным указательным пальцем и внятно, внушительно произнес: «Пошел вон!»

Прогнав неведомого вредителя и исполнив начальнический долг, Михаил отправился отдохнуть в секцию мягкой мебели для гостиной. Прилег на пухлый белоснежный диван, закинул ногу на ногу и поманил кого-то пальцем. Но неведомый позванный или неведомая позванная, что вероятнее, не успели подойти: Михаил заметил, что чиркнул ботинком по обшивке, оставив след. Он вскочил, поплевал на пальцы, потер — след исчез.

После этого Михаил посмотрел на часы и увидел, что пора опять пить пиво.

3

Татьяна клевала носом над книгой. Книга свалилась, хлопнулась на пол, Татьяна очнулась и пошла в подсобное помещение — умыться. В это время зазвонил колокольчик.

— Сейчас, — проворчала Татьяна, вытирая лицо и неприветливо глядя на себя в зеркало.

Она вышла и увидела возмутительную картину: оборванный, нечесаный, заросший бородой, да еще и какой-то паленый (даже запах ощущался) человек в грязных джинсах, драной футболке и кожаной куртке зашел себе преспокойно за прилавок, взял батон и стоит, видите ли, кусает батон, да еще при этом шарит глазами, высматривая, чего еще стащить.

Таня схватила швабру и крикнула:

— Это что такое? А ну, пошел отсюда! Милицию вызывать? Бомж поганый, марш! Сейчас как дам вот!

Слово у нее редко расходилось с делом: она пихнула человека шваброй. Тот от неожиданности покачнулся, запнулся, чуть не упал и закрылся руками, как ребенок, который боится.

Таня наставила на него швабру и спросила:

— Ты что это делаешь, а?

Человек посмотрел сквозь пальцы, раздвинув их, уб-
рал руки от лица, убедившись, что большой опасности
нет, откусил от батона и улыбнулся. И сказал, ничуть не
стесняясь, а даже почти хвастливо, как бы предлагая за
себя порадоваться:

— Ем!

Татьяна возмутилась:

— Ест он, ага! Наглость какая! Еще и выпить тебе?

— Спасибо, — поблагодарил человек и протянул ру-
ку к полке, где стояли бутылки с водой.

— Не тронь! — замахнулась Татьяна шваброй.

Человек отдернул руку.

— Чего засел? Иди отсюда! — приказала Татьяна.

Тут вошел Михаил.

Увидев постороннего мужчину, он, естественно, на-
сторожился:

— Это кто?

— Да бомж какой-то! Обнаглел, прямо на моих глазах
хотел обокрасть! — пожаловалась Татьяна. Впрочем, ско-
рее не пожаловалась, а проинформировала, жаловаться
было не в ее обычае.

Михаил тут же оценил ситуацию и начал действовать.

— Ваши документы! — потребовал он.

Человек смотрел на него и пытался понять:

— Документы?

— Документы, документы! Аусвайс в смысле. Пока-
зал быстро! Не хочешь?

Войдя в роль блюстителя порядка, Михаил все боль-
ше распалялся:

— Руки за голову, лицом к стене! Хлеб положи, ну!

Человек не положил хлеб. Он пожал плечами, удив-
ляясь несурзости этого приказания, и объяснил:

— Я есть хочу.

Михаил вырвал у него батон и приказал:

— Молчи громче!

И хотел вернуть украденное Татьяне, но она отказалась:

— Да ладно, он его надкусал уже.

— Неважно! Сейчас я его отведу в милицию!

— Не надо, — сказала Татьяна. — Пусть уходит. Он кроме хлеба ничего и не взял.

Михаилу захотелось показать себя перед нею добрым человеком. Поэтому он предложил бомжу:

— Выбирай: или я веду тебя в милицию — или даю тебе три раза по шее. Предупреждаю: от меня есть шанс выжить, от милиции нет.

Всякий разумный житель нашей Богом спасаемой (ибо больше некому) страны выбрал бы, конечно, не милицию, а частное лицо. Не потому, что от милиции действительно нет шанса выжить, но очень уж она у нас непредсказуема. Приведут тебя туда с одним делом, а возьмут совсем за другое. И потом, всякий милиционер есть одновременно и государственный служащий, и частное лицо, потому что у него ведь семья, дети, и все есть хотят, следовательно, общаясь с милиционером, ты общаешься как бы с двумя людьми сразу, и неизвестно, кто из них возьмет верх. Частное же лицо, оно и есть частное лицо, с ним можно договориться по-свойски, и вообще, замечено, контакт на уровне не служебном, личном, у нас как-то безопаснее. И дешевле обходится. Но бомж поступил странно, неразумно. Глядя на Михаила вопросительно, он не ответил точно, а словно предположил:

— В милицию?

— Не угадал! — воскликнул Михаил. — Я тебя сам накажу!

И поднял руку, чтобы исполнить обещание, ударить три раза по шее негодяя.

Но произошло что-то странное: бомж пригнулся, вильнул телом в сторону, рука Михаила рубанула пустоту, а потом что-то ее, руку, сильно дернуло, и Михаил всем своим громоздким телом рухнул на пол.

Но тут же вскочил и закричал Татьяне, выхватывая газовый пистолет, который ему выдавали на время дежурства:

— Отойди от него! Отойди!

— Брось дурить! — испугалась Татьяна.

— Отойди, говорю! — кричал Михаил.

Татьяна отошла от греха подальше.

— А ты — руки вверх! — велел Михаил бомжу. — И на выход!

— Зачем? — спросил тот.

— Ты так?! — окончательно разозлился Михаил.

И нажал на спусковой крючок.

Но выстрела не произошло.

Михаил нажал еще раз.

Ничего.

Михаил нажал несколько раз подряд.

Тщетно.

Михаил, недоумевая, заглянул в дуло, нажав при этом на крючок еще раз. На этот раз получилось: раздался выстрел, пыхнуло облако газа, Михаила отбросило, он упал и взвыл.

Татьяна, не растерявшись, первым делом побежала к двери, распахнула ее и стала махать своим фартуком, разгоняя газ. Одновременно она зажимала ладонью рот и нос. Успела при этом крикнуть бомжу:

— Иди на воздух, а то отравишься!

Тот послушно пошел на воздух.

— Господи, вот дурак-то! Ты живой? — Татьяна склонилась над Михаилом.

А тот тер кулаками глаза, кашлял и кричал:

— «Скорую» вызови!

4

Приехала «скорая».

Сонный врач, загружая Михаила с помощью санитара, спросил у Татьяны:

— Кто его?

— Да сам.

Врач кивнул:

— Обычное дело. Они все сами.

Машина с пострадавшим уехала, Татьяна сказала бомжу, стоявшему в двери:

— А ты чего? Давай, будь здоров. Радуйся, что все обошлось.

Но бомж смотрел на нее странно. Будто лишь сейчас разглядел. Будто пытался узнать. И — узнал. Широко улыбнулся и сказал:

— Здравствуй!

— Ага, давно не виделись! — ответила Татьяна и пошла в магазин. Человек хотел пойти за нею, но она хлопнула за собой дверь и задвинула засов.

Через несколько минут дверь открылась, Таня подала в шель надкусанный батон и большую бутылку дешевой воды.

- На. И проваливай.
- Спасибо, — поблагодарил бомж. И опять поприветствовал Татьяну: — Здравствуй!
- Вот заладил... — проворчала она, закрывая дверь.

5

Заварив себе крепкого чаю, Татьяна выпила две чашки, чтобы прогнать сон, села читать, но сон все-таки одолел, она задремала.

И ее до самого утра никто не потревожил.

А утром, выйдя на крыльцо, она увидела, что бомж не ушел. Спит, свернувшись калачиком.

Татьяна слегка пихнула его ногой (не от грубости, а потому что он ведь, может, заразный, а у нее дети!).

— Ты тут еще? Смотри, милиция заинтересуется, в самом деле! Алё, гражданин, проснись!

Бомж проснулся, сел, протер глаза, увидел Татьяну и обрадовался:

— Здравствуй!

— Смени мелодию, — посоветовала Татьяна. — И нечего тут. Мне не надо, чтобы у меня на пороге неизвестно кто спал, понял? Если ты бомж, иди куда-нибудь в кусты и лежи там. Если псих, ищи свою психушку!

Она ушла.

Бомж встал и огляделся.

Похоже, услышав про кусты, он именно их и искал взглядом.

И нашел: между двумя новыми домами был пустырь. Тоже собирались строить дом, но дальше фундамента дело не пошло. Все поросло густым бурьяном в человеческий рост.

Бомж пошел туда и скрылся в этих зарослях.

Сидел и смотрел оттуда на дверь магазина.

6

К восьми утра в магазин пришла девушка Кристина, сменщица Татьяны.

Вообще схема работы продавщиц в магазине была такая: «через два раза по двенадцать». Это означало: три продавщицы по очереди отработывали двенадцать часов. К примеру, отстоит Татьяна ночь с восьми вечера до восьми утра, потом две напарницы, на следующий день Татьяна уже с восьми утра до восьми вечера, зато потом у нее свободны ночь и целый день. Таким образом, если не очень дрыхнуть после ночной смены, образуется, помимо работы в магазине, два полноценных трудовых дня, которые Татьяне, как мы увидим позже, очень были нужны.

Татьяна сдавала Кристине смену, доедая шоколад. Объясняла:

— Вот тут все записано — сколько, чего. Рашкин в счет долга две бутылки пива взял, Семенчукова бутылку водки, они отдают, им можно...

Кристина не смотрела в тетрадь, а, прислонившись спиной к стене, зевала и распрямляла плечи, закидывая назад руки.

— Кристина! Очнись!

— Дискотека была в ДК до четырех, — объяснила Кристина. — Два часа спала всего.

— Молодость. Здоровье, — позавидовала Татьяна.

Кристина махнула рукой:

— Да нет уже здоровья никакого, уже печень чувствую, а мне двадцать четыре всего!

— Замуж тебе надо.

— Ты была — и что? Двое детей, а муж где?

— Лучше уж никакого, чем такой, — призналась Татьяна.

Кристина отломилась из руки Татьяны дольку шоколада и сказала:

— Тоже на сладкое тянет — это не беременность?

Татьяна, осмотрев шоколад, ответила:

— Нет. На соленое обычно.

И, будто чего-то напугавшись, завернула остаток и спрятала поглубже под прилавок.

— Соленого тоже хочется, — обреченно призналась Кристина. — Провериться надо. Хорошо тебе — уже родила, отмучилась. А я чего-то так рожать боюсь!

— Говоришь, будто уже собралась. Ты реши сначала, от кого.

— А какая разница? — рассмеялась Кристина. — Какой ни будет, все равно исчезнет. У меня ни одна подруга с мужем не живет!

— Национальная проблема! — вздохнула Татьяна.

— Вот именно, — согласилась Кристина.

При этом, замечу, никакой горечи не было в ее голосе, а просто констатация факта: что же делать, если оно так есть? Делать нечего.

Татьяна вышла из магазина.

Бомж увидел это, вылез из бурьяна и отправился за нею.

Магазин был на одной окраине, а жила Татьяна на противоположной, поэтому путь ее домой пролегал через центр города, который был вполне фешенебельным: большие дома, рекламные щиты, витрины магазинов. И множество машин.

Бомж, идя за Таней и явно боясь упустить ее из виду, успевал разглядывать и окружающее, причем не как человек, впервые попавший в этот город, а словно был вообще пришельцем, который удивляется самым обычным вещам. Например, его поразили люди, разговаривающие сами с собой, в пространство, то есть по мобильным телефонам. Бомж хмыкал, недоумевал, наконец подошел сзади к одной девушке, углубившейся в разговор, и прислонился ухом к ее трубке, чтоб услышать, что там такое. Девушка ойкнула, оглянувшись, крикнула что-то вроде: «Идиот!» — и торопливо ушла.

Или: человек с ручной газонокосилкой (такой стригущий диск на длинной палке) обрабатывал траву возле красивого дома; из-под диска вылетали зеленые крошки, пахло замечательно, бомж остановился, любуясь процессом и вдыхая воздух (тут же, впрочем, закашлявшись), но опомнился, встревожился, отыскал взглядом Татьяну и устремился за ней.

Или: сопровождаемый двумя милицейскими машинами с мигалками, промчался чиховский мэр Тудыткин, направлявшийся в Москву; бомж сперва испугался, спрятался за угол, а потом вышел и проводил кортеж восторженным взглядом: так мальчики, еще не приученные к социальности, не испорченные классовой ненавистью, бескорыстно разглядывают красивые автомобили, не думая, честным или нечестным трудом они нажиты.

Он вообще был похож именно на мальчика, а не на психа или алкоголика, но мальчика совсем маленького,

удивительным образом не знающего или не помнящего совсем простых, даже элементарных вещей. Во взгляде бомжа читалось: «Надо же, как интересно вы тут живете!»

Меж тем Татьяна заметила его — как раз в тот момент, когда бомж засмотрелся на подъемный кран, длинная стрела которого величественно и плавно несла бетонную плиту; плита казалась маленькой, но при этом чувствовалось (по осторожному движению стрелы), что она массивна и тяжела. Бомж чуть не наткнулся на Татьяну.

— Мужчина, ты не нарываешься! — сказала она. — Если тебе женщина поесть дала, это ничего не значит! Уходи, чтобы я тебя не видела!

— Здравствуй! — ответил на это бомж.

— Так и будешь, пока завод не кончится? Или ты на батарейках?

Бомж улыбнулся и пожал плечами.

Таня пошла дальше.

Бомж постоял и двинулся следом, соблюдая дистанцию.

7

Наконец Таня оказалась на Садовой улице, где находился ее дом — довольно большой, когда-то красивый, хоть и деревянный, с резными ставнями, с жестяным узорчатым гребнем на крыше. Но краска на ставнях и стенах облупилась, гребень проржавел, как во многих местах и сама крыша, да и дощатый забор был весь в заплатках — там жердь, там штакетина, там две-три доски горбыля.

Таня оглянулась: бомж, похоже, отвязался.

Вошла в калитку — бомж появился из-за угла.

Подошел к дому, сел у забора и застыл.

В доме было чисто, прохладно, уютно.

Толик, младший сын Татьяны десяти лет, еще спал, а старший, двенадцатилетний Костя, сидел за старым компьютером и играл в войну.

— Ты хоть ложился вообще? — спросила Татьяна.

— Угу, — ответил Костя, не глянув на нее.

— Ел?

— Угу.

Таня вышла на просторную веранду, которая была заодно летней кухней, заглянула в кастрюлю, стоявшую на

плите, в тарелку на столе, накрытую другой тарелкой. Вернулась в дом.

— Ага, ел. Помешался на компьютере своем, и зачем я тебе его купила?

Она поставила перед Костей тарелку.

— Ешь!

— Мам, некогда! — взмолился Костя.

— Ешь, сказала! А то выключу! Толик проснется, пусть тоже поест. Пусть разогреет.

Говоря это, Таня смотрела на монитор компьютера, где обильно лилась кровь убиваемых врагов. И поморщилась:

— Господи, что ж ты в такой ужас играешь? Это кто в них стреляет, ты?

— Они же неживые, мам! — азартно сказал Костя. — Анимация! Крутая игра, «Десант» называется. Типа война. Американцы с фашистами.

— Ты за кого, за американцев?

— Не-а, за фашистов.

Таня возмутилась:

— Прекрати!

— А чего? — не понял Костя. — Это игра же! За американцев я фашистов уже победил, а теперь наоборот.

— А наших там нет?

— Нет. Это же американская игрушка.

8

Спать утром, хотя и после ночной смены, баловство: дела не ждут.

Таня вышла в сад, что был за домом. Сад небольшой, но ухоженный, а за садом, до брошенного, поросшего чахлой травой щебеночного карьера, — пустырь. Там, на участке, прилегающем к саду, Таня выгородила себе пространство и поставила две теплицы. В одной выращивала всякую зелень вроде петрушки и укропа, в другой овощи более серьезные: помидору (это не ошибка, так помидоры называют в Чихове), огурцы, лук, морковь. Это, в сущности, и давало ей и детям основной доход, за работу в магазине платили мало. Но в магазине все-таки официальная работа, хоть и на хозяина, то есть трудовая книжка, стаж и все такое прочее. Чтоб было с чего пенсию оформлять: сейчас тебе тридцать пять лет и кажется, что вся жизнь впереди, а смотришь — уже сорок, уже пятьдесят, и вот пора на пенсию выходить, а кто будет платить, если ты нигде не зарегистрирован? Конечно, можно бы и свое маленькое сельскохозяйственное производство оформить, но это такая морока, такая куча бумаг, столько времени обивать пороги, а главное, мешает

вечная опаска русского человека признать себя официально собственником. Конечно, и так все видят, что у тебя, например, те же теплицы или что ты во дворе своего дома устроил автомастерскую или что ты сделался таксистом на собственной машине, но, если ты не учтен, если твоего, скажем современно, бизнеса, нет на бумаге, то с тебя нет и спроса. Не нравится вам моя теплица, мастерская, мой извоз? Да ради бога, завтра же следов не будет! Когда же есть бумага, любой чиновник к тебе нагрянет и потребует отчитаться. Ты ему скажешь: да нету ничего! А он скажет: меня не касается, на бумаге есть — и отметки о сворачивании дела не имеется. Будьте любезны! Вот и будешь любезен — и деньгами, и отчетами, и прочей чепухой, отвлекающей от работы. А мечты некоторых о том, что государство скоро устроится как-нибудь с пользой и удобством для честного частника, это утопия, граждане. Государство, оно не дура (т.е. не дурак... тоже неверно, но как сказать — не дура, что ли?), оно у нас привыкло, что с частника надо драть, иначе обнаглеет.

Ну ладно. Это мы с вами об этом думаем, Татьяне об этом думать некогда.

Нарезав укропа, лука, петрушки, она набила две объемистые сумки, взвалила их на тележку с большими колесами, плоским настилом и невысокими бортами, похожую на восточную арбу, только меньше, и покатила к навесу в саду, под которым стоял старый-престарый «москвич». Прикрепила тележку к машине, села, чтобы ехать. «Москвич» завелся, но тут же заглох. Опять завелся, чихнул пару раз — и заглох навсегда. Татьяна вышла из машины, ударила с досадой по колесу, отцепила тележку и покатила вручную.

Вывезя тележку из калитки, она увидела бомжа.

— Ты здесь?

— Здесь. Здравствуй.

— Прощай, — сказала Татьяна.

Обернулась, крикнула:

— Только попробуй тут у меня что-нибудь — прибыю!

9

Татьяна прикатила свой товар на рынок, что располагался на площади возле двух вокзалов: железнодорожного и автобусного.

Рынок был популярен и у жителей города, и у богатых обитателей окрестных коттеджных поселков Мальки, Пыреево и Вощёновка. Заправляли рынком, само собой, южные люди, поскольку зелень и овощи их извечная специальность. Старухи, имея время, торговали сами, но не с прилавков, где каждое место стоило больших денег, а с земли, то есть с ящичков. Сначала милиционеры, науськанные южными людьми, время от времени их гоняли (сами южане стеснялись это делать, уважая старость даже у инородцев), старухи молча брали свои пучки и уходили, чтобы потом вернуться, но в последнее время настроения их отчего-то изменились, они все больше смелели, вступали с милиционерами в спор, а иногда даже и посылали их если не прямым текстом, то косвенно-понятным: дескать, иди-ка ты к той, что мне, между прочим, в дочери годится, а сам ты во внуки! Один милиционер, совсем молоденький, обиделся, схватил корзину какой-то старухи, чтобы реквизировать, но что

тут началось! Старуха в крик и в слезы, проходящий пенсионер норовил ударить милиционера клюкой, двое-трое плечистых русских мужиков, опомнившись, что в кои-то веки надо иметь совесть и защитить пожилую отечественную женщину, бежали к милиционеру, размахивая решительными кулаками; пришлось товарищам милиционера наскоро объяснить дураку, в чем смысл жизни, и увести бедолагу, который, рдея юными щеками, и сам был не рад, что слишком ревностно отнесся к службе.

Хозяева поборолы в себе уважение к старости и начали действовать сами: молча подходили, брали сумки и уносили за территорию рынка.

Старухи, плюясь и бранясь, шли за сумками и возвращались с ними обратно.

Их оставили в покое.

Татьяна сдавала зелень своему оптовику Муслиму, чело-
веку с ласковыми, но внимательными глазами.

— Молодец, Танечка, хороший товар, — хвалил Муслим.

— Так платил бы нормальные деньги, — заметила Татьяна.

— А они нормальные! — показал Муслим деньги. — Почему не нормальные? Смотри, какие красивые: синенькая, желтенькая, фиолетовенькая!

— Синенькой от тебя не дождешься!

— Сезон такой, Танечка. На открытый грунт зелень уже всюю растет! — извинился Муслим.

Таня пересчитала полученные купюры, вздохнула.

— Такая красивая женщина, а так деньги любишь! — упрекнул Муслим.

— А ты не любишь?

— Фе! — презрительно скривился Муслим. — Конечно, не люблю. Я жизнь люблю! И красивых женщин, — добавил он довольно деликатно, чтобы его слова не показались наглыми: Муслим был умен и хорошо понимал, кому можно хамить, а кому нет.

— Да и я не люблю, — созналась Таня. — Но как без них?

10

А неопознанный и странный человек все сидел у изгороди.

Хлеб он съел, воду выпил. Его разморило на солнышке, он снял куртку, свернул ее и положил в лопухи, прикрыв ими, чтобы кожа не нагрелась.

Но не скучал.

Смотрел, как белые облака плывут, медленно меняя форму.

Смотрел, как красные насекомые (их называют «солдатиками») бесцельно, но хлопотливо суетятся возле обломка кирпича.

Как бабочка села на цветок, трепеща крыльями.

Как пролетела стайка воробьев, а за ними спланировал толстый ленивый голубь.

Как одна за другой проехали по тихой улице четыре машины — три легковые и одна грузовая. Каждую божливо внимательно осмотрел.

Проходили мимо и люди. Как правило, они были озачены и молчаливы. Он говорил им:

— Здравствуйте!

Они вздрагивали, смотрели на него недоуменно и что-то бормотали сквозь зубы или просто отводили глаза.

А вот соседка Татьяны, интеллигентная пожилая дама Эмма Петровна Обходимова, не удержалась и спросила:

— Вы к кому?

Человека этот простейший вопрос поставил в тупик. Он промолчал.

— Ищете, что ли, кого? — уточнила тогда Эмма Петровна.

Но человек и на это ничего не ответил.

Потом появился хромающий старик с палкой, лет шестидесяти с лишком, бедно, но опрятно одетый.

Это был Олег Трофимович Одутловатов, он жил неподалеку, в доме на углу улиц Садовой и Рукопашной. (Мэр Тудыткин, возглавив город, хотел в ряду других своих начинаний сменить это хулиганское название на более приятное: Вишневая, например, или Перспективная, но его советник по культуре, местный знаменитый писатель, поэт и краевед Семен Усенин, автор трех книг, одна из которых была издана в Москве, хоть и на средства автора, отговорил: во-первых, настоящее название улицы не Рукопашная, а Рукопашного в честь чиховского героя Артема Рукопашного, взявшего этот боевой псевдоним, когда он превратился из сапожника Арона Рыкеля в предревкома Чиховской волости, и оному Рукопашному до сих пор в местном краеведческом музее посвящена экспозиция, несмотря на двойственное отношение нынешних историков к революции и Гражданской войне: из песни слов не выкинешь. Во-вторых, даже если взять народное название улицы, ибо народ забыл героя и не ведал о настоящих истоках, то и это слово не является позорным. «Рукопашное дело, — объяснял Усенин, — означало в древности: пахать руками. А пахали руками не только физиономии неприятелей, но и по хо-

зайству, это потом значение стало сугубо драчливым». Мэр этим объяснением удовлетворился.)

Одугловатов называл себя «вторичным инвалидом». Или еще — «дважды инвалид». Основания были: в детстве ему перешибли жердью ноги при невыясненных обстоятельствах. Одна версия (самого Одугловатова) была, что он сторожил бахчу отца, на которую забрались воры за дынями, защищал отцовское добро, вот его и покалечили. Другая версия: он сам забрался на соседнюю бахчу (по известному мальчишескому убеждению, что соседские дыни и арбузы намного слаще), там-то ему и досталось от сердитого хозяина или сторожа. Как бы то ни было, одна нога у Одугловатова срослась неправильно, стала сохнуть, и он, охромев, заимел пожизненную инвалидность второй, кажется, группы. Но был активен, мотался по стране, где-то чего-то продавая, доставая, пускаясь в авантюры, последней из которых была — доставка нескольких партий почти новой мебели в Россию из опустевших населенных пунктов Чернобыльской зоны. На этом он и пострадал, «нахватал радиации выше крыши», и вот уже который год ходит по врачам, добивается, чтобы ему присудили еще одну инвалидность. Врачи отбиваются, говорят, что толку никакого: будет та же инвалидность второй группы, то есть подтверждение имеющейся. Одугловатов не согласен. Есть же дважды Герои Советского Союза с присуждением Золотой Звезды и Ордена Ленина, говорит он. За каждую звезду человек пожизненно получает двести рублей старыми деньгами (где-то когда-то он об этом услышал). То есть за две — четыреста. Поэтому и я должен за каждую инвалидность получать отдельную пенсию, а в результате двойную!

Пока он никого в своей правоте убедить не может, но не отчаивается и внимательно следит за политическими

событиями, ища в них намеки на то, что скоро его дело выгорит.

Сделавшись окончательным инвалидом, он увидел себя без средств (кроме единственной пенсии), без угла, без семьи. Поехал в Чихов к сестре, которую не видал уже лет двадцать. Оказалось: домишко сестры заколочен, сама она восемь лет как в могиле, а сын ее, племянник Одутловатова, Юрий Кумилкин (мужняя фамилия упокойшейся сестры) отбывает уже третий срок в тюрьме за аморальный образ жизни.

Одутловатов устроился в этом домишке, кое-как наладил быт, а тут явился и племянник. Сначала они ссорились, ибо каждый считал другого приبلудившимся: дядя приبلудился к дому, а племянник к дяде, «на все готовое», как выразился Одутловатов, но потом примирились; Юрий, не любя и не умея работать, жил на дядину пенсию, а долгими вечерами без радио и телевизора они предавались рассуждениям о возможности как-нибудь хитроумным и чрезвычайным способом раздобыть много денег, чтобы снести свою хибару, построить на ее месте большой дом и устроить семейную гостиницу: племянник уверил дядю, что это самый надежный и выгодный бизнес из всех существующих.

Одутловатов, ответив на приветствие бомжа, остановился, опершись на палку:

— Сидишь? — спросил он.

— Сижу.

— Все равно ничего не высидишь. Я вот сколько лет мучаюсь. Я ведь дважды инвалид: с детства нога покалеченная, а потом радиации нахватался в зоне бедствия, сам понимаешь, о чем речь. Мне должны две пенсии платить, если честно. Так докажи им!

И старик пустился подробно рассказывать бомжу о

своих мытарствах. Тот слушал внимательно, с интересом, не все понимая, но всему сочувствуя.

Тут показался Юрий, голый по пояс и в шортах. Крикнул дяде:

— Ты еще тут? Душа же горит!

— Иду, иду! — отозвался Одутловатов.

И поковылял по улице.

А Юрий приблизился к бомжу и задал тот же вопрос, что и дядя:

— Сидишь?

— Сижу.

— Нечего тут расслаивать! Тут местные люди живут, а ты кто?

Показалась Татьяна с пустой тележкой.

— Привет, Тань! — махнул ей рукой Юрий. — Это что за личность?

— Не знаю, — сказала Татьяна, заходя в калитку.

Юрий, постояв немного, тоже ушел. Ему бы и хотелось поссориться с пришельцем, но для этого нужно видеть энергию отпора, сопротивления, а у бомжа ни отпора, ни сопротивления не наблюдалось.

Толик проснулся и улетучился, не убрав постели.

Костя спал, уронив голову на стол. На мониторе застыла картинка. Татьяна взяла сына под мышки, повела к постели, тот упал. Оглядев картинку, Татьяна нажала на клавишу, и картинка ожила — застрекотали выстрелы, повалились враги, полилась кровь. Татьяна испугалась и выключила компьютер.

Вечером семья ужинала, и Костя, только что приехавший на своем велосипеде с дальних прудов, спросил:

— Мам, а чё за мужик там у забора сидит? Весь день сидит!

— Да бомж какой-то. Нищий.

— Шугануть его?

— Ну, шугани, — разрешила Татьяна. — Только культурно.

— Это мы можем! — выскочил Костя из-за стола.

Толик, естественно, помчался за ним.

Костя подбежал к человеку и строго спросил:

— Мужик, ты чё сидишь тут? Давай иди отсюда!

— Куда?

— А куда хочешь!

— Я никуда не хочу, — улыбнулся бомж.

— Ага, культурно не понимаешь?! — завелся Костя. — Сейчас будет некультурно!

Толик подобрал с земли палку и подал ее Косте. Тот схватил ее и крикнул:

— Считаю до трех!

Но Татьяна, вышедшая из калитки, осекла его:

— Э, э, орел! Брось палку!

— А он слов не понимает!

— Ладно, идите в дом, остынет все! И так целый день шалаетесь не евши! Идите, я сказала!

Толик и Костя, лишённые развлечения, неохотно пошли к дому: не слушаться мать они опасались. За ней не задержится и по затылку треснуть.

— Ну? И что будем делать? — спросила Татьяна. — Чего ты пристал ко мне, чего ты от меня хочешь?

— Есть хочу, — ответил бомж.

— Ага, конечно!

Татьяна подумала.

— А если вынесу тебе поесть — уйдешь?

— Почему? — не понял бомж.

— Потому, что ты тут не нужен мне!

— Почему?

— Он еще спрашивает! Ну, тогда извини! У меня терпение не безграничное, особенно на мужчин! — Татьяна достала старомодный мобильный телефон, нажала на кнопки. — Здравствуйте! Милиция? Тут человек, он хулиганит! Пристал ко мне и не уходит. Не напал, но может. А? Нет, я что, должна ждать, что ли? Вы тоже совесть имейте! Я не кричу, а... Да не знаю я, кто у нас участковый, я в глаза его не видала сроду! А? Садовая, тринадцать. Татьяна Лаврина. Вам-то какая разница? Ну, тридцать пять. А что, к пожилым не приезжаете?.. У вас тоже голос молодой. Двадцать пять? Я где-то так и думала... Мы что, об этом будем говорить вообще? Спасибо, жду.

Татьяна отключилась и сказала бомжу:

— Слышал? Я тебе по-человечески советую — лучше уйди. Понял?

Но бомж остался сидеть, словно не осознал опасности.

12

Через полчаса к дому Татьяны подъехал милицейский «воронок».

Из него вышли двое: лейтенант Харченко и сержант Лупеткин. Оба молоды, Харченко высок, строен, обаятелен, что среди милиционеров тоже встречается, а Лупеткин коренаст и неказист; в силу внешних данных и звания он зато был больше предан службе.

Татьяна встретила милиционеров. Харченко осмотрел ее с преувеличенным удивлением:

— Это вы звонили?

— Я.

— Вы говорили — вам тридцать пять. Я бы и тридцати не дал!

— Спасибо, — сказала Татьяна, не принимая игривого тона, и напомнила о деле:

— Вот — сидит.

Лупеткин подошел к божу:

— Гражданин, встанем, пожалуйста!

Тот встал.

— Документы, пожалуйста!

— У меня нет, — улыбнулся бож.

— Какая неожиданность! — изумился Харченко, весело глянув на Татьяну. — Это почему же?

— Не знаю.

— Опа, как интересно! — съехидничал Лупеткин. — А чего ты жженный такой? Горел, что ли?

Бомж осмотрел себя и не ответил.

— А откуда сам-то вообще? — продолжал допрос Лупеткин.

— Не знаю.

Лупеткин посмотрел на Харченко.

— Взять-то мы его можем, — задумчиво сказал Харченко. — Вас Татьяна зовут?

— Ну, — сказала Татьяна, не понимая, какое это имеет отношение к делу.

— Таня, суть следующая: мы его можем взять, нет проблем. Но отпустим.

— Почему?

— Указание есть: если бомжи не местные, не задерживать. Они зимой все равно исчезают или замерзают. А содержать у нас негде.

— До зимы, что ли, его терпеть?

— А он угрожал или еще что-то?

— Да нет, просто сидит. Как псих какой-то.

— Действительно, какой-то заторможенный. Не могу его взять, Таня. А препроводить куда-то без документов невозможно... Вы здесь живете, в этом доме?

— А где же еще?

— Одна? — заботливо уточнил Харченко.

— Дети. Два мальчика.

— Неужели вас муж не может защитить? — все более сочувствовал красавец лейтенант.

— Отсутствует.

— И участковый, говорите, не контролирует? Давайте я стану вашим участковым? — предложил Харченко, а

Лупеткин отвернулся, чтобы Татьяна не увидела его улыбки. Сержант хорошо знал повадки своего старшего по званию напарника.

Татьяна не выразила готовности стать подопечной лейтенанта, но он, тем не менее, записал номер ее телефона, дал свой и настоятельно просил звонить, если что.

Милиционеры уехали, Татьяна ушла.

Когда стемнело, она появилась и сказала:

— Ладно, заходи. Но в дом не пущу, не надейся!

Она устроила неизвестного человека в сарае.

Назавтра, отстояв смену в магазине, Татьяна жаловалась зашедшей вечером попить чаю школьной подруге, парикмахерше Лидии, женщине лиричной и вечно вздыхающей, потому что жизнь ее, как она считала, не вполне удалась. Они сидели в саду под яблоней, за дощатым столом, и Татьяна, кивая на сарай, говорила:

— Второй день его кормлю... Приблудился и уходить не хочет. Нет, выгоню, конечно! Был бы мужик, а он — недоделанный какой-то.

Лидия встала, тихонько подошла к сараю, заглянула в щелку, увидела бомжа, который с величайшим интересом рассматривал, доставая из столярного ящика, рубанок, молоток, топорик и аккуратно все это раскладывая вокруг себя. Он, видимо, вообще был большой аккуратист: цветастое старое одеяло, что выдала ему Татьяна, было ровно и гладко застелено, край загнут, подушка поставлена уголком.

Вернувшись, Лидия поделилась впечатлением:

— Если подстричь — симпатичный.

Татьяна только махнула рукой:

— А!..

Дескать: много их, симпатичных. А мне если и нужен мужик, то — по хозяйству.

— Я недавно по телевизору видела, — сказала Лидия, томно отпив чаю и промокнув губы бумажной салфеткой. — Женщина одна выступала: у меня муж инопланетянин. Говорит, встретились... Ну, как обычно между мужчиной и женщиной, — Лидия сделала паузу, отыскивая слово, и нашла его. — Отношения. Он и говорит ей: я инопланетянин, я послан для задания на вашу планету, чтобы ее разрушить, но я тебя полюбил и хочу с тобой жить и не буду Землю разрушать. И я, говорит, то есть эта женщина говорит, я, говорит, с ним живу и счастлива, он, говорит, не пьет, не курит, а в любви король. Представляешь?

— Ну да, конечно! — усмехнулась Татьяна, которая считала, что, в отличие от Лидии, живет в более реальном мире. — Нашел умный дуру и втюхал ей: инопланетянин! Этот тоже не курит и не пьет. Хотя я и не предлагала. Другой вопрос: тот инопланетянин, у этой женщины, он работает где-нибудь?

— Где он может работать? Он же инопланетянин!

— А, ну ясно! Тогда и мой бывший — инопланетянин. И вообще у нас половина мужиков с Марса!

— У меня мумий работает, а толку? — высказалась о своем муже Лидия.

— А чего? Он у тебя хороший, тихий.

— Да уж, — горестно сказала Лидия. — Тихий. После работы тихо домой. И тихо за бутылку. Тихо выпил, добавил, еще добавил — пока не упадет. Молча. А утром с ранья опохмелится и на работу. А вечером то же самое. А в субботу начинает прямо с утра. За два дня так нальется, что лежит просто трупом, весь коричневый станет, ручки

сложит, а сам тощий, одни кости, мумий, чистый египетский мумий, говорю тебе! И так всю жизнь! — Лидия вздохнула. — Какая мне от него польза, какой от него смысл, в том числе по женской части, Таня? — высказала она заветную мысль. — Что он есть, что его нет! А заработать я и сама сумею! Этот не намекал? — спросила она с улыбкой.

— На что? Ты не сходи с ума!

— Все мы люди, особенно женщины, — заметила Лидия, опять отпив чаю и опять промокнув губы салфеткой (есть у некоторых такая привычка: что бы ни выпили и ни съели, тут же губы — салфеточкой. Чтоб в порядке всегда были. На всякий случай.).

— Я даже как зовут его не знаю! — сказала Татьяна

— Спроси.

— Похоже, он сам не знает.

Лидию вдруг осенило:

— Знаю!

— Откуда?

— Да я не про имя! Я все поняла! Я про это тоже видела по телевизору. Человек исчезает. Его нет год, два. Поразному. А потом вдруг находят где-нибудь на железной дороге или в лесу. Сидит на шпалах или на пеньке и не понимает — как сюда попал, кто он... Ничего не помнит! И что он за это время делал, не помнит!

— Видела я эту передачу... Думаешь? — засомневалась Татьяна.

— Точно! — уверила Лидия.

— Там вроде как-то постепенно память пробудили у человека.

— Вот и ты пробуди.

— А как? И зачем? У меня других дел нет?

Лидия, вдохновившись, развила идею:

— А ты ему внуши, что он тут жил, что он вообще твой муж. И что он был хороший работник и что в постели — бог! А? Ты представляешь, чего от него можно добиться?

И Лидия покачала головой: видимо, сама представила, чего можно добиться от мужчины, если внушить ему, что он хороший работник и в постели бог. У нее даже щеки слегка покраснели.

Татьяна ее настроения не разделила, думала деловито, как привыкла.

— Ты хорошо про телевизор напомнила. Я его сфотографирую и пошлю в передачу, где людей разыскивают. Пусть покажут фотографию, может, кто-то узнает. Но я дожидаться не буду, я его все равно сдам куда-нибудь. Может, он маньяк, может, он из психушки сбежал?

— Не похож, — оглянулась Лидия на сарай.

— А какой маньяк на маньяка похож?

— Не скажи. Я вот по телевизору...

Татьяна на правах подруги оборвала:

— Да ну тебя с твоим телевизором! Не обижайся, Лид, но ты зря его все время смотришь!

Лидия обиделась:

— Я его смотрю как источник информации! А если тебе совет не нужен, не надо было звать! Спасибо за чай!

И, отпив напоследок еще глоток (и, само собой, промокнув губы), она встала и пошла к калитке.

И вдруг застыла. Как ни велика была обида, но мысль, пришедшая ей в голову, оказалась слишком потрясающей, чтобы удержать ее в себе. Она торопливо вернулась и прошептала:

— Татьяна! А может, он — робот?!

Татьяна чуть не поперхнулась.

Встала, пошла к сараю. Лидия за ней. Они стали смотреть в щель.

Человек, вынув из ящика рубанок, повертел его, пальцами провел по лезвию, догадался о назначении инструмента, взял короткую дощечку и начал ширкать по ней. На лице его засветилось счастье. А движения при этом были равномерные, словно автоматические. Будто у робота, в самом деле.

— Я вот видела... — шептала Лидия.

— По телевизору?

— Ну и по телевизору! Кино было: создали робота, совсем как человек. А он сбежал. Дальше не помню, заснула.

— Прямо совсем как человек? И ел?

— Нет. Зачем, он же на этих. На аккумуляторах.

— А этот ест.

Человек строгал. Они смотрели.

— Может, он изображает? — предположила Лидия. — А сам потихоньку пальцы в розетку сунет и заряжается. Ты посмотри по счетчику, сколько у тебя в день накручивает.

Татьяна была настолько растеряна, что даже не улыбнулась этому предложению.

14

А потом явились Толик и Костя, и Татьяна устроила обобщим выволочку:

Толик порвал футболку, а Костя запачкал штаны. Они стояли, шмыгая носами, а Татьяна шумела:

— Футболка денег стоит или нет? Мне что, выкидывать теперь ее? Я на что горблюсь вообще? Все деньги на кормежку и одежду улетают! Вы это соображаете или нет? Ну он малой, — тыкала она пальцем в Толика, — а ты-то здоровый уже балбес, двенадцать уже! — потрепала она Костю за рубашку. — Штаны тебе каждый день стираю, одного порошка уходит, как в прачечной какой-то! Издеваетесь над матерью!

— Да ладно, — сказал Костя. — Было бы из-за чего...

— Ты считаешь — не из-за чего? Я вот сниму штаны — и ходи в чем хочешь!

Тут Татьяна заметила, что Толик, то ли забывшись, то ли обнаглев, улыбается. И при этом смотрит в окно. Татьяна обернулась: за окном стоял бомж и тоже улыбался. И чуть ли не подмигивал Толику, ободряя.

— Ты чего? — спросила Татьяна.

— Кричать не надо, — сказал бомж. — Дети не любят.

— Тебя не спросили! — сварливо ответила Татьяна. —
Навязался тоже на мою шею!

Отругав и раздев детей, Татьяна взялась за починку и стирку их одежды. Мимоходом глянула на счетчик.

— Костя! Тебе не кажется, что у нас электричества много наматывается?

— А я смотрел?

Татьяна, поразмыслив, достала из кухонного стола тетрадь, где вела учет всем домашним расходам, и записала туда показания счетчика.

Решила взять на контроль.

После этого достала простенький фотоаппарат-мельницу и пошла в сарай.

Включила там свет, сказала бомжу:

— Встань под лампу.

Тот встал.

Татьяна навела фотоаппарат, щелкнула.

Вспышка произвела на бомжа странное впечатление — он вскрикнул, закрыл лицо руками и повалился ничком на пол.

— Эй, ты чего? — потрогала его Татьяна. — Еще припадочный, не дай бог!

Но бомж быстро пришел в себя. Сел и попросил:

— Больше не надо.

— Не буду, успокойся.

Бомж закашлялся. Он и до этого все время перхал.

— У тебя не туберкулез, случайно?

Бомж приложил руку к груди:

— Обжег.

— Горло обжег? Наверно, дымом надышался, у тебя вид такой, будто с пожара.

Как хоть к тебе обращаться? Ко мне три года назад собака приبلудилась тоже. Взрослая уже, без одной но-

ги. Я думала, как называть. Начала варианты перебирать: Бобик, Шарик, Тузик. А потом почему-то в голову пришло — Джек. Даже не знаю, почему. Он как завизжит! Обрадовался. То есть — попала. А потом хозяева нашлись, оказалось — точно Джек! Давай попробуем, может, откликнешься как-то? Иван? Алексей? Александр? Петя? А мужа у меня Валерий зовут. Звали. А еще был друг в школе, очень хороший парень — Гоша.

И тут бомж встрепенулся.

— Что? Попала? Гоша, да?

— Гоша, да, — кивнул бомж.

На другой день Татьяна зашла на почту, купила конверт, вложила в него фотографию новонареченного Гоши, написала адрес и подала в окошко, где сидела ее знакомая, Тоня.

— Заказным.

— Отправим.

— Адрес правильный, как думаешь?

— Кто ж его не знает? Москва, улица Королева, с детства помню. А ты, что ли, потеряла кого? — полюбопытствовала Тоня, увидев название передачи.

— Да нет. Ты вообще не говори никому, что я на телевидение послала. Подумают еще чего.

— Тайна переписки гарантируется государством! — заявила Тоня.

Татьяна вернулась домой.

Гоша, пристроившись к верстаку у сарая под навесом, строгал все, что попадалось под руку. Несколько дощечек стояли готовые, куча стружки скопилась под верстаком.

— Столяром ты, что ли, был? Все мне перестрогал уже, уймись! — сказала Татьяна.

Гоша с сожалением отложил рубанок.

Вечером Татьяна ушла на работу, а Толик организовал Гошу поиграть в шахматы. Тот не знал правил, Толик объяснил ему и первые три партии легко выиграл. Четвертая была ничья, а пятую Гоша выиграл — и сам этому удивился.

— Это ты случайно, — сказал Толик. — Давай еще одну!

16

Дядя Одутловатов и племянник Кумилкин тоже занимались интеллектуальной деятельностью: беседовали за бутылкой вина.

— У Татьяны мужик какой-то поджился, — говорил племянник. — С рубанком целый день во дворе возится.

Дядя тут же догадался, к чему он клонит.

— Думаешь, плотник?

— Очень может быть. Нам плотники понадобятся. Снести дом к чертовой матери и построить большой. Семейная гостиница, я тебе говорю, лучший в мире бизнес! Я в Прибалтике видел, на Черном море видел. Главное, что хорошо: ты тут живешь, ты тут и работаешь. Сам себе администратор. Пять-шесть комнат-номеров — и хватит.

— Дело хорошее, — согласился дядя. — Только деньги нужны.

— Деньги будут. Главное — определиться. Какой дом, во-первых. Дальше. Кто за что отвечает. Кто за хозяйство, кто за питание. Чтобы четко.

— Я за хозяйство, — предложил дядя.

— Куда тебе, ты вторичный инвалид!

— На это здоровья хватит! Своя работа — не чужая.
Но где деньги взять?

— Да постой ты с деньгами! Знаешь такое выражение — бизнес-план? — спросил Юрий, нахватавшийся в местах заключения нужных и ненужных знаний.

— Нет.

— Так я тебе объясню!

Магазин. Ночь. Татьяна задремала, и ей приснился нехороший сон: бородатый и волосатый человек, похожий на Гошу, влез в окно дома. Шарил по ящикам комода. Потом прокрался в комнату детей. Долго смотрел на их лица, злобно шерясь. И вдруг взмахнул топором...

Таня очнулась, тряхнула головой, оторопело уставилась на дверь, где появился Михаил Ерепеев, уже выздоровевший.

— Михаил, постоишь тут за меня? — спросила Татьяна. — Срочно надо отойти!

— Постою...

Татьяна, скинув фартук, заторопилась выйти.

— Я пива бутылку выпью! — крикнул ей вслед Михаил.

— Да хоть две!

Татьяна бегом бежала по улицам, примчалась к дому. Увидела свет в окне, какие-то тени и всполохи, вскрики.

Ворвалась в дом.

Костя вел войну на компьютере, Толик наблюдал и ждал своей очереди.

— А ну, марш спать! — закричала Татьяна.

Выдернула шнур из розетки.

— Ты чего? Дура какая-то! — завопил Костя.

— Что?!

Татьяна отвесила ему затрещину. Толик, не дожидаясь своей доли, юркнул в постель.

— Будет он мать дурой звать! Воспитание, тоже мне! Безотцовщина! — в сердцах крикнула Татьяна.

— Неправда, у нас папа есть! — ответил Костя.

— Да? А где твой папа? А?

— Он бы пришел, ты его не пускаешь!

— Это он тебе так сказал? Да?

Костя молчал, сохраняя мужскую тайну, хоть частич- но ее уже выболтал.

Татьяна налила и выпила холодного чаю. Села, поси- дела, успокаиваясь.

А Костя все не мог утомониться.

— Нашла вместо отца идиота какого-то, — пробур- чал он.

— Никого я не нашла! Завтра же сдам! Только он не идиот, а больной! И даже не больной, а с памятью у чело- века что-то! И ты видел — он доски строгал. Не умеет, а хочет. А вы и умеете, а сроду матери не поможете!

Таня пошла в сарай.

Гоша спал тихим сном, улыбаясь. Быть может, видел какие-то хорошие, в отличие от Татьяны, сны.

Она вернулась в магазин, а там к Михаилу добавился гость незванный: бывший муж Татьяны Валера Абdryков. Они мирно выпивали, сидя в углу на пластиковых стульях. Татьяну эта картина возмутила:

— На халяву угощаетесь?

— Ты же сама говорила: две бутылки, — напомнил Михаил.

— Так у вас пять уже!

— А это за мой счет! — солидно произнес Абdryков.

— Да? И где он, твой счет? Деньги — где?

— Свои же люди!

— Ты мне давно не свой! — отрезала Татьяна. — А ты, Михаил, марш! Попросила тебя доброе дело сделать...

Михаил счел за лучшее убраться, не переча.

Абdryков же остался для родственного разговора, ради которого он и явился среди ночи.

Это был, кстати говоря, довольно приятной внешности мужчина лет сорока. Когда Татьяна, приехав из деревни, познакомилась с ним, влюбилась и вышла за него замуж, он был веселым, энергичным молодым мужиком, умеренно выпивающим и даже, пожалуй, работающим.

Правда, работа его увлекала не столько возможностью трудиться и зарабатывать деньги, а куражом. Дело в том, что он работал карщиком, подвозил на станции «Чихов-2-товарная» грузы к багажным и товарным вагонам. Вагоны ставились под погрузку в два ряда, а меж ними, то есть и меж рельсами, был дощатый помост. Категорически запрещалось ездить по этому помосту, если вагоны стоят только с одной стороны: велик риск свалиться. И сваливались, между прочим, за десять лет погибло двое карщиков: одного придавило тяжеленным кузовом электрокара, наполненным массивными аккумуляторами, другого облило из тех же аккумуляторов кислотой и просто сожгло заживо. Но запрет нарушался, причем с негласного попустительства начальства: вагоны стоят, грузить надо, а с другой стороны не подали — что делать? Вот Абдыков и крутился, лавируя между столбов, стоящих по центру и держащих крышу, разворачивался, опасно приближаясь к пустому краю, один раз почти съехало колесо, кар накренился... но обошлось, выкарабкался... Валера даже скучал, когда вагоны были с обеих сторон и работа становилась слишком простой — тыться то туда, то сюда меж вагонами, никакого тебе адреналина.

К гадалке ходить не надо, чем это кончилось: опрокинулся-таки Абдыков в один прекрасный день. Повезло: не придавило и не сожгло. Попортило только слегка щеку и руку, но все быстро зажило, затянулось, остались пятна, которые время от времени чешутся. Абдыкова перевели в пешие грузчики, что его оскорбило. Он начал неумеренно выпивать.

И однажды, выпивая, рассказывая в сотый раз собутельникам о важнейшем в своей жизни происшествии, он заключил:

— А ведь я мог бы запросто погибнуть! И не сидел бы сейчас с вами!

И вдруг замер.

Его вдруг поразила эта простейшая мысль. И ведь не впервые он произносил эти слова, но дошло — только сейчас.

— Братцы, — недоуменно сказал он. — А ведь действительно... Ведь на волосок был...

И с этого момента Абдыков почувствовал себя кем-то вроде воина, вернувшегося живым с поля брани. Он ощутил себя не просто живым, а — выжившим. Он понял, что ему дана величайшая радость.

И всю дальнейшую жизнь с этого дня Валера посвятил бесконечному празднованию своего чудесного спасения. Время от времени где-то работал: копал, грузил, таскал. Татьяна выгнала его пять лет назад. Он не пропал — в Чихове много одиноких женщин, готовых разделить его вечно праздничное настроение. Но на Татьяну досаду заглаил. Не мог поверить, что она его разлюбила. Не мог понять, как можно вообще его разлюбить — его, выжившего, уникального...

Вот и сейчас досада клокотала в груди Абдыкова.

— Деньги, деньги давай! — напомнила Татьяна.

— Ты только о деньгах! Сколько тебя знаю, все о деньгах! — обличил ее Валера.

Татьяна поняла, что спрос с бывшего мужа невелик, а в спор о значении денег в жизни человека вступать она не собиралась. И сказала:

— Ну, иди тогда.

Абдыков не ушел.

— Один момент, мадам! — сказал он с вызовом. — Ты в моем доме живешь, насколько я помню. А я предупреждал: чужого мужика в доме не потерплю. Хочешь с

кем жить — езжай тогда с ним к своим родителям в деревню. Навоз копать. А в моем доме чтобы кто-то... Это оскорбление, между прочим!

— Дурак ты, — сухо ответила Татьяна. — Он не мужик, а просто больной человек. А про дом лучше молчи! Там твои дети! Попробуй только у меня его отнять, я тебя... Лучше даже не пытайся.

— А я судом! Поняла?

— Судом? Ну, судись! Давай! Народ позовем! Я расскажу, какой ты был муж и какой отец!

— Не хуже других! Если я выпивать начал, то из-за тебя!

— Ого! — удивилась новости Татьяна. — Ты ничего не путаешь?

— Не пугаю! Относилась бы по-человечески ко мне, не пил бы!

— Да я и относилась-то не по-человечески только из-за этого!

— Ошибаешься! — покачал пальцем Абдыков.

И у них начался длинный, никчемный и нервный разговор, как это часто водится у бывших супругов. Слушать там нечего. Сразу подойдем к финалу.

— Короче, чтобы его духу не было! — заявил Абдыков, уходя. — Иначе — в суд!

— Очень испугалась! — крикнула Татьяна.

Она действительно не испугалась угроз Абдыркова.

А избавиться от незваного гостя решила и без его подсказки.

Позвонила Харченко, спросила, куда девают при- блудных людей, если их даже милиция не берет? Харчен- ко ответил: милиция берет, но не всякая. Есть такие при- емники-распределители в Москве, вот туда его и надо. Сказал адрес ближайшего. Выразил желание увидеться. Татьяна была не против — но как-нибудь потом.

И наутро повезла Гошу в Москву. На электричке.

Гоша с увлечением смотрел в окно. Солнце было еще довольно низко, а деревья возле железной дороги росли высокие. Поэтому солнце словно неслоь сквозь ветви вместе с поездом.

— Смотри, — сказал Гоша Тане.

— Что?

— Солнце.

— Я солнца не видала?

— По деревьям бежит. Вместе с нами.

— Ага. Кто быстрее.

Таня усмехнулась, взгляделась. Действительно, бежит.

Потом посмотрела на Гошу.

— Знаешь, мне кажется, что ты не хочешь ничего вспоминать.

— Почему? Я каждый день вспоминаю. И все больше.

— А про себя тебе неинтересно знать, кто ты?

— Я уже знаю, — уверенно сказал Гоша.

— Да? И кто?

— Человек.

Татьяна хмыкнула. Конечно, это звучит гордо, она со школы помнит, но — маловато этого. Жизнь требует от человека не звучания, а действий, которые в свою очередь предполагают профессию, образование, умения, знания — что, куда, зачем, почём и почему... Да много. А уж без понимания кто ты есть и какое место в этом мире занимаешь, вообще никуда не деться.

В приемнике-распределителе было два отделения — для детей и для взрослых. Татьяна сначала попала в детское, откуда ее послали в соседнее помещение. Выходя, столкнулась с оборванцем лет десяти, ровесником ее Толика.

— Привет! — сказал он. — А закурить дашь?

— Иди! — толкнул его сопровождавший милиционер.

— Руки! — прикрикнул на него оборванец.

Во взрослом распределителе дежурный милиционер, усталый и немолодой молодой человек (выражение неловкое, но так бывает: видно, что человек молод годами и внешностью, а меж тем, заглянув ему в глаза, понимаешь: нет, для себя он давно уже не молод, да и для других тоже), этот милиционер объяснил ей:

— К нам люди попадают с сопроводительными документами! Вам в отделение надо. Обычное. Там его оформят и пришлют к нам.

— Обращалась, не оформили.

— Где?

— В Чихове.

— Тогда тем более — не наша территория!

— Не понимаю. То есть его на вашей территории где-то сдать надо?

— Лучше бы на чужой. Ну, ладно, пусть на нашей.

— А зачем такая волокита? — удивилась Татьяна. — В отделении ему тоже документов не выпишут, на кого документы, если он ничего не помнит?

— Так и напишут, — растолковывал милиционер. — Неизвестный, который ничего не помнит. Приметы и все такое. И привезут.

— То есть мне его туда отвести, чтобы его к вам же обратно и привезли?

— Это уж их дело. Может, и отпустят.

— Куда? На улицу? На улице я могла бы и сама его оставить, дело нехитрое. Он все-таки человек, а не собака. А скажите, если бы не я привела, а он сам бы к вам пришел? Оформили бы?

— Ну, может быть...

— Вот и считайте, что сам пришел! — предложила Татьяна.

Милиционеру, видимо, надоело пререкаться.

— Ладно, — сказал он. — Оставляйте.

— Вот и хорошо. И замечательно!

Помедлив, Таня спросила:

— А вы куда его теперь?

— Никуда. Тут пока будет. Пошлем запросы.

— Правильно! — горячо одобрила Татьяна. — По официальным каналам. А то мне ведь и не ответит никто! Ты не бойся, — сказала она Гоше. — Тут тебя кормить будут. Не могу я, понимаешь? У меня дети. Мне работать надо, а ты... В общем — надо. Все. Будь здоров.

И Татьяна, вручив Гоше пакет с едой, вышла.

Кошки на душе, конечно, поскребывали, но — что делать? Дети, в самом деле. И работать надо. И если бы

он был нормальный, а то ведь кто знает, что он может отчудить. И это пока ничего не помнит. А вспомнит — и окажется грабителем или убийцей? Что тогда?

С такими мыслями она проходила мимо открытого окна того кабинета, где оставила Гошу. Кабинет был большой и часть его отделялась решеткой — получился всенародно известный «обезьянник». Сержант, открыв дверь «обезьянника», приглашал Гошу:

— Ну, чего стоишь?

Гоша мотал головой и не хотел идти в клетку.

— Будешь ты мне тут упираться!

Сержант подошел к Гоше с явным намерением заломить ему руку и втолкнуть за решетку. Но как-то так получилось, что у него самого рука оказалась заломлена, и он повалился на пол.

Вскочив, сержант выхватил пистолет:

— Больной, да? Ничего, я тебя тут вылечу! Ты у меня вспомнишь, чего и не помнил! Пошел, я сказал! Вперед!

Гоша, видимо, понял, что с пистолетом — не газовым, как у Ерепеева, а настоящим, руками не сладишь. И, понурясь, побрел в камеру.

Окно было почти на уровне земли.

Татьяна легко перепрыгнула через подоконник, побежала к Гоше, схватила его:

— Пошли отсюда!

— Ты чего? — удивился сержант. — Сама же привела!

— Сама привела, сама и увожу! — ответила Татьяна.

21

Они ехали обратно.

— Навязался на мою голову! — горестно причитала Татьяна. — Что мне теперь с тобой делать?

А Гоша, похоже, уже забыл о происшедшем: с любопытством смотрел в окно. Потом увидел в другом конце вагона — юноша и девушка целовались. Смутился, застеснялся, отвел глаза.

И что-то в его глазах появилось. Какое-то смутное воспоминание...

Раз уж Гоша остался (пока), Татьяна решила его привести в порядок.

Остригла ему волосы в предбаннике крохотной баньки, стоявшей в углу сада.

— Теперь раздевайся — и мыться!

И отвернулась, сметая в совок волосы.

Повернулась — а он стоит раздетый и ничуть не стесняется.

Глаза у Татьяны вильнули туда-сюда (если говорить точно — вниз-вверх), она вскрикнула:

— Ты что делаешь, бесстыдник?

— А что? — не понял Гоша.

— Ничего... Иди, чего уставился? Не обожгись там...

Сообразишь хоть, как мыться?

— Да. Чистым хорошо быть.

— А то!

Татьяна взяла в охапку его вещи, положила на лавку приготовленные старенькие, но чистые — джинсы, футболку, носки, трусы. От бывшего мужа осталось — то, что он по гордости не захотел взять при уходе.

Вышла на крылечко, осмотрела Гошино барахло. Залезла в карманы джинсов. Пусто. Только в заднем кармане какая-то бумажка. Татьяна повертела, всмотрелась, ничего толком не разглядела: бумажка была когда-то постирана вместе с джинсами. Но какие-то буквы виднеются, надо после рассмотреть.

Взяла куртку и обратила внимание, что высокий и плотный воротник с молнией (вместилище для тонкого капюшона) зашит нитками. Пощупала. Что-то там такое почувствовала. Сходила за ножницами, аккуратно распоролла шов. Отстегнула молнию. И увидела длинный мешочек, равномерно чем-то набитый. Извлекла его.

И начала вынимать оттуда бумажки. Доллары. И все сотенные.

И вот уже целая груда лежит на крыльце.

Татьяна сосчитала. Потерянно произнесла:

— Десять тысяч...

Встала, походила. Посмотрела издали на пачку долларов. Оглянулась.

Быстро подошла к деньгам, схватила, сунула под крыльцо. Забормотала в смятении:

— Машину купить почти новую... Дом отремонтировать... Теплицу оборудовать... Детей обуть-одеть на год вперед... Боже ты мой... А если ворованные? Если фаль-

шивые? Пойдешь менять — тебя цап! — и в сообщницы. Кто же ты был, Гоша? А?

Но что воздух спрашивать — есть же сам Гоша!

И Татьяна, достав из-под крыльца деньги, ворвалась в баню, открыла дверь. Опомнилась, прикрыла дверь и, сунув в щель пачку, трясла, показывая, и спрашивала:

— Это что?

— Я уже знаю, это деньги, — ответил Гоша.

— Спасибо, подсказал! Откуда?

— Ты принесла.

— У тебя они откуда?

— У меня? — не понимал Гоша.

Татьяна решила продолжить допрос, когда он вымоется и оденется.

И, налив ему чаю после бани, спрашивала:

— Может, ты бандит?

— Бандиты стреляют. Нет.

— Это ты сейчас говоришь — нет. Ты же ничего не помнишь! Откуда я знаю, вдруг деньги ворованные или грабленные? Вспоминай, Гоша! Это важно!

В то же самое время, когда Гоша безуспешно вспоминал, откуда у него деньги, Валера Абдыков обедал, сидя на кухне в трусах и майке. Вера, у которой он жил, женщина средних лет, средних умственных способностей и средних познаний о жизни, сидела напротив, пила пиво из горлышка и нежно смотрела на принадлежащего ей мужчину. Валере бы радоваться, но он, как и большинство его собратьев по полу, и в хорошем умел находить причины для недовольства.

— Я вот ем без ножа. И сижу в трусах за столом. А ты мне даже замечания не делаешь, — выговаривал он Вере.

— А ты в трусах мне больше нравишься, — ворковала Вера.

— Люди зачем друг с другом живут? — неожиданно спросил Валера.

— Кто как, — промурлыкала Вера. — Я с тобой — для секса.

И она фыркнула пивом, захохотала, утерлась полкой халата, обнажив полную белую коленку.

— И не совестно тебе? — поморщился Валера.

— А что? Нормальное слово. Не нравится — могу другое сказать. На ту же тему.

— Обойдусь, — отказался Абдюков. — Люди живут друг с другом, чтобы друг друга как-то... Как-то урезонивать. Сдерживать. Человек, если его никто не сдерживает, становится скотиной!

— Это пусть чужие друг друга сдерживают, а мы свои, — насупилась Вера. — Я не поняла, ты чем-то недоволен? Хочешь к Татьяне вернуться? Я не держу. Только ты с ней сам не выдержишь. Она-то как раз тебя сдерживала — кто жаловался? Ты жаловался! Она тебя шпыняла вечно: то нельзя, это можно, то обратно нельзя!

— Потому что ее беспокоил мой... облик! Моральный и физический! А тебе все равно!

— Мне не все равно! — закричала Вера, разом потеряв умильность взгляда. — А если ты такой гад неблагодарный, так и скажи! Его же кормишь, он же и ругается!

Валера вместо ответа начал ожесточенно жевать. И примирительно сказал:

— Вкусно вообще-то.

— Ладно, — сказала Татьяна Гоше. — Толку от тебя не добьешься, я смотрю. Но ты не думай, я беспамятством твоим пользоваться не хочу. Я женщина честная. Я даже в магазине никого не обсчитываю, не обвешиваю, ночную наценку делаю только на кое-что. По мелочам. А не буду делать, тогда сплошная недостача. Потому что у продуктов срок годности, надо списать. Иногда списываю. А убыток на кого? На меня, что ли? Вот и кручусь. Это что, воровство?

Вопрос был, конечно, выражаясь грамотно, риторический, но Гоша подумал, что спрашивают его. И ответил:

— Да.

— Очень приятно! — поблагодарила его Татьяна за такой отзыв. — Короче, так. Видишь эти деньги? Я их прячу. И когда ты в память вернешься, я тебе их отдам, понял? Все до копейки! То есть до доллара! Понял?

— Понял.

— Ну, и хватит прохлаждаться. Раз ты пока остался, будешь мне помогать! Вас трое на моей шее, а я одна!

Тут Татьяна обратила внимание, что Гоша читает газету, постеленную на стол поверх скатерти. И одобрила:

— Правильно. Читай, понимай про жизнь. Правды ты там, конечно, не найдешь, но фактов много. Может, чего и вспомнишь.

И начал Гоша помогать Татьяне.

Она привела его в теплицу и, показав, как обращаться со шлангом, спросила:

— Полить сумеешь?

— Сумею...

И в результате улил все так, что устроил потоп. Да еще и очень этому радовался.

Татьяна ругалась, отняла шланг, выгнала из теплицы.

Велела, раз уж строгать научился, заменить один столб у навеса над машиной.

Гоша рад стараться: выстрогал хороший столб, а с прежним поступил глупо — взял и выдернул, ничем не подперев крышу. Она и завалилась, помяв и без того мятый «москвич».

В общем, один урон от него.

Вечером Татьяна с подругой Лидией смотрели по телевизору передачу «Жди меня». Гоша и Толик в соседней комнате поочередно читали вслух книгу.

— «Золотой ключик», что ли, читают? — прислушалась Лидия.

А передача уже заканчивалась. О Гоше не объявили, фотографии не показали.

— Чего ты хочешь? — спросила Лидия. — Представляешь, сколько им писем поступает? У нас полстраны в пропаже. Хоть бы мумий мой пропал тоже.

— Опомнись, ты что? — удивилась Татьяна такому пожеланию.

— А чего? У Даши Пузыревой вот пропал муж. Подозрение на убийство, но не доказано, трупа нет. Она пода-

ла заявление на потерю кормильца при грудном ребенке. И что вышло? Поскольку он был служащий с твердой зарплатой, стали выплачивать половину! А там половина больше, чем у моего целая! — Лидия лирично, как всегда, вздохнула. — Ты представь: мужняя зарплата есть, а мужа нету! Сказка! У Дашки теперь друг завелся, молодой, красивый. Говорит — давай поженимся. А она: я что, дура, у меня сразу пособие отнимут!.. Я бы тоже себе кого-нибудь завела... В смысле — постоянно.

Лидия в очередной раз вздохнула, глянула на Гошу через открытую дверь и спросила:

— Хоть что-то у него проявилось?

— Да ничего. Вот, бумажка какая-то, — показала Татьяна клочок.

Лидия взяла, приблизила к глазам:

— Нев Йорк, — прочитала она. — Нев Йорк — Москов. Нью-Йорк — Москва, значит. Посадочный талон от билета, я помню, летала лет семь назад с одним мужчиной, — и она опять вздохнула, вспомнив этого мужчину. — К заграничному морю летали... Значит, непростой человек твой Гоша. Может, он пропавший миллионер, а?

— Кто его знает... — неопределенно сказала Татьяна.

— И не пьет?

— Нет.

— И не курит?

— Не курит.

— От одного этого — какая экономия! — покачала головой Лидия.

И засобиралась домой.

Когда она пришла, муж ее, Петр, уже спал.

Он и впрямь был похож на мумию: очень худой, кожа смуглая, глаза ввалились. Работал он на небольшом

нефтехимическом производстве по переработке отходов жидкого топлива обратно в топливо. Работа ему не нравилась. Зарплата тоже не нравилась. И коллектив не нравился: никакой дружбы, все люди временные. Ему, если говорить глобально, не нравился город Чихов и даже вся страна Россия. Вот уже который год он мечтает поехать на остров Шпицберген, добывать там нефть и получать четыре тысячи долларов в месяц, как получает один родственник из города Орла, но, чтобы начать оформляться, надо получить справку о здоровье, а здоровье у Петра сильно подорвано алкоголем. Конечно, можно не пить месяц или два, но Петр опасался, что от резкой перемены образа жизни он станет совсем больным.

Лидия, взяв брюки мужа со спинки стула, чтобы прибрать их, вдруг замахнулась на Петра, будто желая ударить. Тот открыл глаза.

— Лида... Привет... Ты чего?

— Мух отгоняю. Спи, мумий!

На следующее утро Татьяна дала Гоше поручение: отвезти в будку, где продавали сжиженный газ, пустой баллон и купить полный с вычетом суммы за сданный.

— Все понятно? — спрашивала.

— Все.

И Гоша повез баллон на тележке.

Справился хорошо: сдал пустой баллон, купил новый с вычетом суммы за пустой.

А на обратном пути встретился с Лидией.

— Все-таки неудобно в таких домах, — сказала Лидия, поздоровавшись. — У нас газ сам собой поступает. Открыл, зажег, без проблем. А вы, может, вообще в особняке жили? Зимний сад, джакузи всякие, бассейн во дворе. Не припоминаете?

— Бассейн — это хорошо, — сказал Гоша.

— Что, был бассейн? Личный, да? Ну точно, миллионер! — Лидия в этом уже ничуть не сомневалась, поскольку ей этого очень хотелось. И она сказала с приятной улыбкой:

— Георгий, а может, вы не туда попали? Может, у вас была другая женщина? Может, у вас были отношения? Вы допускаете?

— Не знаю...

— А у меня вон там дом, — показала Лидия на панельную пятиэтажку, крыша которой виднелась за высокими тополями. — То есть квартира в этом доме. Воздух тоже свежий, как тут, а условия городские. Зайдете посмотреть?

— Мне нужно газ отвезти.

— И отвезите, я не против. Не с газом же, в самом деле!

Татьяна, вернувшись домой, обнаружила у крыльца тележку и баллон.

А Гоши не было. Ни в доме. Ни в саду.

Она вышла на улицу, озиралась.

Через забор из своего сада ее окликнула Эмма Петровна Обходимова:

— Своего ищешь, Таня?

— Какого своего? Нет у меня никакого своего, Эмма Петровна!

— Ну, чужого, — исправилась Обходимова. — Чужой с твоей подругой ушел. С Лидой.

— Куда? Зачем?

— К ее дому пошли. А зачем — откуда ж я знаю? Мне это даже и неинтересно.

Лидия ввела Гошу в свою квартиру и широко повела рукой:

— Вот мои апартаменты. Ой.

Это она стукнулась рукой о косяк своих апартаментов.

Посмотрев на Гошу загадочным, как бы слегка захмелевшим вдруг взглядом (блажен мужчина, видевший такие взгляды), она спросила, понизив голос:

— Вам не кажется, что вы здесь уже были?

— Нет. Я здесь не был, — ответил Гоша.

— Точно помните? Это, значит, зал. Это кухня. Там ничего интересного. А тут спальня. Вы загляните, загляните.

Гоша заглянул. Увидел, что почти все пространство спальни занимала кровать.

— У вас-то, наверно, кровать — как аэродром. Вы вспоминайте, вспоминайте. Не помните? Ну, может, и не надо. Когда вспомнится, тогда и вспомнится. Была одна жизнь — будет другая. Может, даже еще интересней. Только когда вспомните, вы не забудьте, кто вам помог! — ласково внушала Лидия. И продолжила: — Мне говорили: Лида, зачем ты в такую маленькую квартиру такую

большую кровать купила? Необразованные люди! Человек в кровати третью часть жизни проводит! Я по телевизору передачу видела, там врач так и сказал: главное место в вашей квартире не кухня и не гостиная, а — спальня! Качество сна определяет качество жизни! Это если только сон иметь в виду! Вы попробуйте, попробуйте!

Гоша сел.

— Удобно?

— Да.

— А если лечь — еще удобней.

Гоша послушно лег, вытянулся.

— Я шторы закрою, а то вам свет мешает, — озабочилась Лидия и задернула тяжелые, плотные шторы. — Это тоже важно. Чтобы темно и тихо. А у нас двое детей, две девочки, они сейчас в деревне у бабушки. Обычно же невозможно: спать их не уложишь, все время заходят — или кушать захотят, или пить на ночь глядя, а когда уложишь, уже ни до чего, понимаете?

Гоша кивнул, хотя и не совсем понимал.

— Зато сейчас вроде бы свобода, пользуйся на здоровье, пока молодость не прошла. Только муж мой этого совсем не понимает. Наверно, думает, что будет жить вечно. Понимаете?

— Муж — это мужчина, который женат, — сказал Гоша, гордясь своими знаниями.

— И не просто женат, на мне женат! А толку никакого. Как бы и есть муж, а как бы и нет. Понимаете?

— Нет.

— Здорово вас все-таки переклинило, совсем человеческих дел не помните. Вы помните хоть, что я — женщина? — присела Лидия на край постели и заглянула Гоше в глаза.

— Да, — ответил Гоша.

— Вы, наверно, в той своей жизни одних красавиц видели. Но они и у нас водятся, — намекала Лидия. Гоша, похоже, намек не понял и она спросила напрямую: — Я вот, как на ваше мнение, красивая?

Гоша подумал, что-то вспомнил, осмотрел Лидию, с улыбкой приготовившуюся к ответу, и сказал:

— Нет.

Лидия растерялась

— Почему это?

И тут же догадалась:

— Это вы шутите так? Ах ты, шутник! — погрозила она Гоше пальцем, перейдя на «ты» — ситуация позволила. И спросила:

— Ты помнишь, что у мужчин и женщин бывает, когда любовь?

— Они... Они бывают рядом... — вспомнил Гоша, не глядя на Лидию

— Правильно. Очень даже рядом. Иногда просто совсем рядом. И даже не обязательно, если они при этом муж и жена.

Гоша нахмурился:

— Это плохо.

— Почему же?

— Когда муж и жена рядом... Очень близко... Это правильно. А когда не муж и жена близко — это неправильно.

— Неправильно — не значит плохо! Может, и неправильно, зато хорошо. А когда хорошо, тогда и правильно! Понял?

— Нет.

— Как же ты миллионером был, такой наивный? — удивилась Лидия. — Среди богатых людей наивных нет! Ведь ты же был миллионером? То есть и сейчас милли-

онер, только не помнишь? Ведь так? В большом доме жил?

— Кажется, жил, — припоминал Гоша.

— На большой красивой машине катался?

— Кажется...

— Вспомнишь, — обнадежила Лидия. — Я тебе помогу. Хочешь вспомнить? Для этого тебе надо вообще вспомнить, что люди делают. В том числе мужчины и женщины.

Тут Лидия посмотрела на часы и поняла, что время уходит.

И вздохнула, как она это умела, особенным таким вздохом, от которого у соседа-пенсионера Чопкина возникало, он сам признавался, ощущение, будто на его лысой голове начинают шевелиться и даже кудрявиться волосы. Но, между прочим, Лидию его волнение не волновало — не такая она. Не безразборная.

— Поцелуй меня! — шепнула она, склоняясь.

— Ты хочешь родить от меня ребенка? — спросил Гоша.

— Ребенка не надо, свои есть! — отшатнулась Лидия. Но тут же опять склонилась. — Это тебе необходимо, Георгий. Чтобы вспомнить. Я тебя вылечу...

И лечение, кто знает, могло бы состояться, но тут раздался звонок в дверь.

— Кто это? Соседка, что ли? — удивилась Лидия.

Нет, это была не соседка.

Это был муж Лидии Петр, раньше времени вернувшийся с работы.

26

Петр, муж Лидии, то ковырялся ключом в замке, то звонил; вторую руку он не мог задействовать, потому что крепко держал в ней литровую бутылку водки.

Лидия отодвинула засов, открыла.

— Чего заперлась? — хмуро спросил Петр.

— Да я так. Машинально... Что-то рано ты...

— Зарплату выдали.

Петр пошел на кухню, поставил водку в холодильник, а из кармана горделивым жестом добытчика достал деньги.

— Вот!

И щедро бросил на стол (зная, что жена все равно до рубля отберет).

Лидия оглянулась:

— Я не поняла — ну, выдали зарплату, ну и что?

Петр усмехнулся:

— Кто ж после этого работать будет?

А Гоша, оставленный в спальне, заскучал. Вышел. Направился в кухню. Лидия сделала ему рукой знак, показывающий иное направление — к выходу, но Гоша не понял.

— Здравствуйте, — сказал он присутствующим.

Петр достал из холодильника водку, не в силах ждать ее полного охлаждения, и, задумчиво щупая бутылку, спросил жену:

— Это кто?

— Это? А это по газу! — нашлась Лидия. — Специалист по газу, газовщик. Я тебе сколько говорю, что у нас газ утекает, горелку все время зажженную держу. Вот он и смотрит, в чем дело. Вы смотрите, смотрите! — показывала Лидия на плиту, где действительно слабым огоньком теплилась одна горелка.

— Что смотреть? — не сообразил Гоша.

— Плиту, чего же еще! Газовщик вы или нет? — с нажимом спросила Лидия, но Гоша не сумел угадать смысл этого нажима и сказал:

— Я не газовщик.

— Не понял. А кто? — спросил Петр, наливая себе водки.

Лидия, не надеясь на Гошу, объяснила сама:

— Он хочет сказать, что он действительно не газовщик, это к Татьяне родственник приехал. Сказал, что разбирается, я и позвала. Что же вы сказали, что разбираетесь? — напустилась она вдруг на Гошу. — Или вы что другое имели в виду? Знаем ваши приемы! Мужчины какие пошли, чего только не придумают, чтобы к женщине попасть! Иди отсюда, бабник! Тут тебе ничего не будет, тут замужняя женщина! Петя, ты только не волнуйся!

— А я и не волнуюсь, — сказал Петр.

И это была чистая правда.

Татьяна встретила Гошу уже на пути к Садовой улице.

— Ты где это был? — спросила она по извечной женской привычке — знать ответ, но все же спрашивать. Знать-то она знает, но надо и мужчину послушать. Вдруг провернется. Тогда... А что тогда? Был бы этот Гоша ей в каком-то смысле нужен! А он ей не нужен ни в каких смыслах! Но — инстинкт сработал.

— У твоей подруги был, — честно ответил Гоша.

— Зачем?

Гоша подумал, как лучше сказать. И выразился следующим образом:

— Она хотела со мной близко общаться. Совсем близко.

— Да? Ха, надо же! Интересно, а ты хотел с ней общаться? Совсем близко?

Гоша опять подумал. Вспоминал, наверно, свои ощущения. И сказал:

— Нет.

— Это почему? Она симпатичная.

— Ты лучше. И я этого не умею.

— Первый раз вижу мужчину, чтобы в этом признался!

— Я не мужчина, — сказал Гоша без сожаления или раскаяния, но и без гордости. Просто сказал.

— А кто же ты?

— Человек.

— Так не бывает! Хотя... Похоже, ты не только все забыл, ты куда-то в детство провалился, Гоша. Даже завидно.

— Детство — хорошо?

— Конечно. Ничего тебе не надо, ничего тебя не тревожит.

— А тебя что-то тревожит?

— Вот пристал! — отмахнулась Татьяна. — Не тревожит, успокойся.

— Я не пристал, — сказал Гоша. — И я спокойный.

— То-то и оно, — вздохнула Татьяна с непонятной печалью.

А мимо проезжал лейтенант Харченко.

Увидев Татьяну, идущую парой с Гошей, он удивился, развернул машину, притормозил, выпрыгнул.

— Привет. Что-то не звонишь, Таня? Все в порядке?

— Более или менее.

— Не сдала его, я смотрю?

— Не взяли.

— Тогда вот что. В виде исключения могу его оформить. Хочешь? Как бомжа и бродягу.

— Он не бомж, как я поняла. Он просто память потерял. Это бывает. У него даже билет есть, вот! — Татьяна вытащила из кармана своих джинсов (по стройности фигуры любила этот вид одежды) посадочный талон авиабилета и показала Харченко.

То, что ей казалось доказательством невинности (бомжи на самолетах не летают), Харченко тут же вос-

принял как доказательство вины, правда, еще непонятно какой. Он, считающий себя талантливым, но не реализовавшимся сыщиком, достал из машины сумку вроде полевой командирской, а оттуда лупу. Рассмотрел талон.

— Москва — Нью-Йорк... Му... Тут непонятно, английские буквы тоже... Муж-ков. Или Мушков. Нет, Мушков все-таки. Мушков, да? — спросил Харченко у Гоши.

Тот улыбнулся.

— Да не помнит он, — сказала Татьяна, протягивая руку, чтобы забрать талон.

— Я выясню, — заверил Харченко, пряча бумажку в сумку. — А то держишь у себя дома неизвестно кого.

— Я не держу.

— А что же? — поинтересовался Харченко, чувствуя за собой право первенства: он наметил объект, он строил планы — и вдруг непредвиденный конкурент. Это неправильно: или не лезь, или стань в очередь. А то, что ты не знал о моих планах, не оправдывает: незнание не освобождает от ответственности, это даже в Уголовном Кодексе записано.

Харченко уехал, а Татьяна и Гоша пошли к дому.

Там их дожидались Одутловатов-дядя и Кумилкин-племянник.

— Дело есть, Татьян! — без предисловий сказал Кумилкин. — Мы тут с дядей задумали дом снести и новый построить. Типа семейной гостиницы. Я что предлагаю. Дядя вот будет по общему хозяйству. Я по питанию. Он — по ремонтной и строительной части, — указал Кумилкин на Гошу. — А ты, если хочешь, будешь вроде администратора. Выгодное дело. Я бизнес-план уже соста-

вил. — Кумилкин достал замусоленную ученическую тетрадку.

— Что мне, своих дел мало? Не хочу, — отказалась Татьяна.

— Какие твои дела? Зелень-петрушка! А тут большие деньги в перспективе! Причем учти, мы предоставляем территорию, собственный дом готовы сломать, а от вас вообще ничего, кроме небольших вложений. Первоначальный капитал, сама понимаешь!

— Чего? — протянула Татьяна. — Капитал? Ты откуда слово такое нашел? Капитал! Вон весь мой капитал! — указала она на Толика и Костю, которые как раз в это время подкатывали на велосипедах. И, не считая нужным дальше вести глупый разговор, пошла в дом.

Пошел за нею и Гоша.

Пробежали Толик с Костей, бросив у забора велосипеды.

Кумилкин, сунув тетрадь в карман, сердито спросил дядю:

— А ты чего молчал?

— Ты сам сказал: молчи!

— Я сказал! Я имел в виду — чтоб ты дела не испортил. Ты не видел, что помочь надо?

— Так в другой раз и говори!

— А сам не можешь понять? Приблудился ко мне — никакого толка!

— Это ты приблудился!

И так, ссорясь, они потащились к своей хибаре.

Гоша понемногу вживался.

Начал соображать, как работать в теплице, и даже увлекся; среди книг Татьяны нашлось толстое пособие по домашнему и тепличному цветоводству с картинками, Гоша с любопытством читал его и рассматривал, Татьяна, видя этот интерес, достала из кухонного шкафа несколько пакетиков с семенами цветов, которые купила по случаю, но все недосуг было заняться. Она выделила Гоше несколько ящиков с землей, тот посадил семена, руководствуясь книгой, и кропотливо начал ухаживать за ростками, которые появились очень скоро.

Вечерами же читал другие книги, не про цветы, а про людей.

Предпочитал классику.

Детективы и книжки про любовь с красавцами и красавицами на обложках дочитывал до третьей страницы и с недоумением откладывал.

Над классикой же подолгу задумывался, поднимая голову и рассеянно шаря глазами по окружающему, как бы желая найти то, что было в книге. Не находил, опять углублялся.

Пролистывал он и газеты, которые Татьяна брала у подруги Тони на почте. Смотрел телевизор. И все больше начинал понимать человеческую взрослую жизнь.

Но с детьми ему было интересней.

Ходил с ними купаться на пруд, где кувыркался с крутого берега лучше всех к восторгу и зависти пацанов и к гордости Толика с Костей.

Умело залезал на деревья за птичьими яйцами, но яиц не брал, только посмотрит, удивляясь, какие они крапчатые или пятнистые, в отличие от куриных, и слезет обратно.

Ловко карабкался по крутым склонам карьера, где мальчишки придумали себе игру в альпинистов: цепляли веревки к деревьям наверху и спускались или поднимались.

Умело играл в войну деревянными ружьями и автоматами, которые научился превосходно выстругивать, и пацаны уже образовали живую очередь: кому следующему дядя Гоша смастерит оружие по заказу и часто по собственноручному заказчика эскизу, намаляканному ручкой на листке бумаги. Заказчик вручал и смотрел, не находя места от нетерпения, с изумлением наблюдая, как на глазах рождается настоящее, хоть и деревянное, оружие.

Войны у детей бывают не только игрушечные, а и настоящие.

Однажды Гоша, работая в теплице, увидел издали, как братья Толик и Костя вдруг начали кидаться камнями в своих приятелей, а потом сели на велосипеды и бросились улепетывать. За ними погнались. У теплицы Костя соскочил, схватил вилы, закричал:

— Убью!

Преследователи остановились.

— Завели себя придурка вместо отца! — закричали они.

— Сами придурки! — ответил Толик, замахиваясь лопатой.

Гоша вышел.

— Придурок, придурок! — закричал, обрадовавшись, Диман, большой уже мальчик, лет четырнадцати.

Гоша, улыбаясь, направился к нему.

— Только подойди! — предупредил Диман, соскакивая с велосипеда и хватая камень.

— Да не бойся, — сказал Гоша.

— А кто боится?

— Я просто хочу спросить: что такое придурок?

Вопрос был для Димана неожиданным. Мальчик из его команды по кличке Пося (от фамилии Поськин), желая подольститься к старшему, подсказал:

— Придурок — это который дурак!

— Тогда это не я, — сказал ему Гоша. — Дурак — кто глупый и ничего не понимает. А я не глупый. И понимаю.

— Ага, понимаешь! Умные мужики с детьми не играют и в теплице не ковыряются! — рассудил Диман.

— А что же они делают?

— Они... — Диман опять запнулся, а Пося опять помог:

— Они на работу ходят и деньги получают! На больших машинах ездют! Водку пьют и курят! И с женщинами это самое! Понял?

— И поэтому умные?

— Да! — подтвердил Диман, хотя и не вполне уверенно.

— Не знал, — сказал Гоша так, словно извинялся за незнание. — А ваши отцы, наверно, все умные? — спросил он без подвоха, с подлинным интересом.

Тут не только Диман, но и все прочие, включая всезнающего Посю, пришли в замешательство. Во-первых, отцов не было в наличии у каждого второго. А те отцы, что имелись, не вполне соответствовали параметрам, довольно точно, надо признать, обрисованным Посей. Далеко не все ходили на работу и получали деньги. Очень немногие ездили на больших машинах. Зато уж водку пили и курили — большинство. Один пункт оставался и вовсе сомнительным — насчет с женщинами это самое. Теоретически пацаны понимали, что имеется в виду, но толком, как и с кем это происходит у отцов, они

не знали, да и не задумывались (или стеснялись задумываться).

Так что — путаница какая-то.

Выручил опять же Пося, крикнул:

— А тебя не касается!

— Вот именно. А вам мы еще бошки поотрываем! — пригрозил Диман братьям.

И команда уехала.

Гоша взял у Толика и Кости лопату и вилы.

— Этим не надо, — сказал он. — Опасно.

— А как? Голыми руками? — спросил Костя.

— Конечно.

— Ага! А если на тебя с палкой? — усомнился Толик.

— Попробуй, — Гоша дал Толику палку.

Толик махнул, но не подходя.

— Ты по мне. Не стесняйся.

— Сам просил! — предупредил Толик. Размахнулся, ударил. То есть хотел ударить, но Гоша перехватил палку и тут же сломал ее — даже не об колено, а в воздухе. Переломил, как тростинку.

Костя наскочил на него сбоку — и тут же оказался лежащим на траве, куда его мягко опустил Гоша.

— Здорово, — признал Костя. — Откуда приемы знаешь?

— Откуда-то знаю.

Вечером Таня увидела, войдя во двор, ужасную картину: сыновья дрались, ударяясь друг о друга, падая, катаясь по земле.

— Вы что? — бросилась она к ним, растаскивая. — Очумели?

— Да мы тренируемся! Нам Гоша приемы показал!

Татьяна посмотрела на Гошу, сидевшего на крыльце.
Тот кивнул.

— Зачем? — спросила она.

— Это не вредно.

— Ага, не вредно. Последнюю одежду истреплют.

— Древние греки боролись голыми. Я по телевизору
видел.

— Еще голышом они будут бегать! Не дикие, слава
богу...

А Муслим каждый день сбавлял цену.

— Ты что-то уж совсем грабишь, — обиженно сказала Татьяна в очередной раз, рассматривая деньги, полученные за зелень, овощи и цветы. — В Москве, я видела, в три раза дороже.

— Сезон. Конъюнктура. Спрос, — ласково объяснял Муслим. — Езжай в Москву, если хочешь.

— На палочке верхом? В маршрутке все кишки вытрясет, на электричке давка с утра, а днем смысла нет. И на себе тащить — ты соображай тоже!

— Тогда что я могу поделаться? — развел руками Муслим.

И Татьяна решила рискнуть.

Она достала из тайника доллары, взяла одну бумажку и сказала Гоше:

— В долг у тебя беру. Не против?

— У меня?

— Да. Твои деньги, не вспомнил?

— Нет.

— Все равно. Сто долларов беру, ясно? В тетрадь запишу, не думай!

И Татьяна действительно сделала запись в хозяйственной тетради: такого-то числа, дескать, взяла у Гоши сто долларов. И заставила его расписаться. Гоша долго вертел ручку, не понимая. Потом вывел какую-то закорючку и рассмеялся.

Татьяна понесла купюру в обменный пункт у вокзала. Там она подала в окошко сотенную, сказав:

— Мне вот тут заплатили проезжающие, посмотрите, она нормальная?

— За проверку сто рублей, — сказала девушка в окошке.

— Ничего себе! Да вы не думайте, я у вас и поменяю, если не фальшивка!

— Все равно сто рублей.

— А если бы просто меняла?

— Тогда по курсу.

— Ну, ладно, меняю.

Тем не менее девушка, конечно же, проверила купюру, ничего за это не взяв, поскольку это перестало быть отдельной оговоренной операцией (о, тонкости финансовой жизни!) и отсчитала Татьяне нормальные российские деньги.

Татьяну аж в пот бросило.

Деньги ей требовались для ремонта машины: давно ей говорили, что пора менять карбюратор. А заодно «поршня проверить, руля подвертеть, ходовую простукать».

Карбюратор она купила, а установить его и заодно поршня проверить, руля подвертеть и ходовую простукать пригласила Кумилкина, который всем хвастал, что в своей разнообразной жизни был начальником авторемонтников при гараже мэрии города Нарьян-Мара.

Кумилкин пришел, покопался, разобрал, развинтил, что мог, в обеденный перерыв потребовал аванс, купил бутылку водки, выпил и начал все собирать обратно. В результате машина, и без того еле живая, околела совсем — ничего не включалось, не заводилось, не искрило. Мертвая груда железа. Татьяна стала ругаться, а Кумилкин оправдывался, говоря, что хуже этого драного «москвича» он в жизни машины не видал. Потратил только зря драгоценное рабочее время, отнял его от составления бизнес-плана! И ушел, плюясь с досадой.

Татьяна чуть не заплакала. Сгоряча сама полезла с отверткой, содрала кожу на пальце, приложилась губами к ранке, бросила отвертку и отправилась в дом со словами:

— Да гори ты синим огнем!

Гоша же, научившись по книге обращаться с цветами, решил, что и тут поможет книга. Тем более что она у Татьяны была: альбом «“Москвич-412”». Пособие по уходу и ремонту». С очень подробными картинками и схемами. Два дня Гоша ходил вокруг машины и залезал то под капот, то под кузов, сверяясь с книгой, а на третий начал ковыряться. Толик и Костя помогали: то отвертку подадут, то плоскогубцы, то ключ двенадцать-на-четыре-на-дцать либо шестнадцать-на-восемнадцать.

И доковырялись они до того, что к концу недели Татьяну ждал сюрприз: к ее магазину подкатил «москвич», оттуда вышел Гоша и выскочили братья, крича и вызывая мать полюбоваться.

Татьяна вышла. Ахала.

— Как же это вы? Надо же... Гоша, а как ты доехал? У тебя же прав нет! И разве ты умеешь вообще?

— Запросто! — похвастался Толик, будто сам был за рулем. — Сто по прямой выжимает — легко!

— Ты осторожней! — испугалась Татьяна. — И вообще, назад я сама поеду!

Они ехали домой, Татьяна всему поражалась.

— И передача нормально работает, а то скрежетало все... И клапана не стучат... Золотые руки у тебя, Гоша!

Гоша усмехнулся, посмотрев на свои довольно грязные руки.

Братья тоже посмотрели на свои чумазные руки — с гордостью. Толику показалось, что его левая рука слишком чиста, и он размазал по ней пятно черного отработанного машинного масла.

— Ты, может, автомеханик был? — спросила Татьяна Гошу.

— Не знаю. Вообще-то я по книжке.

— Да там понятно все! — сказал Костя. И обратил внимание Гоши, деловито сказав: — Коробку все-таки еще подрегулировать надо. Видишь — рвет?

— Подрегулируем, — сказал Гоша.

Их, подъезжающих к своему дому, увидели Одутловатов-дядя и Кумилкин-племянник.

— Все-таки отремонтировали, — сказал задумчиво Кумилкин. — За какие шиши, вот вопрос!

— Есть соображения? — тут же догадался Одутловатов.

— Имеются. Вот скажи, будет женщина мужика держать, если у него денег нет?

— Смотря какой мужик...

— Я в принципе?

— Не будет, — сказал Олег Трофимович, чтобы не ссориться с племянником, хотя на самом деле считал иначе: его самого, когда он был еще однократным инвалидом, одна женщина держала без денег почти два года. Счастливое было время!

— Так вот, — продолжал Кумилкин, — слушай дальше (хотя дядя и так слушал — а чего еще делать?). — Откуда он появился вообще? Кто он? Ничего неизвестно. Я думаю так: серьезный человек взял кассу и залег на дно!

И глаза Юрия мечтательно затуманились. Это была розовая (она же, впрочем, и голубая) мечта его жизни: взять кассу и залечь на дно. И блаженствовать.

Утром следующего дня Муслим увидел такую картину: Татьяна на «москвиче», груженном корзинками с овощами и зеленью (даже на сиденьях стояли, не поместившись в багажнике), проехала специально мимо его палатки. А потом, сделав круг почета, выехала на московскую трассу. К обеду вернулась, опять проехала мимо Муслима, зачем-то высунув из окна руку и помахав какими-то деньгами.

Муслим посмотрел на своего земляка и пожал плечами. Не то чтобы он не понял, все он понял, но есть счастливые люди: что им неприятно, умеют как бы не понимать, не впускать себе в душу.

А к вечеру братья уговорили Гошу поучить их ездить на пустоши между домом и карьером. С разрешения матери, естественно.

Гоша согласился, строго предупредив, что гонять не даст.

Через час-другой и Толик, и Костя вполне уверенно вели машину, огибая кочки и ухабы. Чтобы не ссорились, Гоша определил — каждому по десять минут. Он хорошо понимал тоску мальчика, который сидит рядом с другим, ведущим машину, и жадно смотрит. Одно утеше-

ние: можно поправить, поучить, крикнуть: «Дурак, на вторую переходи!»

Окрестные пацаны смотрели сначала издали. Потом начали гоняться за «москвичом» на великах. Потом попросились тоже покататься.

— А фиг вот вам! — ответил Костя, но Гоша посмотрел на него укоризненно.

— Ладно, — смиловился Костя. — Залезайте. Но за руль не пушу!

И в машину набилось, кроме Гоши, восемь человек пацанья.

Вел Костя.

Он был счастлив, но не показывал вида, смотрел вперед строго и даже почему-то грозно.

— Не крутите башками там! — прикрикнул. — Заднего обзора не даете! — хотя задний обзор ему был не нужен ввиду отсутствия других машин.

Впрочем, зато сзади появился человек.

— Папка! — показал Толик.

Костя развернулся, поехал к отцу. Абдыков ждал.

Костя лихо остановил машину бампером чуть не у самых коленей отца, Толик выскочил, бросился к нему:

— Привет! А видал, как мы?

Валерий осмотрел машину и находящихся в ней и сказал:

— Так. Вышли все.

Все вышли, включая Гошу.

— Кто разрешил машину брать? — спросил Валерий.

— Она была сломанная, — сказал Гоша. — Мы починили.

— А какое твое дело, сломанная она или не сломанная? — подступил к нему Абдыков. — Она твоя?

Гоша молчал, не понимая вопросов Абдыкова.

— Она наша, — хмуро ответил за него Костя, бычьась на отца.

— А твоего в этом доме вообще ничего нет, — напомнил ему Абдыков. — Мал еще! Машина моя, от отца досталась! Отойди! — И он с силой толкнул Гошу, хотя Гоша вовсе не мешал ему пройти к машине.

Толчок получился сильным, да еще кочка под каблук подвернулась, Гоша упал.

Поднялся, отряхнулся.

— Ты чего? — закричал на него Костя. — Ты же его одной рукой можешь!

— Не трогайте папку! — попросил Толик.

— Ага, меня тронешь! — сказал Абдыков, садясь в машину.

Костя что-то сердито прошептал и вдруг быстро побежал к дому, вытирая кулаками на ходу глаза.

Валерий с шиком подкатил к дому Веры.

Она сидела во дворе с подругами и приятно удивилась:

— О! Откуда?

— Собственная, — скромно сказал Абдрыков.

— Починил, что ль?

— Были бы руки и голова, — ответил Абдрыков. — Садись, покатаемся.

Вера, с гордостью глянув на соседок, села в машину — пусть старую, но с кавалером за рулем! — и они покатали за город, потому что Валерий давно уже просрочил свои водительские права и боялся милиции. К тому же там свободнее в смысле проехаться с ветерком. Купили три двухлитровые бутылки пива, прохлаждались в пути, свернули с трассы на полевою дорогу вдоль речки, Абдрыков разогнался, пугая Веру, та кричала, чтобы потише, а сама смеялась.

У реки была развилка, дорога раздваивалась, одна шла поверху, другая спускалась, тут получилась странность: умом Валерий точно знал, что хочет проехать поверху, а руки почему-то направили руль в сторону, вниз.

Ум поправил руки: не туда, мол. Руки крутанули руль, не учтя того, что машина уже ехала вниз.

«Москвич» на полной скорости накренился и оказался на двух колесах, Абдыков опомнился, начал выправлять, но забыл снять ногу с педали газа.

И машина закувыркалась.

Пьяного бог бережет, говорят в народе, и справедливо.

А тут боженька поднатужился и уберег сразу двоих, того причем не стоящих (на то и милость божья): и Валерий, и Вера оказались хоть и поцарапанными, с синяками и шишками, но целыми, даже ничего не сломали.

Машина же была поуродована — в хлам. «Восстановлению не подлежит», как сказал потом лучший чиховский специалист по ремонту, которого Татьяна привела на место происшествия (Валерий, естественно, бросил там эту грудку железа).

Татьяна даже не пошла к бывшему мужу ругаться — толку? И машина, строго говоря, все-таки действительно его.

А у Валерия появился еще один повод для вечного праздника, ибо второй раз в течение своей, еще пока довольно короткой жизни, он подвергался смертельной опасности и остался цел. Было чем гордиться, было что праздновать.

Вера его радость разделяла вполне, хотя слишком увлеклась: через две недели беспробудного праздника с ней случилось нехорошее: увидела маленьких бурых лягушек на голове Валерия и в порыве отвращения (с детства боялась лягушек), хотела прибить их скалкой. Одну-двух зашибла, больше Валерий не дал, отнял скалку, а Веру

отвез в больницу, где ее и оставили с диагнозом: «острый алкогольный психоз».

Чиховцы это называют — «белочка прискакала». Белая горячка, то есть.

Лейтенант Харченко не сидел без дела: послал запрос факсом с приложением копии билета. И вскоре получил ответ: по данному билету в июне прошлого года летел гражданин Мушков Дмитрий Георгиевич, бизнесмен и рецидивист, подозреваемый по нескольким уголовным делам. Дела эти были на стадии расследования, но Мушков Д.Г. ушел от справедливого наказания: катался на скутере по Истринскому водохранилищу возле своего подмосковного имения, не рассчитал скорости, перевернулся и утонул, не приходя в сознание. Проще говоря, погиб и умер, дела закрыты, тело выловлено и похоронено.

Харченко не удовлетворился ответом, звонил в Москву:

— А точно тело похоронено? Может, не Мушкова?

Ему ответили: похороны состоялись при многочисленных свидетелях, есть акт экспертизы и медицинское заключение.

— Все равно, фотографию вышлите, — попросил Харченко.

Фотографию выслали, по факсу пришло что-то вроде фоторобота, крайне неразборчивое: мужчина средне-

русской внешности, похожий сразу на всех и ни на кого в отдельности.

Тем не менее лейтенант почувствовал детективный сюжет. Все думают, что похоронили бандита, а бандит скрывается хитрым способом! Иначе откуда у него билет, скажите, пожалуйста? Не подсунули же!

Харченко пришел к Татьяне под вечер, когда она, Гоша и дети пили чай в саду под навесом, где до этого стоял несчастный «москвич».

— Привет покойникам! — поздоровался Харченко.

— Вы думайте, что говорите! — рассердилась Татьяна.

— А я и думаю, — подсел Харченко, иронично поглядывая на Гошу. — Как оно, на том свете? Ничего?

— Не знаю, — сказал Гоша, поняв, что вопрос обращен к нему.

— Он не знает! — рассмеялся Харченко. — Само собой, потому что ты там не был. Но все думают, что ты там!

— Виталя, ты не шути, а скажи толком, — попросила Татьяна. Она, женщина тонкая, знала, как сбить с толку любого: не окриком, не напором, а таким вот неожиданным душевным обращением — по имени и дружелюбно. Наш человек, к этому не привыкший, тут же теряет почву под ногами и становится податлив.

И Харченко смилостивился, объяснил:

— Ты мне билет давала, так вот — Мушков наш погиб, оказывается. И похоронен. Только я думаю, жив он.

Харченко не боялся раскрыть тайну, он придерживался методики, которая предполагает прямое психологическое воздействие на вероятного преступника — давить информацией. Дескать, я все знаю и тебе от меня не уйти!

Он внимательно смотрел в глаза Гоши.

Глаза оставались безмятежны.

— Ты что ж думаешь, — спросила Татьяна, — он и есть этот Мушков?

— Предполагаю.

— Имя-отчество как?

— Дмитрий Георгиевич.

— А он Гоша.

— Кто сказал, что Гоша? Он сам сказал? Значит так, гражданин, — официально обратился лейтенант к Гоше, — брать я вас пока не буду. Мы кого попало не берем. Да и не хочу, чтобы надо мной смеялись, если ты вдруг почему-то все-таки не Мушков. Но учти — ты у меня под контролем. Любой твой шаг может тебя выдать! Понял? У меня в районе три нераскрытых ограбления и два убийства. Если будешь себя вести неправильно, я их сразу раскрою!

И Харченко, исполнив долг, встал, не попросив даже чая.

— А кто он был, этот Мушков? — спросила Татьяна.

— Бандит-рецидивист, — ответил Харченко.

— Круто! — восторженно завопил Толик, зная по кино и телевизору, что бандит-рецидивист — профессия приключенческая, опасная, денежная, следовательно хорошая.

— Заткнись! — одернул его Костя, понимавший в жизни побольше брата.

А разговор этот слышала, копаясь в своем саду, Эмма Петровна Обходимова. Она совершенно случайно оказалась около забора в это время и даже кое-что видела сквозь щель, которая, опять-таки случайно, оказалась прямо перед ее глазами.

Утром Гоша внес на кухню два ведра с водой, чтобы согреть их на плите для стирки: водопровода в доме не было, пользовались колонкой на улице. Попросил зажечь газ Толика. Сам он чурался огня, особенно открытого, не подходил близко. Татьяна считала: следствие пожара, в котором Гоша побывал.

Толик зажег газ.

В это время вошла Татьяна. Гоша, собиравшийся уже поставить ведра на горелки, в свете дня источавшие почти невидимое и не казавшееся опасным пламя, распрямился, чтобы поздороваться с нею. А Толик, смастерив бумажный самолет, пустил его, и тот спланировал на одну из горелок и вспыхнул. Татьяна охнула и смахнула самолет сковородником, и неосторожно: на футболку Гоши. Край футболки сразу же занялся огнем, но Гоша, вместо того, чтобы потушить, смотрел с ужасом и ничего не делал. Только отступал к стене, словно желая уйти от пламени — но как ты уйдешь от огня, который на тебе самом?

Татьяна схватила большое полотенце, накинула на Гошу, захлопала руками, потушила пламя.

А лицо Гоши покрылось потом, стало серым. Он сполз по стене и закрыл глаза.

— Не надо! — закричал испуганный Толик.

Татьяна, взглядываясь в лицо Гоши, стала трясти его за плечи:

— Ты что? Что с тобой, Гоша? Гоша!

Зачерпнула кружкой воды из ведра, плеснула Гоше в лицо.

Гоша открыл глаза. Лицо его медленно розовело.

— Господи, Гоша, как ты меня напугал!

— Кто Гоша? — спросил Гоша. — А ты кто?

— Вот тебе раз! Опять, что ли, память потерял? — удивилась Татьяна.

Часть вторая

1

Да, Гоша опять потерял память.

Татьяна указывала ему на Толика, на Костю, который, поздно проснувшись, умывался у раковины:

— Их ты помнишь? Как на машине с ними катался?

— Нет.

— А машину-то помнишь вообще? Как ее ремонтировал?

— Нет.

— А как в теплице работал?

— Нет.

— Плохо дело, — вздохнула Татьяна. — А как попал сюда — помнишь?

— Не помню! Женщина, в чем дело вообще? Где я?

Толик спросил:

— Мам, чего это с ним? Был нормальный, а теперь...

— Нечего тебе тут, иди гуляй! — вместо ответа прогнала его Татьяна. — И ты тоже! — уснула и Костю.

И объяснила Гоше:

— Ты ночью пришел. Совсем ничего не помнил. Вид был такой, будто с пожара. Потом начал понемногу при-

ходить в себя. А только что огня испугался, в обморок упал. И опять ничего не помнишь.

— То есть я тут жил, что ли?

— Жил.

— А до этого?

— Не знаю.

— Нет, но как это? Я же помню, что... — Гоша посмотрел в зеркало. — Помню, что мужчина, лет сорок мне примерно. И... И все... Нет, стой, стой! — волновался он. — Как же это? Страна какая? Россия, помню! Город? Я точно в городе жил... Не помню... Год? Помню! — обрадовался он (правда, схитрил, посмотрел на календарь, висевший на стене). — А зовут меня как?

— Гоша, — сказала Татьяна.

— Почему?

— Я по-разному называла, ты отозвался на Гошу.

— Да нет, вряд ли.

— Надо же тебя как-то звать. Не Тузик же.

— Виктор, Леонид, Евгений, Роберт, Антон, — перебирал Гоша. — Не помню. Ладно, пусть пока Гоша, — согласился он без удовольствия. — А профессия у меня какая?

И он долго еще задавал вопросы себе и Татьяне, не находя и не получая ответов. И сказал:

— Так. Одно из двух: или мне надо в милицию, чтобы разыскали, кто я, или к врачу.

— Милиция тут уже была.

— И что?

— У тебя билет на самолет нашли с фамилией. Мушков.

— Мушков? Не помню. И что?

— Будто бы этот Мушков помер, а был бандит-рецидивист.

— Тогда в милицию не надо! — тут же решил Гоша. — А то окажешься действительно в каком-нибудь уголовном розыске.

— Ты, значит, помнишь, что такое уголовный розыск? — спросила Татьяна, все больше грустнея.

— Да все я помню, кроме себя!

2

Это было именно так: Татьяна вела его по городу в центральную поликлинику, и Гоша все понимал. Про людей, про машины, про магазины, про то, какие в обществе отношения. Увидел плакат с портретом президента — узнал президента. Увидел афишу возле кинотеатра с фигурой актрисы Анжелины Джоли — узнал Анжелину Джоли, причем одобрительно посмотрел на ее формы, следовательно, и в этом разбирался. Увидел рекламный щит с огромной пачкой сигарет и подписью «Минздравсоцразвития предупреждает...» — остановился.

— Что? — спросила Татьяна.

— Вспомнил! Думаю — чего же я хочу? Курить хочу! Очень!

— Ну, хочешь так хочешь...

Татьяна подошла к ларьку, осмотрела пачки в витрине и цены.

— «Приму», пожалуйста.

— Извини, я такие не курю, — сказал Гоша. — И назвал другие сигареты, иностранные; уточнять не буду во избежание рекламы, а если при этом не побоялся назвать «Приму», то причина простая: курение несомненно

вредно, но я всегда рад возможности поддержать отечественного производителя.

Поддержала его и Татьяна, сказав Гоше:

— Обойдешься, дорогие слишком!

И купила хоть и не «Приму», сигареты с фильтром, а все ж намного дешевле тех, на какие указал Гоша, и, охотно сообщая, отечественные.

— И пива бы бутылочку, — попросил Гоша вполне деликатно, понимая, что пока его судьба в руках этой женщины.

— Ага, конечно! К врачу идешь, забыл?

И они пошли дальше.

Татьяна посматривала на Гошу и удивлялась. Вроде и тот же — а другой. Если прежний Гоша был похож на ребенка, то этот... нет, не на мужчину пока еще в полном объеме, скорее на подростка. Движения какие-то угловатые, порывистые, поведение неровное — то говорит вежливо, спокойно, то начинает голос повышать ни с того ни с сего... Неустойчивый какой-то. Непредсказуемый. Поэтому она не меньше Гоши желала услышать, что скажет врач.

— Кстати, а какой врач тебе нужен? — спросила Татьяна.

— Ясно, что не терапевт. Невропатолог, наверно.

— Скорей психиатр.

— Я что, псих? Ты чего?! — закричал обиженно Гоша.

— Ты не псих. Но болезнь явно психическая.

— Да уж...

И Гоша вдруг захохотал, показывая пальцем на старика, который мчался к автобусу, подошедшему к остановке, но потерял тапок и метался: и тапка, хоть и драного, жаль, и автобус может уйти.

— Погоди! — кричал старик водителю, нелепо ковыляя то к тапку, то к автобусу.

— Чего ржешь? — спросила Татьяна. — Помог бы.

— С какой стати? — удивился Гоша. — Не будет в тапках по улице бегать!

И в словах его была несокрушимая (опять же подростковая какая-то) логика — которой, впрочем, наделено у нас и взрослое население.

3

Психиатр Всеволод Кобеницын оказался свободен. Летом у него вообще было мало работы: во-первых, сезонные обострения душевных недугов приходится чаще на весну и осень, во-вторых, нет призывников, которых тоже весной и осенью приволакивают родители в надежде обнаружить у своих чад с помощью Кобеницына какие-либо отклонения и тем самым избавить от службы в армии. Пытались давать и взятки, но Кобеницын был неподкупен. Он вообще работал здесь временно, трудился над кандидатской диссертацией и мечтал устроиться в большую, серьезную клинику. Одно плохо: мало практического материала, мало интересных случаев. Поэтому пациент с ретроградной амнезией его заинтересовал сразу.

Выяснив, каковы симптомы, он начал объяснять Гоше и Татьяне:

— Поскольку налицо фактор шока, в данном случае огня, можно надеяться на то, что это сработает еще раз.

— Огнем меня, что ли, напугать? — спросил Гоша.

— Не исключено.

— А если я не вспомню, а последнюю память потеряю?

— Возможно и это. До сих пор никто не знает, почему выключается и почему включается память. Но есть методики постепенного восстановления. Например: задавать вопросы. Задавать и задавать вопросы. И пробовать сделать то или это. Ориентироваться не на знание, потому что его нет, а на интуицию, на ощущения, на смутные образы. То есть — что нравится, что не нравится, что привлекает, что отталкивает, куда тянет, а что, наоборот, вызывает отвращение. Так постепенно может проясниться социальный статус, уровень интеллекта и так далее. Например, как вы думаете, есть у вас семья или нет?

Гоша задумался. Татьяна ждала ответа с не меньшим, чем психиатр, интересом.

— Нет, как-то не чувствую, — ответил Гоша.

— Вы человек физического труда? По ощущениям?

— Землю пахать не рвусь, — ответил Гоша.

— А в теплице работал, между прочим, — напомнила Татьяна.

— В бессознательном состоянии, — сказал Гоша.

— Уверенного ответа нет? — спросил Кобеницын. — Тогда надо пробовать.

— То есть физический труд? — уточнил Гоша без энтузиазма.

— В том числе. Все пробовать.

4

Гоша и Татьяна вышли из поликлиники в равной мере неудовлетворенные: Татьяна поняла, что прежнего Гошу, к которому она привыкла, уже не вернуть, а Гоша остался в неведении относительно себя.

Тут они столкнулись с Лидией — она заходила в поликлинику по каким-то своим мелким недомоганиям. Лидия чувствовала себя неловко перед Татьяной и заранее приготовила объяснение:

— Здравствуйте! — сказала она. — Таня, ты представляешь: увидела твоего с газом и подумала, что он в газе понимает, позвала к себе горелку посмотреть, я тебе рассказывала, помнишь, у меня там утекает, а он, оказывается, не соображает ничего. Вы бы сказали бы! — мягко укорила она Гошу.

— Я вас не знаю, девушка! — сказал ей Гоша с раздражением. Но тут же спохватился и добавил с неожиданной игривостью: — Но можем познакомиться!

— Ну, так тоже не надо! — оскорбилась Лидия. — Не знает он! Я вам ничего такого не сделала!

— А хотела? — улыбнулась Татьяна, которая ничуть не была в претензии на подругу: знала ее неисправимый характер. Да и не из-за кого в претензии быть.

— Ничего я не хотела! Сроду, Тань, ты обо мне что-то думаешь!

— Да ладно, не думаю я ничего!

Они разошлись вполне мирно.

— Кто это? — спросил Гоша.

— Подруга.

— Похоже, я ее знал?

— Знал.

— Предупредила бы, а то неудобно получилось.

Женщина вообще-то симпатичная.

— Догони, — равнодушно предложила Татьяна.

— Делать мне больше нечего! Нет, в принципе можно. Но не сейчас.

Гоша насупленно шел по улице и бормотал:

— Статус, интеллектуальный уровень... То, что не дурак, это я чувствую. А статус... Не бедный я, надо думать.

— Почему это? — спросила Татьяна.

— А на машины смотрю, — показал Гоша, — и понимаю: дорогие и хорошие мне нравятся, а дешевые и плохие нет.

— Дорогие и хорошие мне тоже нравятся, это еще ничего не значит.

— Тоже верно... А я совсем без денег был?

— Совсем.

Татьяна ответила легко и просто — была готова к этому вопросу. Если бы Гоша был прежним, она сказала бы: да, были деньги и есть, но давай-ка подождем их тратить, пока ты не вернешься в память. Теперешний же Гоша казался ей слишком ненадежным. Отдашь ему деньги — как бы беды не вышло.

Опасения ее, кстати, тут же подтвердились: по дороге встретился зал игровых автоматов со скучающим охранником у двери, и Гоша, остановившись, сказал:

— Тянет.

— Куда?

— Туда.

— Еще чего, последние деньги проигрывать!

— Доктор сказал: все надо проверять. А то не вспомню. Если тянет — почему тянет? Может, просто так, а может, не просто.

— Без проверки обойдемся, — сказала Татьяна. — Тянет — перетерпишь!

— И пива нельзя?

— Нельзя!

5

Татьяна попробовала пристроить его к прежней работе в теплице. Но Гоша забыл все, чему научился, к цветам не проявил никакого интереса, на просьбу же Татьяны перенести ящики с рассадой, сказал:

— Доктор велел ориентироваться на то, что чувствуешь. Что привлекает, а что вызывает отвращение. Ящики таскать, сразу скажу, у меня вызывает отвращение полное.

— Да? А что привлекает? Жрать задаром? Я тебя все это время кормила, между прочим!

— А я не просил!... Слушай, не кричи, — сбавил Гоша. — Такая интересная женщина, а такая какая-то не мягкая. Ты пойми, я же действительно хочу узнать, кто я. Но надо быть осторожным. Ты говоришь — ящики. А я, может, музыкант? Пианист или скрипач. Покалечу пальцы — и нет профессии! Понимаешь?

— Музыкант? Ладно.

Татьяна ходила в дом за гитарой, на которой в молодости немного играл Валерий, а потом и она сама потренькивала на досуге.

— На! Пробуй!

Гоша зажал пятерней лады, щипнул струны.

— Нет. Если и играю — не мой инструмент.

— Вижу я, какой у тебя инструмент!

— Какой? — хихикнул Гоша, бог весть что предположив.

— Язык!

— Татьяна, я понимаю твои эмоции, конечно, — обиделся Гоша. — Но если ты так, то я ведь могу и уйти!

— А тебя кто держит? Ты мне нужен, думаешь? Со-кровище! Черт тебя знает, кто ты такой — работа у тебя отвращение вызывает, а покурить и пива выпить — с удовольствием! Наводит на мысли!

— Какие это мысли? А работу мы только физическую пробовали. Может, я... — Гоша помешкал, перебирая, — физик-атомщик, например? Или бизнес-менеджер! Или математик? Или вообще учитель в школе!

— Это вряд ли, — усомнилась Татьяна.

Но решили проверить: пошли в дом, и Гоша полистал учебники Толика и Кости.

— Понимаешь что-нибудь? — наблюдала Татьяна.

— А что тут не понять? Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, — наизусть сказал Гоша.

— Это и я помню. А посложней что-нибудь? Только без подглядки.

— Ну... Битву при Калке помню. Правда, не помню, кто с кем и кто победил. Бородинское сражение — уже лучше, наши победили, хоть и отошли. Помню еще — хордовые.

— Это что?

— Что-то из биологии. Черви, что ли. Нет, много помню, — обнадежился Гоша. — Так дело пойдет!

Однако учебники отложил, умственной информацией явно не увлекся.

Ходил по двору, глядя вокруг, словно ждал: что-то ему намекнет и подскажет. Но мир этот был ему чужд и молчал.

А Эмма Петровна, возвращаясь из магазина, проходя мимо Одутловатова и Кумилкина, бесцельно сидевших на лавке возле кривой калитки своего двора, поздоровалась и сказала как бы между прочим:

— Татьяна с сожителем недоразумения выясняют.

— Это какие? — спросил Кумилкин.

— Он говорит: не помню ничего. А она говорит: вспомни, может, ты, говорит, академик был. А до этого к ним милиционер приезжал, говорит: нет, он был, говорит, бандит. Вот мне бандита только в соседях не хватало!

Она проследовала дальше, а Кумилкин хлопнул себя по коленкам:

— Что я тебе говорил, Олег Трофимович! А? Нюх у меня на это дело! Я тебе говорю: взял кассу — и залег! И делает вид, что ничего не помнит. Сидел я с одним таким, ему говорят: ты Петров и ты убийца, а он уперся: я не Петров, а Васечкин и людей сроду не убивал, а, наоборот, люблю! И ничего доказать не могли!

— Отпустили!

— Нет, конечно.

— А может, он действительно память потерял? Это бывает.

— В любом случае есть у меня одна мысль, — задумчиво сказал Юрий.

И к вечеру он явился ко двору Татьяны с этой одной мыслью. Не заходя, подозвал бесцельно слоняющегося Гошу.

— Привет!

— Привет, — подошел Гоша. — Я тебя тоже знал?

— Совсем память переклинило? — сочувственно спросил Кумилкин.

— Совсем...

— Хочешь, помогу?

— А как?

— Загляни ко мне в гости. Конечно, лучше бы с бутылкой.

— Где я тебе ее возьму?

— Что, Татьяна ограничивает?

— Более чем.

— Несправедливо, — покачал головой Юрий. — Если ты заводишь себе мужика, то поступай с ним по-человечески! Или уж не заводи, правильно?

— Да я уйду, наверно. Только — куда?

— Не пропадешь. Раньше у тебя вид был, извини, совсем придурковатый, а сейчас на человека похож, сразу видно. Ты, может, серьезными делами занимался?

— Я тоже так чувствую. Но не помню.

— Совсем ничего?

— Так... В общих чертах.

— Да... — с философской интонацией сказал Кумилкин. — Какая ни была поганая жизнь, а забыть ее как-то жалко... Будто ее и не было, получается. Будто и не жил!

— То-то и оно.

Оба помолчали. Гоша думал о чем-то смутном, а Кумилкин вспоминал свою поганую, как он сам выразился, жизнь.

Ему не повезло, по молодости он влип в историю: в привокзальной пивной возникла драка, одному проломили бутылкой голову. Прибывшая милиция никого не застала, кроме лежавшего на полу потерпевшего и пьяного до бесчувствия Юрия. Его и взяли, его и судили, ему и впаляли срок. Правда, молодая жена Юрия, самоотверженная женщина, решила так дела не оставлять — наняла адвоката, добилась нового расследования. В ходе его отыскиались свидетели, да и сам потерпевший, между прочим, остался жив и, хоть смутно, но помнил, что бил его кто-то маленький, лысый и усатый, а Кумилкин роста был приличного, волосы имел густые, а усов при этом никогда не носил. Шло дело к тому, что будет пересуд и Юрия отпустят. Но не успели: ему уже впаляли в тюрьме новый срок.

Почему и за что? Объяснение простое: тюремное начальство, изучив сопроводительные документы, сразу поняло, что Кумилкин не виноват. А оно знало: человек, сидящий безвинно, обиженный, склонен к беспорядкам и вообще социально опасен. Поэтому, чтобы заключенный отбывал срок послушно, с осознанием его заслуженности, начальство быстро оформило Кумилкину добавочный год за злостное и умышленное нарушение режима, заключавшееся в укрытии под подушкой заточки. Дал Юрию заточку один кореш, выходявший на волю, дал на память, не знал же Кумилкин, что сразу же после исчезновения кореша в бараке будет шмон по шконкам. Зато винить некого: не надо было брать в подарок холодное оружие!

И все же у Юрия было ощущение, что сидел он зря. Тем более жена, хоть и сделала все для его спасения, не дождалась, вышла за другого. Тогда-то он и захотел взять кассу и залечь на дно.

Касса нашлась на территории кирпичного завода — навели добрые люди. Она плохо охранялась, и туда можно было проникнуть через подвал. Юрий выгреб всю наличность, которой, увы, хватило лишь на дюжину бутылок водки, и залег на дно, то есть у одной знакомой чмары, а под утро его замели, легко отыскав с помощью служебной собаки.

Но зато он шел в тюрьму уже уважаемым человеком, не по бытовухе, не мужиком.

Освободившись, год жил тихо, выжидал и высматривал. И высмотрел солидную и верную кассу — в помещении местного отделения одной партии, которую щедро финансировали из Москвы. Денег там всегда уйма! — уверял Юрия хмельной юный функционер с чубчиком, которого Кумилкин пас и обхаживал два месяца. Юрий хорошо подготовился, аккуратно взломал дверь, вскрыл сейф и ничего, кроме пустоты, не увидел. Недоумевающий, он вернулся домой, где его через пару часов и взяли. В сизо Кумилкин прочел ехидно подсунутую ему следователем местную газету со статьей и фотографией функционера с чубчиком; тот горестно рассказывал, что партия потеряла несколько миллионов рублей...

И понял Кумилкин, что мечта его несбыточна, поэтому и стал после освобождения вести относительно честный образ жизни и строить планы о семейной гостинице...

...

Тряхнув головой и освободившись от раздумий, Юрий предложил:

- Взял бы займы у Татьяны?
- Не даст.
- А ты попробуй.

Гоша попробовал, и, удивительное дело, Татьяна дала. Но, вручая деньги, предупредила:

— Учти, ровно столько даю, сколько взяла. И мы теперь в расчете. Понял?

Гоша не понял, но кивнул.

В доме Одутловатова и Кумилкина вечером был пир: водка, пиво, колбаса, огурцы маринованные, килька пряного посола.

Кумилкин, пока гость не опьянел, начал его прощупывать.

— Зона понимаешь, что такое? Помнишь?

Гоша покачал головой:

— Смутно...

— А это что? — показал Кумилкин колоду карт.

— Стёрки, — выскочило у Гоши.

— Верно! — обрадовался Кумилкин. — Я сразу почувал, ты наш человек! Так может, сметнем в буру или в секу?

— В буру втроем надо как минимум.

— Я не буду, — отказался Олег Трофимович. — Я ваших воровских игр не знаю.

— Ну, тогда в секу, — предложил Кумилкин, кинув для пробы по три карты за себя и партнера и открыв их. — Надо же, как ты меня сразу сделал! Ну — всерьез?

— По масти считаем или по цене?

— Сечешь! По масти!

— С джокером или шахой?

— Джокера нету, пусть шаха будет. Трефовая.

— Идет. На кон сколько?

— Полтинник для начала. Только у меня нет, — огорчился Юрий. — На интерес разве?

— На интерес в секу беспонтово метать.

— Ну, дай займы на ставку.

— А если я сразу выиграю?

— Буду должен — или я падла!

— Ладно.

И они начали играть.

Одугловатов с интересом смотрел, ничего не понимая.

Гоша неведомым образом вспомнил все тонкости игры, он играл умело, но азартно, а Кумилкин хитро, расчетливо.

Игроки вошли в раж, то и дело восклицали:

— Проход! Пас! Свара! Вскрываюсь! Втемную!

Смотрит Одугловатов на Гошу: сигарка в углу рта дымится, глаз прищурен, голова набок, ну — урка уркой!

Да и Кумилкин нахваливает:

— Жох ты, Гоша, я смотрю! В больших ходил!

— Да уж не шестерил, не ссучился! — важно отвечает Гоша голосом бывалого сидельца.

И играет уверенно, четко. Как выиграет кон — Кумилкин бурно горюет, матерится, рвет на себе волосы. Как проиграет, Кумилкин быстро это замнет, сдает по но-

вой. И полное ощущение, что Гоша почти все время в выигрыше.

Но почему-то оказалось, что он довольно быстро проиграл всю свою наличность и начал играть в долг.

От огорчения он выпивал все чаще, но так, чтобы язык и руки шевелились, а голова соображала.

Под утро обнаружилось, что он проиграл Кумилкину, если считать в долларовом эквиваленте (ибо для простоты к концу начали ставить именно доллары, хоть их и не было), тысячу тридцать четыре с копейками. С центами, то есть.

Мелочь Кумилкин великодушно простил, а тысячу потребовал отдать завтра же.

— И попробуй только сказать, что ничего не помнишь!

Татьяна ждала Гошу и нервничала: ей на работу идти в магазин, а его все нет.

И вот явился: пьяный и наглый.

— Привет. Извини, я немного... Бывает. Ты слушай. Дело есть. Долг чести — тысяча. Кумилкину проиграл.

— Не дам!

— Верну, радость моя! — сфамильярничал Гоша.

— Отстань от мамки! — послышался грозный голос.

Гоша удивленно повернулся.

Костя стоял в двери комнаты, расставив ноги. Из-за него выглядывал заспанный Толик.

— Ты чего, штырь? — удивился Гоша. — Ты иди обратно спать, пока я добрый! А то дам щелчка — и будет во лбу дырка.

Гоша поднял руку, чтобы дать Косте щелчка. Не для того, конечно, чтобы сделать дырку, а так, шутливо.

Но Костя шутки не понял. Дернул за руку, сам изогнулся, скакнул под Гошу, и вот Гоша лежит на полу, а Костя стоит над ним.

— Ты чего сделал, малолетний? — растерянно спросил Гоша, с трудом поднимаясь на пьяные ноги.

- Прием применил.
- Какой прием?
- Ты сам научил.
- Не он, а Гоша, — поправил Толик.
- Это тоже Гоша, — сказал Костя.
- Это другой, — не согласился Толик.
- Ладно, спите дальше! — прикрикнула на них Татьяна.

И, подумав, сказала:

- Хорошо, тысячу я тебе дам. Я тебе и остальные дам... — она запнулась. — Нет, не так.

Она села к столу, вырвала листок из тетради и написала: «Я Татьяна Викторовна Лаврина обязуюсь вернуть «Гоше» (поставила почему-то кавычки) когда он вернется в память то что у него было а до этого храню на сохранении». Подумала и добавила: «Как в банке». Поставила число и подпись. И подала Гоше:

- На, спрячь. И уходи.

Гоша прочел, ничего не понял.

- А что было-то?

- Неважно.

- Но тысячу дашь?

Татьяна достала тысячу рублей:

- Подавись! И проваливай.

- Ты не поняла. Тысячу долларов я проиграл! Святое дело, долг! Порежут!

Татьяна опять подумала. Приказала:

- Выйди.

И через некоторое время вынесла во двор требуемую сумму.

- Вот. И навсегда исчезни!

Гоша, радостный оттого, что так быстро и легко все уладилось, отправился к Кумилкину. Тот спал, утомленный игрой и выпивкой. Спал и Одутловатов, хрипло дыша.

Прикорнул рядом с ними на полу и Гоша.

Кумилкин проснулся после полудня первым и тут же растолкал Гошу:

— Принес?

— Принес.

Кумилкин не верил своим глазам, щупал, считал, показывал продиравшему глаза дяде:

— Ты глянь! Я же говорил, кассу взял человек! Взял, да, Гоша? А ведь наверняка больше было! Ты вспомни!

— Не помню, — мрачно сказал Гоша, болея с похмелья.

Кумилкин понял его состояние и тут же сгонял за поправкой.

Подлечившись, они сели и с увлечением стали обсуждать, какие стройматериалы купить для починки дома, ибо на постройку нового все-таки маловато.

— Шифером покрыть, — предложил Одутловатов. — Листов сорок надо.

Записали шифер.

— Вагонкой обшить дом, — дельно толковал Одутловатов. — Метров восемьдесят квадратных.

Записали вагонку.

— Фундамент переложить, — не отставал в строительной мысли и Кумилкин.

— Точно. Сотни три кирпича красного надо.

Записали красный кирпич.

А потом отправились на местный строительный рынок, где увидели, что денег не хватит даже на шифер.

Огорчились.

Выпили вина для возобновления оптимизма.

— Вот что, — сказал Кумилкин. — Надо тебе у Татьяны остальные деньги взять.

— Думаешь, есть?

— Обязательно! Если она тебе тысячу так легко отстегнула! Я полагаю, у тебя тысяч десять было, не меньше! — уверенно сказал Юрий. Для него десять тысяч долларов всегда были магической цифрой, пределом и оптимумом его мечтаний.

Его уверенность передалась и Гоше, и Одутловатову.

И они отправились к Татьяне.

Не застав ее дома, пошли в магазин.

Переговоры взял на себя Кумилкин.

— Ты вот что, Татьян, — сказал он. — Ты давай по-честному. У нас бизнес-план, сама понимаешь. Нужны оборотные средства. Так что верни деньги человеку.

— Да? И много ли я должна? — спросила Татьяна, усмехаясь, но внутренне холодея от неприятности.

— Десять тысяч! — точно сказал Кумилкин.

— А не слишком хватанул?

— Самый раз!

— И кто же тебе сказал, что у тебя столько было? — спросила Татьяна Гошу.

Тот промолчал. И даже не вспомнил о расписке, что дала ему Татьяна: он сунул ее в карман, и тут же она провалилась в трясину его мутной памяти. То есть беспамятства.

И Татьяна догадалась: точное попадание в сумму — случайность. И храбро сказала:

— А ну, идите отсюда, алкоголики! Сейчас милицию позову, вам за вымогательство знаете что будет?

Она решительно взялась за телефон.

Дядя и племянник переглянулись. Милиция им не нужна ни в каком виде. Вымогательство не вымогательство, а милиции только дай повод — найдет, за что взять. Тем более что действительно, вид у них не самый основательный. Проще говоря — выпивший.

Они вышли, и Одутловатов спросил Юрия:

— Ты с чего придумал вообще про такие деньги?

— Я не придумал, это он сказал! — ткнул пальцем Юрий в Гошу.

— Я не говорил.

— А кто говорил?

Помолчали.

— Что будем делать? — поставил вопрос Кумилкин. — Пропить такие деньги — глупо. Дело начать — мало.

— Пустить в оборот, — подсказал Одутловатов.

— Какой? — иронично спросил Кумилкин, никогда не веривший, что деньги и впрямь могут зарабатывать деньги. Но тут же сам себя опроверг: вспомнил место, где это бывает.

— Сыграть надо! Но только наверняка! — предложил он.

Гоша охотно согласился.

Одугловатов сомневался в прибыльности азартных игр (хотя и видел своими глазами, как племянник обыграл Гошу), но потащился за ними.

Кумилкин уверял, что у него в игровых салонах везде знакомые охранники, которые за сотню рублей скажут, давно ли был джек-пот, то есть насколько велика возможность выигрыша.

10

В первом же салоне им повезло: охранник шепнул, что джек-пот был очень давно, так что играть можно почти наверняка.

Они и начали.

И сперва даже понемногу выигрывали — в том числе и Одутловатов.

Но он же первый и продул все, что у него было.

Обратился к племяннику:

— Дай займы немного.

— Щас прям! У меня только пошло!

И впрямь пошло, да только в другую сторону: скоро и Кумилкин был пуст. Он бросился к Гоше, но и тот рас-терянно шарил себя по карманам.

— Ты что же! — наскочил Кумилкин на охранника. — Врать мне вздумал?

— Отвали, — лениво ответил охранник.

— А ты знаешь, с кем связался? — грозил Кумилкин. — Ты знаешь, какой это авторитет? — указывал он на Гошу. — Ведь ты же авторитет, Георгий?

Гоша, не имея понятия о своей личности, готов был на любое предложение. И послушно сказал:

— Да, авторитет.

— Неужели? — весело изумился охранник.

Взял авторитета Гошу за ворот и вышиб им дверь, благо та открывалась наружу.

Кумилкин и Одутловатов вымелись сами, не дожидаясь той же участи.

Гоша сгоряча бросился обратно — и получил опять тычка, не сумев дать сдачи: его умение куда-то улетучилось. Или просто пьян был.

Веселье кончилось.

На другое утро они проснулись больные и вялые. Весь день лежали и пили воду. К вечеру Одутловатов сварил макарон, ели с отвращением, но с чувством долга: жить надо, питаться надо.

Потом два дня существовали впроголодь, потом Одутловатов получил пенсию, решили сначала купить продуктов впрок: крупы, вермишели, маргарина — того, что попроще, подешевле.

А остальное, естественно, прогуляли.

К исходу недели пребывания у дяди и племянника Гоша заболел. Лежал в поту, дрожал, все время просил пить. Лечили аспирином — других лекарств не было.

К ночи Гоше стало совсем худо, он стал горячим, губы обметало, глаза воспалились.

— Подохнет еще тут, — сказал Кумилкин. —хлопот не оберешься.

— Надо Татьяне сказать.

— А ей он нужен? Он ей кто? Он ей никто.

— Жили же вместе.

— Это пока он здоровый был и при деньгах!

Но Одутловатов решил все же сходить к Татьяне.

— Твой-то помирает вроде, — сказал он.

— Какой это мой? Нет никаких моих у меня, кроме детей! — отрезала Татьяна. Потом спросила: — А что с ним?

— Температура высокая. Бредит даже.

— Не заразно?

— Откуда я знаю.

— «Скорую помощь» вызывайте.

— Ее вызовешь... Сама знаешь: без прописки у нас и в больницу не берут. Только на кладбище. С биркой на ноге.

— А меня не касается!

— Ну, извини...

И Одутловатов поплелся к дому. Но Татьяна окликнула его:

— Стой!

Она предусмотрительно захватила свою тележку-арбу — и не напрасно: Гоша не только ходить, встать не мог. С помощью Кумилкина и Одутловатова Татьяна уложила Гошу на тележку, повезла домой.

Поместила, как и прежде, в сарае.

Три дня Гоше было худо, на четвертый стало легче, температура спала. Лежал слабый, тихий. Регулярно впадал в сон, а во сне что-то бормотал. Татьяна прислушивалась.

— Не виноват я, — жалобно говорил Гоша.

А потом ласково:

— Мамочка, я мыл руки, мыл, мыл... И раму, мама, мыл, мыл...

А потом деловито и строго:

— Ввиду этого перспективы продвижения данного брэнда представляются сомнительными!

А потом запел:

— Милая моя, солнышко лесное...

А потом вдруг скороговоркой:

— Gelbe Blumen blühen beim Birnbaum. Blühen beim Apfelbaum blaue Blumen?

Лидия, навестившая Татьяну, пившая чай, как всегда, за столом в саду, прислушалась:

— Чего это он? На каком это?

— На немецком, что ли? — предположила Татьяна, сама учившая в школе немецкий и услышавшая знакомые звуки. — Школу, наверно, вспомнил.

Гоша же продолжил — складно и подробно:

— To sit in solemn silence in a dull dark dock
In a pestilential prison with a life long lock
Awaiting the sensation of a short sharp shock
From a cheap and chippy chopper on a big black block.

— А это уже английский, похоже. Слушай! А он не шпион случайно? — ужаснулась Лидия. Ужаснулась, впрочем, без особого ужаса, скорее даже с интересом.

— Если бы шпион, он бы на одном языке говорил.

— А он международный! И потом, их так учат, что они все языки знают. Недаром же мне казалось, что он как-то не так по-русски говорит.

— Что значит — не так?

— Ну, слишком правильно. И матом не ругается.

— Уже научился... Он вообще изменился очень, Лидя, — горестно сказала Татьяна. — И не в лучшую сторону. Вот поправится — буду избавляться от него.

12

Но избавиться как-то не получилось. Гоша после болезни присмирел и даже изъявил желание поработать:

— Ты чего-то там помочь просила?

— Если бы ты что умел! Ну, тележку мне на базар отвези.

Гоша повез.

Им встретился Валерий, пребывавший, как всегда теперь, в праздничном настроении.

— Привет живой рабочей силе! — язвительно поздоровался он с Гошей. И похвалил Татьяну: — Молодец, Таня! Умеешь мужиков использовать!

Гоша ощетинился.

— Мужик, тебя не трогают? — спросил он.

— Чего такое? — изумился Абдыков, считавший себя весьма сильным, хотя жизнь неоднократно доказывала ему обратное.

— А того. Подержи, Таня!

Татьяна машинально подставила руки, принимая тележку, а Гоша шагнул к Абдыкову, резко толкнул его, и тот бесславно свалился в канаву.

Лежа там, он обиженно кричал:

— Так я тоже сумею! Без предупреждения!

Гоша, смеясь, взялся за тележку и покатил ее.

— Радуется, как дурачок, — пробормотала Татьяна, косясь на него.

Мужа ей было не жаль, но видеть унижение человека, пусть даже никчемного, она не любила.

На рынке Татьяна привычно и безнадежно торговалась с Муслимом, а Гоша весело смотрел по сторонам.

— Надо же, сколько всего... Хороший базарчик... И барахлом торгуют...

С трудом оторвавшись от приятного зрелища, он вслушался в диалог Муслима и Татьяны — и ввязался:

— Черненький, ты не наглей! — сказал он Муслиму.

Муслим, человек сдержанный, хоть и южный (там вообще гораздо больше сдержанных людей, чем принято считать), умолк на полуслове, поиграл желваками на скулах и, проглотив ком в горле, спросил Татьяну:

— Он тебе кто?

— Да помогает... Дальний родственник.

— Скажи ему, пусть уйдет.

— Отойди, в самом деле, — попросила Татьяна.

— Не любим правду! — заключил Гоша, хотя никакой особой правды в его словах не было.

И отошел.

— Дикий он у тебя, — заметил Муслим.

— Из деревни, — оправдалась Татьяна.

— А есть ведь нормальные мужчины, — напомнил Муслим, улыбнувшись.

— Да есть, — вздохнула Татьяна, зная об этом скорее теоретически: ведь где-то они действительно должны быть.

— Так в чем же дело? — спросил Муслим.

— А в чем?

— Не понимаешь?

Татьяна поняла — по ласковому прищуру глаз Муслима и по их особенному блеску. Но сказала невинно:

— Где уж нам понять. Ладно, пошла я.

Она осмотрелась: где Гоша?

А Гоша шел по рынку изменившейся походкой: легкой и плавной. Походкой охотника. То ткань рубашки помнет, как бы оценивая прочность и качество, то ботинки пальцем щелкнет, будто проверяя износостойчивость, а сам, между прочим, смотрит не на конкретные вещи, а на всё сразу. Видит: вот торговец засунул купюру в толстый бумажник, вот покупательница достала из кармана кофты портмоне...

А вот табачный ларек. Сигареты дело дорогое, наличности тут немерено. Гоша увидел в окошко, как продавщица в ларьке приняла очередные деньги от покупателя и положила их в коробку из-под обуви, где было уже довольно густо. Он прошел несколько раз мимо. Заглянул:

- Здравствуй, девушка!
- Привет, — отозвалась пятидесятилетняя девушка.
- Сигареты я у тебя прошлый раз брал, помнишь?
- Какие?
- Редкие. «Золотой колос» называются.
- «Золотое руно»?
- «Колос».
- Не помню.

— Да вон они у тебя, наверху, — показал Гоша пальцем.

Продавщица посмотрела.

— Не вижу.

— Да вон, вон, ты так не достанешь, на табуретку встань.

Продавщица послушно встала на табуретку, осматривала стеллаж на задней стене, забитый разнообразными сигаретными блоками.

— Как ты говоришь? «Золотой колос»?

Продавщица обернулась, но не увидела покупателя.

И коробки с деньгами не увидела.

Охнув, вскрикнув, она спрыгнула с табуретки, выбежала из ларька и закричала:

— Вор! Вор!

Татьяна растерянно шла по рынку, толкая тележку и озираясь.

Гоши не было, да и где его теперь увидеть: ловили вора. Крики, шум, люди мечутся. Тетка в цветастом халате, красная, зареванная, кричит:

— Такой лохматый, в желтой футболке! Всю дневную выручку... Паразит...

Татьяна аж похолодела.

Гоша ведь опять успел обрасти. И был в желтой футболке.

Вернувшись домой, она стала ждать.

И дождалась: вечером появился Харченко. С двумя милиционерами.

— Привет, — сказал он.

— Добрый вечер.

— Где сожитель?

— Какой он сожитель?

— А кто?

— Никто.

— Хорошо. Где этот никто?

— Не знаю. С утра не видела.

— А утром видела?

— Сам знаешь, видела. Доложили уж, наверно.

— То есть понимаешь, зачем я пришел?

— Ну, понимаю. Исчез он. Опозорил меня на всю жизнь, — сказала Татьяна.

— Может быть. Но, Таня, извини: служба есть служба. Обыск придется устроить.

— Какой еще обыск? Ты бы постеснялся при детях! — указала Таня на головы Толика и Кости, высунувшиеся из своей комнатки.

Головы скрылись.

Костя сказал:

— Убью гада!

Он имел в виду не милиционера, а Гошу.

А Харченко продолжал:

— Пойми правильно: он украл деньги. Он живет в твоём доме. Что я должен делать?

— Не знаю! Он что, дурак, в этот же дом деньги тащить? Говорю тебе: исчез!

— Может быть. Но обыск придется произвести.

Татьяна представила, что Харченко найдет припрятанные доллары... Ей сделалось нехорошо. Но она крепилась.

— Минутку, — сказала она. — А санкция у тебя есть?

— Есть, — уверенно ответил Харченко, зная, что населению обычно достаточно одного лишь слова, бумагу показать оно редко требует.

Но Татьяна потребовала:

— Покажи!

Харченко разозлился:

— Ты так? Учти, Татьяна, ведь я сейчас обыск сделаю нормально, тихо, если найду, тебе ничего не будет за содействие. А хочешь санкцию — будет тебе завтра санкция. Но при понятых, при свидетелях, и тебе срок впают за содействие. Так что соглашайся по-хорошему.

— Если это называется по-хорошему... — тянула время Татьяна.

И тут в дом вбежал Лупеткин.

— Деньги нашли!

— Где?

— А кто-то прямо на рынок подбросил! Курылёв позвонил, караул, нас ждет.

— Надо же, доложил, не взял! — одобрил поведение неведомого Курьлёва лейтенант.

— А как возьмешь, там людей полно: торговцы до ночи бродят, ищут деньги. Я еще смеялся — на что надеются? Оказалось — есть на что!

Харченко, не задавая больше вопросов, направился к двери.

— А извиниться? — негромко спросила Татьяна.

Харченко обернулся. Извиняться ему не хотелось. Но Татьяна очень уж ему нравилась.

— Извини, — сказал он. — Сама понимаешь: служба.

— Понимаю...

Милиция убыла.

Из-за окна слышался тихий шепот:

— Таня!

Татьяна выглянула.

Гоша скрючился под окном:

— Уехали?

— Вроде...

— Пить хочется. И поел бы чего-нибудь...

— Ну и сволочь же ты, Гоша! Исчезни, чтобы я тебя никогда больше...

— Погоди, все объясню!

И Гоша объяснил, сидя в сарае, куда Татьяна принесла ему поесть и попить:

— Сам не знаю, что со мной было. Будто кто-то в голове сидит и шепчет: возьми деньги, возьми деньги! Я ему говорю: да иди ты, а он...

— Кто?

— Не знаю! Ну, и схватил... Слушай! — Гоша вдруг перестал есть. — А может, меня зомбировали? Может, меня

кто-то памяти лишил и настроил на то, чтобы я деньги украл? Но нелогично! — опроверг сам себя Гоша. — Украл — должен кому-то принести, так? А я обратно подбросил. Полдня за городом в лесу прятался. А потом сел и думаю: что же я делаю, идиот? Меня же видели. Меня же возьмут в первом населенном пункте!... Ну, и подбросил. Подкрался, там мент, люди... Так положил, чтобы свидетели были, что деньги нашлись...

Свидетели, милиционеры и потерпевшая, то есть продавщица, которая все плакала, но теперь от радости, считали деньги и составляли протокол.

— Столько было? — строго спросил Харченко после подсчета.

— Столько! До копейки! Я каждую продажу записываю! — ответила продавщица.

Харченко переглянулся с верным помощником Лупеткиным. Тот его понял: если бы не достача, можно было бы вернуться, продолжить разговор с Татьяной и организовать, как намечалось, обыск. А теперь, получается, нет повода. Даже если ее сожителю украли — докажи теперь. И, главное дело, вернул ведь. Это раньше считалось, что «не пойман — не вор», в новые времена проще и либеральнее: «вернул — не вор»¹.

¹ Или совсем уж просто и окончательно либерально: «украли — поделись». Поделился — умница, строй себе хоромы на Рублевке и возьми себе вон там на полке квоту на убой последних котиков Охотского моря или лицензию на продажу французского вина, произведенного из молдавского винограда. И кради себе на здоровье, но не забудь поделиться — отчислить в Фонд Государственных Инвестиций или на благоустройство Кремля. Поэтому по

Милиционеров посылно отблагодарили за беспокойство, преследовать Гошу лейтенант Харченко не стал.

А Татьяна сказала с горечью Гоше в тот вечер, когда поила и кормила его, раскаявшегося:

— Никто тебя не зомбирова, а был ты, я вижу, в прошлой жизни ворюга последний! И деньги я твои поганые — сожгу!

— Какие деньги?

— Неважно. Слушай меня внимательно: либо ты остаешься и нормально живешь и работаешь, либо — прощай навсегда.

— Куда я денусь? — понурился Гоша. — Ты не бойся, если я и был вором, теперь я им быть не хочу.

— Ну, посмотрим. Буду тогда из тебя человека делать.

тюрьмам сидят сплошь бытовики, мелочь и шваль, а настоящая воровская рыба за редким и показательно-назидательным исключением спокойно плавает в свободных водах вдоль и поперек*.

* А может, меня просто зависть берет? Они-то все в почете, о них газеты пишут, их в том же Кремле принимают, руки жмут и вручают ордена «За заслуги перед Отечеством» третьей, второй, а то и первой степени. А меня государству за что уважать? Ничего не украл? Но зато и не поделился! Следовательно, от меня прямой убыток...**

** Что я талдычу об этих пустяках, как заведенный? Я же писатель, я о людях, а не о государстве. А у нас это разные вещи. — *Примечания автора.*

И Татьяна начала делать из Гоши человека. Приучила опять к тепличному хозяйству. Гоша сперва портачил, но потом научился и выполнял работу даже с удовольствием. Опять увлекся цветами.

С детьми уже не играл, но, уступая настойчивым просьбам товарищей Толика и Кости, намастерился снова выстругивать деревянные ружья и автоматы. И даже устанавливал на них стреляющие устройства, но безобидные: от дула идет резинка, натягивается, в нее вкладывается вишневая косточка, зажимается прищепкой — выстрел. Убойная сила меньше, чем у рогатки, а удовольствие то же.

В общем, понемногу все наладилось.

Харченко наведалься пару раз и не нашел повода придраться.

Кумилкин как-то, проходя мимо дома, показал бутылку водки, купленную на пенсионные деньги дяди, и позвал с собой. Гоша отказался.

— Что, запретили тебе? — посочувствовал Кумилкин. — А я думал, ты нормальным мужиком стал. Серьезным.

На крыльцо вышла Татьяна и закричала:

— А ну, иди отсюда, Чумилкин! — Она знала от соседей, что так дразнили Юрия в детстве.

— Не обзывайся! — обиделся Кумилкин.

— Ты это, в самом деле... Иди, — посоветовал Гоша, приподняв лопату, чтобы счистить с нее налипшую грязь.

Кумилкин понял этот жест превратно и убрался с глаз долой.

А деньги Татьяна не сожгла. Она не врала, она хотела это сделать и даже залезла в тайник и достала их, но — не поднялась рука. Ведь они не всегда же были воровскими деньгами. Пусть даже не у человека украли, а, например, в банке. Но в банк кто их положил? Люди. А они их где взяли? Ну, допустим, тоже украли. А у кого? То есть, как ни крути, изначально каждый рубль, каждый доллар, каждая копейка — кем-то все-таки когда-то заработаны! Как же теперь сжечь чей-то труд?

И она засунула деньги обратно.

Однажды Гоша, купив пару бутылок дешевого пива, забрел на трибуны центрального чиховского стадиона, известного приюта одиноких пьяниц. Пьяницей, правда, он себя не чувствовал, от собутыльничества с Кумилкиным по-прежнему отказывался, но все-таки выпить иногда очень потягивало, а Татьяна относилась к этому строго, вот он и приспособился. Выпьет на сэкономленные разными способами мелкие деньги, посидит в укромном месте, подождет, когда нахлынет, а потом улетучится хмель, и вернется домой.

На стадионе тренировались футболисты в майках с надписью «Тайфун».

Надо сказать, что Чихов в это время переживал футбольный ренессанс. Дима Орловский, владелец бани и нескольких парикмахерских, страстно болел за отечественный футбол и гневно переживал, что тот никак не встанет на ноги. Однажды он увидел по телевизору репортаж о чемпионате то ли Швеции, то ли Голландии, на котором серебряным призером стала команда из городка с населением пятнадцать тысяч человек. Дима ахнул. В Чихове тоже пятнадцать тысяч, а футбола нет совсем,

есть только стадион с убитым земляным полем и разломанными скамейками трибун. Дима придумал: на собственные средства привел поле в порядок, поставил новые скамейки, насадил газон, нанял поливальщиков и убиральщиков, а потом сформировал команду из молодых чиховских энтузиастов и бездельников. Команду почти профессиональную: каждому платили по двести долларов в месяц (рассчитывая, что игроки все-таки где-то еще работают). Придумали название — «Энергия», заказали форму, пригласили тренера, все как у людей. Выступили на областном чемпионате, и успешно для начала заняли одиннадцатое место из восемнадцати команд.

Жене Шлиману, другу детства Димы, главе строительной фирмы, это показалось обидно, он набрал свою команду, «Тайфун», обещая им платить по триста долларов. При этом нагло купил трех лучших игроков «Энергии».

Хозяин ликероводочного завода Шахмаев не отстал: у него появилась команда «Чихалты», набранная из остатков местной молодежи, доукомплектовал он ее перекупленными игроками «Энергии» и «Тайфуна». И один игрок, аж за семьсот долларов в месяц, был даже взят из второго состава команды «Москва».

Начальник коммунального хозяйства города Дюлебин, тоже рьяный болельщик, не мог остаться в стороне: создал команду с угрожающим названием «ЧК» («Чиховский коммунальщик»), в которой, само собой, не было ни одного коммунальщика, а купленные в других городах форварды и защитники, плюс лучшие игроки «Тайфуна», «Энергии» и «Чихалты», да еще бразильский игрок какой-то провинциальной команды аж за полторы тысячи долларов (и бесплатное жилье).

Естественно, мэр Тудыткин, победитель по натуре и болельщик с детства, тоже создал команду, купив на

средства из казны лучших игроков четырех чиховских команд и пригласив за неразглашаемую сумму вратаря из аргентинской команды «Сан-Хуаре», участника мирового первенства, пусть он и не сыграл ни одного матча, просидев вторым запасным. Назвал команду просто и гордо: «Чихов».

Разыграли чиховское первенство, где все было повзрослому: битвы до травм и переломов, подкупы судей и членов оргкомитета, переманивание игроков, договорные матчи, компромат и скандалы в прессе... Само собой, команда «Чихов» заняла первое место, после чего на ее форварда было покушение, а тренера нашли утонувшим в омуте.

Готовясь к новому чемпионату, брали кредиты и влезали в долги, Тудыткин публично заявил о намерении купить вышедшего на пенсию Зидана — и, может, купил бы, но агент великого футболиста назвал сумму за одну гостевую игру, впятеро превышающую десятилетний чиховский бюджет. Пришлось отступить.

Дима Орловский продал баню, Дюлебин чуть не проворовался (в смысле — окончательно), Шлиман заработал невроз, Шахмаксудов тайно закупал оружие. И тут все поняли, что просто выставляют друг друга на деньги, говоря современным криминально-экономическим языком, и решили договориться. Договорились: друг у друга игроков не покупать, больше определенных сумм не платить, чемпионаты проводить по мере возможности честно. И никого не убивать, хватит уже.

И начался расцвет чиховского футбола, что пошло городу на пользу, и это отдельная история, а мы вернемся к Гоше.

Гоша пил пиво и наблюдал за тренировкой команды «Тайфун», аутсайдера, к сожалению, текущего сезона.

Один из футболистов, лет уже тридцати семи, лениво разминался у кромки, тоскливо посмотрел на Гошу, словно завидуя его безделью, и вдруг, взглядываясь, направился к нему.

— Гена? — спросил он удивленно.

— Нет, — ответил Гоша.

— Да ладно тебе! Ты что, не помнишь меня? Я Игорь Бухча, «Динамо». Вместе играли же, Гена! Я травму получил тяжелую, ушел из большого футбола, а ты, говорили, спился и вообще помер. То есть сперва в тюремные надзиратели подался, а потом совсем пропал.

— Вот откуда я про карты знаю! — вырвалось у Гоши.

— Какие карты?

— Да так. Понимаешь, может, я и был надзирателем, но не помню. Болезнь у меня. Амнезия.

— Слышал, бывает. То есть ты меня в самом деле не помнишь?

— Нет.

— А игру-то помнишь? Если попробовать?

— Не знаю.

— А давай! Интересно же!

Игорь пошел на поле, крича:

— Хлопцы! Дивитесь: бывший полузащитник московского «Динамо» Гена Колычев! Лучший игрок первенства был два раза!

— Бывших у нас и так полно! — нагло ответил кто-то из молодых футболистов.

— Ты бы так ногами работал, как языком! — осадил его Игорь. — Ну-ка, дайте попробовать ветерану!

Футболисты как раз упражнялись, отрабатывая удары по воротам. Вратарь, высокий лысый парень в фасонистой черной форме, снисходительно смотрел на незнакомца мешковатого, вовсе не спортивного вида. Гоше было неловко. Но, чем черт не шутит, вдруг в самом деле...

— Вмажь ему коронным своим, в правую девятку, — шептал Игорь, подкатывая мяч к одиннадцатиметровой отметке.

Гоша посмотрел на мяч, на вратаря.

Он ничем не рисковал. Ну, посмеются над ним. Ну и ладно, даже лучше: вернется к своему пиву.

Гоша разбежался. Он бежал вперевалку, неуклюже, кто-то громко загоготал. Гоша чувствовал, что позорно промажет. Ударяя, он уже видел, что бьет не так, но было поздно: мяч полетел выше ворот и в стороне от них.

Смех повторился.

— Бывает! — сказал Игорь. — Человек, может, лет десять мяч в ноги не брал! Гена, настройся! — попросил он, и была в его голосе жгучая боль за свое поколение и за прожитую жизнь.

Гоша разбежался вторично. И вдруг, словно при стоп-кадре, все замерло. Створ ворот выделился из окружающего пространства четким прямоугольником. Фигура

вратаря была словно обведена контуром, причем контур этот слегка кренился влево. А в верхнем правом углу возникло белесое пятно, похожее на солнце в облаках. Это длилось мгновение, после чего все отмерло, и Гоша изумленно увидел, как мяч влетает точно в белесое пятно, хотя он еще не ударил. Гоша понял, что увидел это мысленно, упреждая, а нога сама уже прочертила стремительную дугу, сама поддела мяч — и тот гулко выстрелил в правую «девятку». Лысый вратарь же прыгнул влево, на лету поняв, что ошибся, и вяло упал. Тут же вскочил, схватил мяч, кинул Гоше:

— Еще!

Гоша ударил в левый нижний.

— Еще!

Гоша ударил точно по центру, брейющим и таким сильным ударом, что вратарь, угадав направление и прыгнув на мяч, просто не успел накрыть его — мяч пролетел под ним.

Опять послышался громкий смех, но на этот раз смеялись уже над вратарем.

Десять раз еще бил Гоша — и вратарь ни разу не взял мяча. Подошел тренер Везухов, бывший директор овощной базы, Игорь представил Гошу, рассказал о нем.

— Попробуем, — сказал Везухов.

Гоша стал тренироваться, и очень быстро все убедились, что игрок действительно высокого класса.

Это подтвердилось на ближайшей игре с «Чихалты», которую уделали с разгромным счетом 4:1, причем три гола забил Гоша. Конечно, он был соответственно возрасту тяжеловат, но Везухов дал ему установку зря не бегать, пасть у штрафной, избегая офсайда, и ждать паса. Три раза Гоша его получил — и три раза попал, причем третий метров аж с тридцати, после чего вратаря «Чихалты» заменили, но было уже поздно.

Толик и Костя были на матче и радовались за Гошу, а Татьяна не смогла — вечером привезли уголь.

Она встретила победителя и сыновей хмуро, вся испачканная и уставшая:

— Вы там баловством занимаетесь, а я тут вкалывай!

— Это не баловство, это футбол! — закричал Толик.

А Гоша торжественно вручил Татьяне стодолларовую бумажку, выданную ему Везуховым в виде аванса.

— Надо же, — растерянно сказала она.

И на следующую игру решила пойти.

Игра была серьезная, с лидером — командой «Чихов». Там были уже слышаны о новом игроке и прикрепили к нему сразу двух своих защитников. Те действовали успешно: оттирали Гошу, сбивали его, закрывали собой.

— Они же прямо по ногам ему лупят! — возмущалась Татьяна. — Разве это положено?

— Не положено, но можно, если не видят, — разъярил ей Костя и тут же закричал: — Судье очки купите!

Один раз Гоше даже оказал помощь врач — выбежал и попрыскал на ушибленную ногу чем-то болеутоляющим.

Первый тайм прошел сухим, во втором, на 53-й минуте, защитники зевнули, Гоша получил мяч и немедленно вколотил его в свой любимый правый верхний. Разозленные защитники на 78-й минуте откровенно подковали его в штрафной площадке, судья, оглянувшись на огороженную фанерой гостевую ложу трибуны, где сидел мрачный попечитель Тудыткин, развел руками и под рев стадиона назначил одиннадцатиметровый, который Гоша безукоризненно реализовал. Интересно при этом то, что он, подходя к мячу, выразительно посмотрел в правую «девятку». Вратарь «Чихова» похолодел. На лице его явно было написано: ну не может так человек обнаглеть, чтобы бить второй раз в одно место, да еще явно туда целиться! Но он оказался неплохим психологом, этот вратарь, и он был талантлив, он понял: именно туда Гоша и будет бить. И прыгнул в правую «девятку». И угадал. Но не помогли ему ни психология, ни талантливость: мяч вонзился в пространство между его ладонями и углом, ширкнув и по ладоням, и по углу — так иногда шар вбивается в лузу, крепко стукнувшись обо все ее края, но все же попав — «пищит, но лезет», говорят бильярдисты.

Вдобавок талантливый голкипер не уберется и врезался головой в боковую стойку, после чего его унесли, а вышедший на замену долговязый выпускник спортивной школы немедленно пропустил и третий гол, причем от кого! От бывшего алкаша, хилого, хоть и юркого, Вити Койкина, забившего вообще первый свой мяч в этом сезоне: так геройство Гоши подействовало на общий дух команды.

Женя Шлиман был счастлив. Он выставил команде шампанского, водки, пива. Везухов ворчал, но знал, что без толку: если Женя кого-то хочет отблагодарить, его не удержишь, он отблагодарит, пусть даже в ущерб себе и самому благодаримому. Женя хлопал Гошу по плечам, обещал ему повышенный оклад и квартиру. Товарищи по команде тоже хвалили Гошу. Игорь Бухча рассказывал всем о подвигах Гены Колычева двадцатилетней давности. Он делал это так красочно, так увлекательно, что Гоше начало казаться, будто он и сам это помнит, и он начал добавлять детали, все больше увлекаясь.

В результате пришел домой поздно, пьяный и счастливый.

Толик и Костя караулили его с нетерпением, но мать цыкнула на них, загнала спать.

На ночь глядя ей вздумалось вымыть полы на кухне-веранде. Швабры она не признавала, мыла руками, двигаясь к двери — и почувствовала сзади прикосновение, которое ей сразу же показалось неприятным. Разогнулась, повернулась: Гоша убрал руку, но блудливое выражение на лице осталось.

— Хватит тебе тут, — сказал он, туго ворочая языком. — Пошли в сарайчик. Сейчас я тебя обыграю три-ноль. Пошли, чего ты? — потянул он Татьяну за рукав.

— Сейчас тебе будет три-ноль, — сказала Татьяна. И огрела Гошу мокрой тряпкой по роже. — Вот тебе раз! Вот тебе два! А вот тебе три! А теперь спать — а завтра проваливай, чемпион!

Проспавшись, Гоша, не заглядывая в дом, отправился к Игорю Бухче: тот накануне показывал ему, где живет, и приглашал заходить. Игорь сильно болел после вчерашнего празднества, предложил поправиться, Гоша отнекался и сказал, что у него проблемы с жильем. А Шлиман вчера квартиру обещал.

— Обещать он может что угодно — и все врет. Сам, как видишь, в однокомнатной живу с женой и ребенком, — сказал Бухча, умолчав, что жена третья, а ребенок пятый, предыдущим же семьям он оставил по благородству своему просторные квартиры. — Ты к Везухову сунься.

И объяснил, как найти Везухова.

Тренер с неудовольствием выслушал просьбу Гоши и сказал, что пока может устроить только в привокзальной гостинице, зато в отдельном номере.

Отдельный номер оказался комнаткой-пеналом без ванны, но, спасибо, хоть с туалетом.

Обосновавшись, Гена отправился в городскую библиотеку, где строгая тетенька в отделе регистрации сначала не хотела записывать его без документов, но потом сжалась, когда он объяснил, что его интересуют не книги, а старые газеты в отделе периодики.

Целый день он ворошил спортивные и прочие издания, ища сведения о себе, то есть о Гене Колычеве, и кое-

что нашел. О нем довольно много писали в течение трех лет, а потом умолкли. Исчез, пропал, появились новые кумиры. Так оно и бывает. Нашлось несколько фотографий общим планом и две более или менее крупные. Гоша рассматривал и находил действительно большое с собой теперешним сходство. Да и какие могут быть сомнения: разве играл бы он так, не будучи в прошлом футболистом высокого уровня?

Но как он оказался здесь, в Чихове?

Где был до этого?

Кем был?

С кем жил?

Похожие вопросы разозленный мэр Тудыткин задал с утра своим приближенным из числа городских руководителей.

Как могло получиться, что «Тайфун» выставил такого игрока, а мы не знали? Откуда он взялся?

Подготовленные приближенные ответили: взялся неведомо откуда, живет у продавщицы Татьяны Лавриной, документов не имеет, страдает потерей памяти. То есть даже не помнит, кто он такой.

— Но теперь-то известно, кто он такой! Сообщите родным, семье, пусть приедут и заберут! Или! — поднял Тудыткин палец. — Или, если захочет, пусть остается здесь. Но не в «Тайфуне». И чтобы по-тихому все!

И глянул при этом на начальника чиховской милиции Виктора Павловича Мартынова.

Тот взгляд понял как приказ, вернулся в горотдел, созвал сотрудников и поставил задачу: найти родственников новоявленного обеспамятевшего футболиста.

— Я этим вообще-то уже занимаюсь, — со скромной гордостью сказал Харченко, довольный тем, что он умудрился начать выполнение задания еще до того, как на-

чальник его дал. — Я его пробивал по базам и проверял. Теперь данные есть, легче будет.

— Ну и займись, — напутствовал Мартынов.

Виталий занялся: немедленно послал запрос в Москву и продублировал звонком знакомому человечку из МУРа.

Ответ пришел очень скоро: бывший футболист Геннадий Колычев, бывший надзиратель, алкоголик, бывший пациент клиники психоневрологического института имени Бехтерева, сейчас здоров, социально реабилитирован, имеет семью и ребенка, работает вторым тренером в частной спортивной школе. Никуда не пропадал, память не терял. Приложена была фотография: свежий сухощавый мужчина, очень отдаленно напоминающий Гошу.

Виталий тут же доложил Макарову, Макаров Тудыткину. Тот рассмеялся и удивился:

— А как же это получилось? Кто он тогда?

— Черт его знает, — недоумевал и сам Макаров. — Может, тоже был футболист, но другой.

— Ладно, разберемся. Они завтра с «Энергией» играют, не трогать его пока: нам выгодно, чтобы «Энергия» продула! И никому ничего не говорить!

— Есть!

И Макаров выполнил приказ, никому ничего не сказал, в том числе и Виталию. Это обернулось последствиями на другой же день.

Футболисты «Энергии» вышли на поле, как гладиаторы на арену, куда должны выпустить свирепых львов, и во взглядах, которые они обращали в сторону сидящего на центральной трибуне Димы Орловского, читалось: «Ave, Caesar, morituri te salutant!»

Женя Шлиман, сидевший точно напротив своего друга и врага, заранее торжествовал.

Публики собралось много — чуть не все взрослое население Чихова.

Татьяна, конечно, не пошла и сыновьям велела не ходить.

— А мы и не собирались, — сказал Толик, — мы на пруды рыбу ловить!

И, уехав на велосипедах, они окольными путями пробрались к стадиону, бросили велосипеды в кустах, а сами полезли на трибуны известным путем: через гаражи на дерево, с дерева по толстым веткам подобрались к забору, а дальше уже пустыки.

Вся чиховская милиция, конечно, тоже присутствовала — редкий случай, когда долг совмещается с интересом.

Харченко слушал, как шумят трибуны, видел это нетерпеливое многолюдье, понимал, что ждут героя — Гену Колычева, не зная, что он никакой не Гена и никакой не Колычев.

Он сказал стоявшему рядом Лупеткину:

— Вот тоже... Тут вкальываешь, работаешь головой с утра до ночи — и спасибо никто не скажет. А этот ногами чего-то такое сделал — полный восторг.

Лупеткин не согласился с начальником:

— Не просто ногами... Талант нужен!

— А для нашей работы таланта не надо?!

Харченко обиделся.

Но вдруг лицо его просветлело. Он направился в помещение стадиона, где одевались, готовясь к матчу, футболисты.

— Куда это вы? — остановил его помощник Везухова. — Нельзя!

— Мне можно, — отстранил его Харченко.

Он подошел к Гоше, дружески улыбнулся ему, протянул руку. Тот приподнялся, пожимая ее, и Виталий шепнул ему на ухо:

— Не Гена ты, Гоша. Мне ответ на запрос пришел. Отойдем.

Виталий отвел Гошу в сторонку и показал ему ответ из Москвы и фотографию.

Гоша долго разглядывал, а потом растерянно спросил:

— А как же? Но я же... Я играю же!

— Мало ли кто играет. Пару раз хорошо сыграть и я могу, — объяснил Виталий.

И ушел, отмщенный.

Игра началась.

«Тайфун» действовал по уже наработанной за последние игры схеме: любыми способами пихать мяч вперед и, как только появляется малейшая возможность, передавать Гоше, который по обыкновению маячил у чужой штрафной, закрываемый сразу тремя игроками «Энергии». Но вот один из них упал, второй об него споткнулся, а третий слегка зазевался — как раз когда Гоше послала мяч. Гоша остановил его — правда, не так ловко и четко, как обычно, примерился, ударил... Мяч пролетел метрах в десяти возле ворот.

Что ж, со всеми случается.

Но вот и второй раз попал мяч к Гоше. Он размахнулся — и ударил почему-то не по мячу, а вонзил ногу в газон, да еще и упал от этого.

Трибуны выли и свистели.

«Энергия» приободрилась и на 38-й минуте вколотила «Тайфуну» гол.

Дима плясал на трибуне и показывал Жене кукиш.

Но на 43-й минуте вражеский игрок скосил Гошу в штрафной.

Дима уныло сел. Два промаха форварда «Тайфуна» его не успокоили. Наоборот, раздосадованный этими ошибками, большой футболист несомненно сейчас реабилитируется.

Гоша поставил мяч на отметку, отошел.

И, как уже с ним было, увидел предвидящим мысленным зрением: мяч летит влево. Мимо ворот.

Гоша тряхнул головой, прогоняя дурман, разбежался, глядя в правый верхний угол.

Вратарь, видевший матч с «Чихалты», не знал, что и думать.

И, как его коллега, принял верное решение: поверить наглости бьющего и прыгнуть именно туда, куда он целится.

И он прыгнул — и напрасно: Гошина нога крючком зацепила мяч и послала его не просто влево, а чуть ли не параллельно линии ворот, на трибуны.

Что тут началось!

Рев, свистки, на поле летят бутылки, отрывки, банки из-под пива...

Везухов надсадно кричит:

— Вон с поля!

Дима танцует на трибуне.

Женя сидит, окаменев.

Гоша побрел к краю поля.

— Чтобы я тебя никогда не видел! — с предсмертным хрипом налетел на него Везухов, сдирая с Гоши форму.

Гоша некоторое время тупо сидел в раздевалке. Потом поплелся в гостиницу. Там администраторша сказала ему, что он выписан. И без документов не положено вообще.

Ночью Татьяна проснулась не столько от звуков, сколько от какого-то предчувствия.

Нехорошо поташнивало в сердце.

Но, прислушавшись, различила и звуки: странные, откуда-то со стороны сарая.

Встала, накинула халат, вышла из дома.

В сарае кто-то всхлипывал и бормотал.

Она открыла дверь.

Гоша стоял на кровати, спиной ко входу, привязав к балке веревку, готовился всунуть в петлю голову.

— Ты что это делаешь, паразит? — спросила Татьяна.

Гоша вздрогнул, обернулся. И закричал:

— Моя жизнь, что хочу, то и делаю! Не подходи!

И утер из-под носа слезы, смешанные с соплями.

И опять показался он Татьяне не мужчиной, а подростком: так подростки широко разевают рот, когда кричат в обиду или злости — гораздо шире, чем нужно для издавания звуков. И руками нелепо махал. И хлюпал.

— Успокойся! — прикрикнула Татьяна.

— Все равно повешусь!

— А я против? Только почему здесь? Ты мне детей до смерти напугать хочешь? Хочешь, чтобы милиция приехала? Чтобы меня подозревали?

— Отойди!

— Да не подхожу я!

— Всем все равно! — кричал Гоша. — Что я живу, что сдох! Никому я не нужен! Никто меня не ищет! Повешусь — тогда вспомните!

— Кого?

— Меня!

— Кого тебя? Я вот понимаю, повесится какой-нибудь, допустим, Иван Петрович Иванов, — вслух размышляла Татьяна. — Все говорят: Иван Петрович Иванов повесился. Жалуют. Потому что понятно, о ком речь. А ты повесишься, спросят — кто повесился? Да шут его знает. Как бы никто. То есть и жалеть некого.

— Что я, и повеситься теперь не могу? — с истеричным привизгом завопил Гоша.

— Можешь. Но ты стань человеком сначала.

— А я не пробую? Я вон в футбол играл лучше всех! А этот мне говорит: ты не тот, а опять неизвестно кто! Сбил мне все настроение! В одну минуту разучился!

— Не футболист, значит? Я почему-то так и думала. Вот что, Гоша. Ты слезай. Веревка от тебя никуда не уйдет. Я ее сберегу и даже намылю, чтобы тебе легче было, когда захочешь. А пока — поживи еще чуть-чуть. Может, еще разберемся.

— Да, разберешься тут, — хлюпал Гоша, но уже успокаивался. А вскоре совсем затих. Сел на постель и утрюмо сказал:

— Есть охота.

После этого он перестал выходить со двора: стеснялся людей, своего конфуза.

Толик и Костя дичились его: мальчишки задрознили их за позор постояльца (а как сперва им завидовали!).

Гоша возился в теплице и, похоже, целиком ушел в это занятие.

Молчал целыми днями.

Иногда стоял и смотрел перед собой, словно что-то вспоминая или, напротив, забыв остатки того, что знал.

Очнувшись, продолжал свои мелкие дела.

Татьяна, в общем-то, была этим довольна, хотя иногда посматривала на Гошу не то с досадой, не то с печалью. Не понять. Да она и сама не понимала, чего бы ей от Гоши хотелось. Пожалуй, даже и ничего — но это-то и печально...

...Я с детства не люблю подвигов и рассказов о них. Меня это даже беспокоило, я считал себя натурой не романтической, без полета. «О смелый Сокол, пускай ты умер, но вечно будешь живым примером...» — не помню точно, как там по тексту. О том, что, дескать, лучше один раз

прижать врага к истерзанному сердцу, чтобы он захлебнулся твоей кровью, чем всю жизнь греться ужом на солнце и плодить никчемных ужат. Хотя, между прочим, и сокол, и уж — хищники, и в крови врага, пусть холодной, лягушачьей, уж толк знает не меньше.

Не вдохновляло меня это. Я как-то не по-детски считал, что человек рождается жить, а не быть примером. Вот если вся жизнь пример, тогда хорошо. Дашь ежедневно стране угля, мелкого, но много, а не упираешься, как стахановец, один раз для рекорда — ну, и чем это не подвиг? Стаханов поехал получать орден и автомобиль, а ты, между прочим, остался работать, кайлом махать. Или сваи крепить в забое для будущего стахановского нового рекорда...

Нет, я понимал: красота подвига, величие, миг, озарение... Но книг про пионеров-героев, про разведчиков и про войну все-таки читал очень мало, а тянуло к тем, как я уже неоднократно и нудно рассказывал, и еще повторю, где человек помаленьку, кропотливо и медленно создает целый мир. Как Робинзон, как герои «Таинственного острова». Меня восхищали подробные и тщательные гравюры-иллюстрации, что были в этих старых книгах: каждая доска, каждый столбик в жилище Робинзона и обитателей таинственного острова казались гладко и ровно оструганными и прилаженными.

Потом я понял, что в человеке, даже когда он живет совсем один, сохраняется эстетическая потребность окружить себя не только удобными, но и по возможности красивыми вещами. Пусть их никто не видит. Из этого я сделал далеко идущие выводы, но о них в другом месте, в другой, быть может, книге. (В частности, вопрос вопросов: будет ли человек писать стихи на прибрежном песке, если их через полчаса смоем прилив и никто не прочтет?)

Всю жизнь мне казалось: не будет. А теперь вот сомневаюсь...)

Но наша история правдива, поэтому придется рассказать о подвиге, который совершил Гоша, хоть и выглядит этот подвиг банальным, можно даже сказать — типовым.

Толик и Костя, шныряя на велосипедах по окрестностям, нашли картонный ящик. Открыли, увидели разноцветные трубочки.

— Фейерверки, — догадался Костя.

— Кто их выбросил? — поразился Толик людскому идиотизму.

— Новый год давно прошел, а они, наверно, испортились.

Решили поджечь, но с собой не оказалось ни спичек, ни зажигалки.

Отвезли ящик домой, а там мать. Загнала ужинать.

Спрятали в сарае, пошли есть.

Ели наскоро, елозя и переглядываясь.

Озабоченная Татьяна ничего не заметила. Она говорила с Гошей о делах. Опять о машине.

— Если бы опять «москвич» восстановить... Он так и лежит у речки... Может, согласишься?

— Не уверен, что разбираюсь.

— И раньше не разобрался, а потом научился.

— Да? Ну, можно посмотреть...

Толик и Костя выскользнули.

Пошли в сарай. Хотели вынести, но Толик сказал:

— Мать увидит. Давай тут одну попробуем подожжем?

— Крышу подпалим, если полетят.

— Да они и не полетят еще, может! Испорченные же!

Костю довод брата успокоил. Зачем поджигать трубки, если не будет эффекта, он не подумал.

И первые несколько штук действительно не сработали.

Тут Костя обратил внимание, что в некоторых есть шнур.

— Дергать надо, а не поджигать! — догадался он.

И дернул.

И зашипело... И взорвалось.

Ребята не пострадали, успели отпрыгнуть в угол, когда появились первые искры, но тут взорвалась еще одна хлопушка, за ней другая...

— Что-то светло как-то на улице... — глянула Татьяна в окно.

И, охнув, выскочила во двор.

Выскочил и Гоша.

Сарай полыхал внутри, пламя уже пробивалось сквозь доски наружу.

Слышно было, как кричат Толик и Костя.

Гоша смотрел остекленевшими глазами, в которых плясали блики огня.

Татьяна металась, невнятно крича, и вдруг, закрыв лицо локтем, бросилась к сараю.

Но Гоша ухватил ее за руку, отшвырнул, стащил со стоявшего неподалеку чучела старую телогрейку, обмотался и побежал в огонь.

Из распахнутой двери полыхнуло, но он все же бросился вперед — прыжком, будто в воду.

Татьяна тихо выла, сев бессильно на траву.

И тут же вскочила, чтобы помочь: Гоша тащил под мышками орущих Толика и Костю.

Она осматривала детей, тискала, проверяла, все ли цело, целовала и давала затрещины.

Не сразу обратила внимание на Гошу.

Тот сидел у забора с лицом цвета пасмурных сумерек, с закрытыми глазами.

— Гоша! — бросилась к нему Татьяна. — Гоша, ты опять?

Хлопнула его по щеке, потрясла за плечи.

Гоша открыл глаза. Посмотрел на Таню, на детей. Прикрылся рукой, чтобы не светило догоравшее пламя.

— Вы кто? Где я?

Часть третья

1

Татьяна умыла и передела чумазых, но, к счастью, совершенно целых детей (у Кости только ресницы опалились на одном глазу и глаз стал странно голым, над чем Толик очень потешался), а потом отправила спать.

— Объясните, пожалуйста, в чем дело? — попросил Гоша, и по тону его вопроса, по тому, что он не начал разговор при детях, по глазам его, очень изменившимся, растерянным, задумчивым, не таким суетливым и шныряющим, как раньше, Татьяна поняла, что он очнулся опять другим человеком.

Предстояло теперь выяснить, каким.

— Вы сами-то что помните?

— Ничего.

— Меня не помните?

— Нет. А должен?

— Вы вообще-то довольно давно здесь живете.

— Почему?

— Пришли сюда без памяти. И тут уже второй раз ее теряете.

— И за это время ничего не выяснилось?

— Нет.

— А что у меня с собой было?

— Да ничего, — слукавила Татьяна, успокаивая себя мысленно, что рано или поздно скажет правду. — Билет только самолетный на фамилию Мушков.

— Мушков?

— Не вспоминаете?

— Нет... А где я нахожусь?

— Город Чихов, Московская область.

— Чихов, Чихов... Я что-то предпринимал, чтобы вспомнить, кто я?

— Да не особенно...

И долго они еще разговаривали. Татьяна рассказала Гоше, каким он был сначала и каким потом. Факт воровства не скрыла, выразив надежду, что это случайность, которая никогда не повторится. Хорошо хоть деньги вернул. Футболистом еще побыл короткое время в местной команде, и успешно, но успехи быстро сошли на нет.

О том, как Гоша собирался закончить короткую футбольную карьеру и саму жизнь, Татьяна решила не рассказывать. Память потерять в этом пункте ему даже неплохо.

Гоша становился все печальнее, все задумчивее.

— А привычки проявились какие-то? Мне вот кажется, что я курить хочу. Я курил?

— Да нет почти, — рискнула Татьяна. — Попробовали и бросили.

— И правильно. Гадость. Да... Неприятно...

— Ничего, — утешила Татьяна. — Понемногу все вспомнится. Вам только от огня подальше. А то что получается: вы вспоминаете, вспоминаете, начинаете опять человеком становиться... То есть вы и так человек, но вы понимаете, да? И вдруг — хлоп — и снова полный ноль.

— Да нет, не ноль, — не согласился Гоша. — Если бы ноль, была бы пустота.

— А у вас что?

— Давит что-то, — Гоша приложил руку к груди.

— Это вы легкие обожгли, — сказала Татьяна. — Или еще при стенокардии так бывает, у моего папы так было. К врачу бы сходить. Мы, кстати, ходили уже к одному. К психиатру. Дельный человек. Думаю, еще бы вам к нему надо — пусть сравнит.

— Пусть, — кивнул Гоша, которого слово «психиатр» ничуть не оскорбило, не то что Гошу прежнего. — А давит, Татьяна, не знаю, как по отчеству...

— Да мы так обращались. Таня — Гоша.

— Почему Гоша?

— Ну, решили так. Что давит-то?

— Давит какое-то... Воспоминание, что ли.... Но такое, которое я не могу вспомнить... Не знаю, как объяснить...

— Поняла, — догадалась Татьяна. — Это все равно как помнишь, будто что-то забыл, а что именно забыл — не помнишь.

— Да. Ощущение, что я обязан вспомнить что-то очень важное... Очень...

— Хорошее?

— Не уверен, — признался Гоша.

2

На другой день Татьяна и Георгий (она стеснялась почему-то теперь называть его Гошей) пришли на прием к психиатру Кобеницыну.

Тот был рад видеть интересного пациента.

— Как ваши дела?

— Плохо, — ответила за Георгия Татьяна. — Только начал в себя приходиться — случился пожар, опять память отшибло.

— Надо же! — невольно обрадовался Кобеницын такому занятому обстоятельству, но тут же сделал серьезное профессиональное лицо. — Значит, огонь вам противопоказан!

— Да мы уж и сами поняли... — сказала Татьяна.

— А с общей памятью как сейчас? — спросил Кобеницын Георгия. — Не касательно вашей личности, а окружающего мира? Прошлый раз вы оперировали ограниченным набором бытовых понятий. Как сейчас? Кругозор не расширился?

— Не могу оценить: не помню, каким он был раньше.

— Это верно. Ну, к примеру: что такое... — Кобеницын подумал, чем бы озадачить для начала. И выдал из

своей области, но доступное и другим образованным людям: — Что такое экстраверт?

— Человек, открытый отношениям с другими людьми. А интроверт, наоборот, закрытый человек, — легко и спокойно ответил Георгий.

— Надо же, — покачала головой Татьяна. — Первый раз такие слова слышу. Интересно, а я-то кто?

Кобеницын усмехнулся:

— Сам о себе человек не всегда правильного мнения. Татьяна возразила:

— А кто же тогда правильного? Я просто не пойму, как можно определить? Открытый — закрытый... А если я для одних открытая, а для других закрытая?

— Это тонкости, мы о другом.

И он продолжил беседу с Георгием.

Довольно быстро выяснилось, что Георгий обладает кругозором намного шире среднего. Разбирается в политике, как внутренней, так и международной, в общественной жизни, в спорте. А также в литературе и искусстве — назвал имена художников Репина, Левитана и Дали и довольно много писателей из школьной программы и даже современных, о которых психиатр и слыхом не слыхивал. Он знал все, о чем спрашивал Кобеницын, и явно мог бы сказать больше, если бы Кобеницын спросил, но врача ограничивал собственный кругозор, имевший ощутимые пределы из-за молодости и специализации, на которую он потратил годы учебы и практики.

Тем не менее Кобеницын копнул вглубь, пытаясь понять, что Георгию известно лучше, что ему ближе, и, исходя из этого, определить приблизительно его профессию или род занятий.

— В автомобилях разбираетесь? Карбюратор от инжектора отличите?

— В общих чертах.

— Финансы? — наугад спрашивал Кобеницын. — Сальдо, баланс, авизо, кредит, депозит, — перечислял он, сам не понимая значения половины слов.

— Сомневаюсь.

— Компьютеры? Софт, драйвера, инсталляция, утилиты, — пугал он Георгия терминами, которыми морочил его три дня назад юный и самоуверенный спец, вызванный для починки кобеницынского старенького компьютера и цедивший эти слова с убежденностью, что не знать их может только детсадовский малец (это Кобеницына, конечно, уязвило, вот он мимолетно и отыгрался на другом — впрочем, без злорадства).

— Слышал что-то.

Кобеницын спрашивал долго, составляя список и отмечая отрицательные ответы минусами, неопределенные галочками и более или менее утвердительные — крестиками. Все крестики оказались проставленными возле областей, которые, к сожалению, не позволяли идентифицировать профессиональную принадлежность Георгия, так как в этих областях каждый человек считает себя знатоком, то есть: политика (особенно внешняя), спорт, телевидение, здравоохранение. Георгий знал обо всем понемногу, но вразброс, отрывочно, без системы.

— Между прочим, — сказала Татьяна, — он когда болел, он во сне на немецком языке свободно говорил. И на английском, кажется.

— Так-так-так! — оживился Кобеницын. — А ну-ка, попробуйте!

— Ихь хайсе... Штрассе... Шпацирен... — неуверенно сказал Георгий.

— Так! А по-английски?

— Ай хангри... Еллоу субмарин...

— Во сне у тебя гораздо складнее получалось! — заметила Татьяна.

— Объясню! — воскликнул Кобеницын торопливо, словно опасался, что объяснит кто-то другой. — Мы за свою жизнь получаем огромное количество информации, но она хранится в пассивной памяти! То есть мы не помним того, что знаем!

— Как это? — не поняла Татьяна.

— Очень просто. Вы какой язык в школе учили?

— Немецкий.

— Читаете, разговариваете?

— Да ни черта.

— Вот! Но вы же учили слова и целые тексты!

— Само собой. Иначе как бы я четверку получила в аттестате? Я хоть и в деревне училась, но у нас школа самая большая в районе, учителя серьезные.

— Следовательно, все эти слова и тексты в вас есть! Они заложены, но не работают. Известны случаи, когда человек под влиянием шока вдруг начинал абсолютно свободно говорить на том же немецком или английском языке! И никакой фантастики — просто из его пассивной памяти высвободилось то, что он знал!

— А в футбол вот он играть вдруг начал, это как? — спросила Татьяна.

— И хорошо? — Кобеницын совершенно не интересовался футболом, и события, связанные с триумфом и падением Гоши-футболиста, ему не были известны.

— Очень хорошо. Это не по-немецки говорить, это же навыки иметь надо, правильно?

— Да, — задумался Кобеницын. — С другой стороны, теоретически можно допустить, что любой, кто хоть раз смотрел футбол, может заиграть в него, как чемпион мира. Если ему внушить, что он чемпион. Известны случаи,

когда под гипнозом люди на рояле начинали играть, хотя до этого только и знали про рояль, что клавиши черные и белые и что их много, — похвастался Кобеницын своим остроумием.

— Но я ведь не под гипнозом, — напомнил Георгий.

— Верно. У вас получается какой-то... синдром Феникса! — сделал открытие Кобеницын. — То есть попадаете в огонь — и заново возрождаетесь. Но не таким же, а новым. Сначала вы были совсем как ребенок, потом у вас был пубертатный период, переходный, а теперь вы явно взрослый человек! То есть вы за короткий период проходите все этапы человеческой жизни.

— То есть он следующий раз может стариком очнуться? — спросила Татьяна.

— Вряд ли. Но вы в любом случае, если что, сразу ко мне!

Проводив пациента, Кобеницын начал делать записи в истории болезни. Он чувствовал возбуждение и подъем. «Синдром Феникса» — отличный термин, да и само явление достойно внимания, тут материала не на кандидатскую, а на докторскую может хватить — если найти еще два-три подобных случая.

(Потом, дома, он перерыл ревниво все имеющиеся книги, отыскивая, не открыл ли кто уже это явление. И убедился — никто не открыл, он будет первым!)

А Георгию и Татьяне опять, как в прошлый раз, встретилась на выходе Лидия.

— Что-то вы зачастили! — сказала она вполне любезно и приветливо. — А я вот анализы сдаю, сахар в крови обнаружили. Что ж тут делать, значит, сладкая я женщина! — улыбнулась Лидия. И пошла дальше.

— Я ее знал? — спросил Георгий.

— Подруга моя.

— Какая-то... Приторная какая-то женщина.

— Да? А тебе нравилась.

Георгий испуганно обернулся, Татьяна рассмеялась:

— Да нет, ничего такого не было!

После поликлиники Георгий выразил желание пойти в милицию и подать заявление — в письменном или устном виде, как примут.

— Не боишься? — спросила Татьяна. — Вдруг ты был вор, убийца, насильник? Тебя ищут — а ты сам явишься.

— Вряд ли, — усомнился Георгий. — Что-то не чувствую я в себе ничего такого. А если вдруг окажется — пусть. Лучше быть виновным, чем никем. Неужели не понимаешь?

— Да понимаю, — сказала Татьяна, хотя считала, что ни в милицию, ни в налоговую инспекцию, ни в иные прочие государственные органы не надо ходить, пока не позовут. Или в случае крайней нужды. Она ко всему так относилась. В той же поликлинике или больнице не была лет десять. Пойдешь — тут же найдут какую-нибудь болезнь. Бывает, конечно, прихватит слегка то там, то здесь. Или простуда, грипп. Но Татьяна знала только два лекарства, которыми лечила все: анальгин и аспирин. Ну, и мед, конечно, и всякие травы.

В милиции их принял, естественно, Харченко.

Татьяна рассказала о том, что случилось.

— Ловко! — воскликнул лейтенант. — Людям весь футбол испортил — и забыл! Денежки слямзил — тоже забыл! Красота.

— Про то, что деньги украл, не доказано! — тут же возразила Татьяна.

— Ладно, — учел ее мнение Харченко, — спросим по-другому: о том, что тебя подозревают в краже, помнишь?

— Нет, — сказал Георгий. — А мы с вами были близко знакомы?

— С какой это стати? — Лейтенанта даже обидело предположение о близком знакомстве.

— Просто вы меня на «ты», хотя значительно моложе меня, вот я и подумал...

— А как же тебя еще? Ты бомж натуральный, да еще без памяти!

— Я без памяти, но я не бомж, — возразил Георгий. — И если мы не были близко знакомы, потрудитесь говорить вежливо со мной, как со старшим. К тому же вы на службе.

Он сказал это мягко, спокойно, но Харченко разозлился.

— Без вас знаю, что на службе!

(Но на «вы», отметила про себя Татьяна.)

— Удобно устроился! — продолжал лейтенант защищаться с помощью нападения. — Украл — забыл! А потом уьем кого-нибудь — опять забудем! Мне бы так! Тут скажешь что-нибудь не то или обидишь кого случайно — мучаешься, переживаешь, — посетовал Харченко на свой гуманизм. — Совесть ест, ночей не спишь! — преувеличил он, ибо сном как раз отличался, по выражению его матери, убойным — пока не выпится, хоть по лбу палкой стучи, не встанет. — Счастливая жизнь!

— Не вижу ничего счастливого, — сказал Георгий. — Человек должен нести ответственность за свои поступки.

Харченко хмыкнул. Слова Георгия один в один совпадали с главным милицейским постулатом о неотвратимости наказания, но лейтенант никогда еще не встречал человека, который сделал бы этот постулат принципом жизни. Что ж, если у этого неопознанного гражданина, явившегося в новой ипостаси, есть странное желание нести ответственность (да еще не зная, за что!), надо пойти ему навстречу!

— Хорошо. Я новый запрос пошлю. Я раньше на Мушкова посылал, на Колычева посылал, а теперь поступим по-другому: пошлю твою фотографию.

И направил их к штатному фотографу, который, однако, оказался занят и велел прийти завтра. Или послезавтра. Татьяна догадалась, дала ему пятьдесят рублей, и он нашел свободную минутку, снял Георгия.

Георгий маялся — очень хотел что-то делать, но не понимал, что.

— Займись теплицей. Или дом попробуй подремонтировать, — предложила Татьяна. — Вдруг тебе будет интересно?

Георгий занялся.

И у него все пошло на лад. В сарае были целые штабеля кровельной жести, досок, кирпичей, которые отец Валеры, человек, в отличие от сына, дельный, приготовил для ремонта, но помешала болезнь.

Инструменты тоже нашлись.

Георгий за несколько дней привел дом в порядок, заменил все гнилое и старое, а потом покрасил и крышу, и стены краской, которую купила Татьяна — из своих денег, долларов не трогая.

— Забор у тебя какой-то... — сказал Георгий Татьяне. — Кривой.

— А чего ему прямым быть? Забор и есть забор, лишь бы стоял. Нет, если хочешь, поставь новый.

И Георгий поставил.

Ему никто не мешал: соседка Обходимова молча дивилась, а Кумилкин игнорировал, не испытывая тяги к

контакту с человеком, который гробит жизнь на бессмысленное благоустройство в то время, когда надо решать коренные вопросы. К тому же Георгий его не замечал, будто не был знаком, это обижало.

Потом, походив по саду, Георгий взял тележку и отправился в карьер. Вернулся со щебенкой. В саду крошил ее до полной мелкости и усыпал ею дорожки. Сделав несколько рейсов, весь сад испетлял красивыми белыми дорожками. Костя и Толик сперва помогали, и даже с увлечением, но соскучились, умчались на пруды.

Таня, вернувшись с работы, одобрила:

— Вот спасибо! А то как дождь, ноги из грязи не вытащишь!

Георгий на этом не успокоился. Взял да и вырыл лопатой колодец, смастерил для него деревянный сруб. И поднялась вода! И оказалась замечательной, гораздо лучше городской хлорированной из колонки.

Дважды инвалид Одутловатов не утерпел, пришел посмотреть, долго стоял над колодцем и, не догадавшись сам, спросил:

— А зачем? Колонка же рядом.

— Тут вода лучше, — объяснил Георгий. — А что, у других жителей колодцев нет?

— Ни одного. Тут никто никогда их не копал.

— Почему?

На этот вопрос Обходимов не нашел ответа. Вернее, считал, что первым ответом исчерпал тему: потому и не копали, что до них никто не копал!

Георгий приладил к колодцу электромотор (нашелся в сарае запасливого отца Валеры), пустил воду ручейком в сад.

Маленький прудок выкопал — не купаться, а декоративный. Притащил камни, валуны, насадил травы. И мостик соорудил из небольших бревен. С перильцами. Беседку старую свалил, поставил новую, покрасил.

В общем, навел в саду необычайную красоту, которая Татьяну даже слегка напугала:

— Люди подумают — денег у Таньки невпроглот, устроила тут парк культуры и отдыха!

— Так ничего же не сто́ит! — удивился Георгий.

— А поди ты, объясни им!

5

Но и этого мало было Георгию. Дом и сад стали хороши, но окрестности были гадки: улица Садовая никогда не знала ни асфальта, ни щебня. Колдобины, непросыхающие лужи, мусор и помойные озера: жители привыкли избавляться от бытового отброса простейшим способом — кидая и выливая через забор.

Георгий не спеша начал возить на улице щебенку. Казалось бы, дело долгое, трудное. Но — одна тележка, другая, десять, один день, другой, третий — и уже вся улица у дома Татьяны засыпана, утрамбована, хоть езди, хоть гуляй, хоть даже танцуй. Но остальное протяжение улицы стало казаться еще грязнее. Поэтому Георгий, ухлопав неделю, засыпал ее всю, благо недлинная, дюжина домов.

Не обошлось без неприятностей. Одинокая злая бобылка Гаврина смотрела, смотрела из окна, вышла на крыльцо и заорала:

— Ты чего тут копаешься у моего дома? Я тебе разрешила?

— Это общественная территория, — ответил Георгий.

— Общественная! А у общества ты спросил?

— Так всем же хорошо...

— Хорошо, не хорошо — за людей не решай, понял?
И заканчивай давай тут!

— Да я уже почти закончил...

Другие, хоть на словах и одобряли (чиховцы, как и прочие люди, предпочитают казаться разумными и добрыми), но втайне тоже сердились. Во-первых, человек, в считанные дни доказавший им, что они годами и десятилетиями жили по-свински, считая обустройство улицы неподъемным делом, их этим самым обидел. Во-вторых, помой лить в ямы и ухабы было сподручно и естественно, на белой же щебенке слишком все видно, приходится тащить в другие места. Они сперва утешали себя тем, что Георгия, наверно, коммунальная власть наняла за деньги, но, когда узнали, что он все сделал даром, обиделись окончательно.

— Легко ему! — говорила раздраженно Гаврина. — Живет, тунеядец, у Татьяны на всем готовом, а когда у людей семьи, да работа, да хозяйство — будет у тебя охота огороды городить и улицы засыпать? — Она при этом переживала не за себя, а за других, потому что у самой не было ни семьи, ни работы, ни хозяйства, жила тем, что гнала самогон и держала шинок. И в данный момент терпела, между прочим, убыток: ее клиенты, грязные пьяницы, раньше были незаметны в общей грязи хоть ночью, хоть днем, а теперь, попадая в эту чистоту, они пугались, терялись, стеснялись сами себя и шли на соседнюю улицу Рукопашную, где все было привычно — вонюче, срамно и уютно.

В результате к Татьяне и Георгию явился коммунальный работник Хамичев, унылый мужчина лет под шестьдесят, в сетчатой шляпе, когда-то белой, купленной молодым Хамичевым в городе Сочи в 1967 году, но за

многие десятилетия пожелтевшей и скоробившейся, усохшей, как усохла, оставшись почти без волос, и сама голова коммунальщика.

— Люди жалуются, — сказал он, доставая из портфеля папку, но не открывая ее. — Беспокойство причиняете.

— В кои-то веки без грязи, чем они недовольны? — удивилась Татьяна.

— Мы тоже недовольны. У нас генеральный план благоустройства вашего района с последующим сносом.

— Зачем же благоустраивать, если сносить? — не поняла Татьяна. — И, кстати, первый раз слышу — нас что, в самом деле сносить будут?

— Вопрос не решен.

— Тогда благоустраивали бы!

— Вопрос средств на благоустройство тоже не решен в связи с нерешением вопроса о сносе, — терпеливо пояснил Хамичев, привыкший втолковывать обывателям, не понимающим тонкостей коммунального хозяйства, особенности работы его сложного механизма. — Но по генеральному плану тут асфальт с бордюрным камнем. Комиссия приедет проверять, увидит: щебенка есть, асфальта нету. На нас скажут: начали работу и не кончили. Средства потратили или вообще украли. Понимаете? Велят наряды предъявить на щебенку, на выполнение работ — что мы предъявим?

— А вы заключите с человеком договор, да и заплатите! — предложила Татьяна.

Хамичев на эту несуразную чушь даже не стал отвечать. Он сказал:

— Короче, сделайте так, как было.

— Извините, не сделаю, — возразил Георгий. — Потому что это нелепость. И даже идиотизм!

— Мое дело предупредить, — ничуть не обиделся Хамичев, твердокожий служака, привыкший к поношениям.

И ушел.

Потому что он действительно выполнил свое дело. Сигналы были — он отреагировал. А дальше пусть сами жители решают. Или пишут, или принимают меры.

6

Жители писать не стали, зная, что бесполезно: начальство бед и болей народа не слышит. А меры приняли. Но не злостно, а — как-то само собой все произошло. К Обходимовой заезжал племянник на большом и старом грузовике «Урал», в дождь, нанес на огромных колесах грязи, а потом еще и забуксовал и, выползая, вырыл большие ямы. Мамынов Дмитрий Анатольевич, уважаемый человек и умелый садовод, привез кучу навоза и свалил на улице, не найдя во дворе свободного места. Квасниковы Ольга и Гена, молодая семья, заботящаяся, купили новую мебель, а упаковку от нее и старые кресла, шкафы и стулья вышвырнули на улицу.

Так оно и пошло.

И вскоре у улицы Садовой стал вид прежний: лохматый и мусорный, а щебенки было уже почти не видно сквозь слои грязи.

И полились опять помои привычным прежним потоком...

Да ладно, что уж об этом.

Лучше о приятном.

Приятное: Лидия восторгалась теми изменениями,

которые Георгий произвел в саду. Будучи женщиной достаточно сведущей, *продвинутой*, как она себя аттестовала, Лидия высказала предположение:

— Вы знаете, кто были, наверно? Вы были ландшафтный дизайнер!

— Это что такое? — спросила Татьяна.

Георгий объяснил:

— Это специалист, который находит художественное решение для природного пространства вокруг человека. Не думаю, что я... Хотя, все может быть. Если уж, говорят, даже в футбол тут поиграть умудрился...

— Люди за это большие деньги платят! — уверила Лидия. — Я вас обязательно порекомендую!

У нее было кому рекомендовать — Лидия была женский парикмахер. Работала от себя, среди ее клиенток были весьма богатые по чиховским, да и не только чиховским, меркам. Самые богатые, конечно, предпочитали салоны красоты в Москве, хотя Лидия умела стричь ничуть не хуже. Вообще-то она сперва была мужским парикмахером, но с мужчинами, как выяснилось, работать ей абсолютно невозможно. Руки подрагивали, очень нервничала, всей душой хотела каждого мужчину сделать красивым. Но не получалось: то лишнего выстрижет, то, наоборот, оставит, где не надо. Лидия пришла к выводу, с которым я, как автор, согласен лишь частично: хорошо и четко выполняешь только ту работу, к которой довольно равнодушен. А если она тебе интересна, если ты за результат волнуешься, то получается либо очень плохо, либо гениально, что не всякому дано. Поэтому она и переключилась на женщин, к которым, естественно, была равнодушна, и это гарантировало стабильный профессиональный результат.

И, обрабатывая на другой день довольно красивую голову (на довольно красивом теле) одной из самых богатых своих клиенток, владелицы двух обувных магазинов и множества торговых мест на вещевых рынках Ренаты Ледозаровой, она сказала ей:

— Дом ты красивейший построила, Рената, а вокруг у тебя ничего интересного!

— В каком смысле?

— Да газон один, и все.

— Это западный стиль, — с обидой пояснила Рената. — Что я, груши и яблони посажу? Или смородину?

— Зачем? Но так тоже голо как-то. Я знаю человека — ландшафтный дизайнер по призванию. Можешь посмотреть, что он сделал. Красота неопишуемая!

Рената, конечно, знала, что такое ландшафтный дизайн.

И решила посмотреть.

Лидия тут же позвонила Татьяне, договорилась.

Рената ходила по саду, не обнаруживая лишних эмоций. Но и хулить не стала, приговаривала:

— Ничего, симпатично.

И, привыкнув быть конкретной, спросила у Георгия:

— Сколько берете?

— Я вообще-то...

— Берем, как все берут, — вмешалась Татьяна.

— А сколько все берут? — оглядела ее Рената с иронией, которая должна была поставить на место эту простолюдинку.

Но Татьяну не собьешь, в магазине работает. И не такие взгляды видела.

— А хорошо берут! — находчиво ответила она. — Посмотреть сначала надо. Метраж и все такое.

— Метраж! Там километраж! — воскликнула Лидия.

— И надо решить, что именно делать, — сказал Георгий.

— Естественно. Без эскиза даже и не начинайте!

Георгий ходил и осмотрел участок Ренаты. Что-то прикинул, рассчитал. Два дня сидел, рисуя на ватманском листе эскиз.

Татьяна должна была радоваться, но, искоса наблюдая за кропотливым старанием Георгия, хмурилась. Не понравилась ей эта Рената, эта шука ядовитая — сразу. Почуяла она от нее беду. Чтобы дать выход эмоциям, сердито наставляла Георгия:

— Меньше триста долларов даже не соглашайся!

Она рассчитывала, что такой ценой Рената возмутится и прогонит Георгия.

Но Рената сама заговорила о цене и, видя, что Георгий мешкает, предложила:

— Тысяча долларов.

Она успела справиться и узнала, что это стоит на самом деле (за одну работу, без расходных материалов) от

трех тысяч долларов до... верхний порог беспределен, ей рассказывали о мастере, берущем не меньше двадцати тысяч.

Георгий изумился. Рената приняла это за несогласие и прибавила:

— Хорошо, полторы. Но не больше!

— Ладно, — сказал Георгий.

А Татьяна, узнав об этом, даже присвистнула:

— Ни фиги себе! Да я за такие деньги год в магазине стою! Ну, не год... — поправилась она. — Хорошая у тебя специальность, я смотрю!

— Еще не специальность. Но освоить попробую.

Начались труды и мытарства Георгия.

Рената оказалась женщиной капризной, требовательной. Она с дней своей ранней деловой юности (челночницей была, матери помогала) усвоила, что человека, который на что-то соглашается с первого раза, не уважают. Поэтому, кстати, обладая красивой внешностью и незаурядным телом рубенсовских параметров, она до сих пор не вышла замуж. Богатым девушкам вообще в этом смысле труднее, чем бедным: выбор очень уж ограничен, не за всякого пойдешь. А главное: мужчины, которые решились подступить к ней, робели перед ее красотой и характером, и, если получали отказ, сразу исчезали. А отказ они получали обязательно: Рената не могла нарушить собственной установки на несогласие при первом запросе. Второй же запрос никто не осмеливался сделать. Конечно, одна она не оставалась — наездами дружила с одним солидным министерским чиновником, приезжал к ней иногда молодой массажист с гибким телом... Но жизнь-то идет!

Она забракела пять эскизов, выбрав в итоге первый (который ей сразу понравился).

Предполагалось:

С внешней стороны дома, где подъезд, все просто: мощение декоративным булыжником, фонари, несколько зеленых елочек.

Пологий холм с обратной стороны подсказывал своей формой сделать террасы. На них тоже елочки — зелено круглый год. В центре дорожка, усыпанная мелким красным гравием — хорошо впитывает влагу.

Внизу небольшой пруд с фонтаном.

Все просто, элегантно, изящно.

А изюминка: ротонда в углу, а вокруг нее разнообразные кустарники и многолетние цветы. И, конечно, камни самой разной формы и величины. В пруду тоже камни — на них, когда они под водой, можно смотреть бесконечно.

Георгий горячо взялся за работу. Подключил Толика и Костю, пообещав заплатить.

Им деньги были нужны: купить вместо своих битых великов настоящие спортивные байки. Тем более что работа посильная мальчишеским рукам и соображению — дорожки насыпать, землю ровнять, ямки копать.

Они старались, а вечером голова к голове листали, мечтая о покупке, журнал «Mountain Bike», выбирая самые передовые модели мощных велосипедов — как минимум восемнадцатискоростных.

Но без настоящих помощников было трудно — слишком много черновой тяжелой работы и такой, для которой нужны взрослые, более или менее умелые руки.

Один нашелся сам — Валера Абдыров.

Он навестил Татьяну по поводу взять займы, так как праздник спасенной жизни у него продолжался, а средств не осталось: из квартиры находящейся на излечении сожительницы Веры он вынес и продал все, что можно, ра-

ботать же совсем отвык, да и не брали уже никуда: вид крайне непрезентабельный даже для грузчика.

Татьяна, естественно, отказала.

— Допился совсем, — сказала она, жалея его не как бывшего мужа и не как человека, а как отца своих детей, которым, как ни говори, будет неприятно, если он сдохнет от пьянства в канаве.

— Это мое дело! — гордо ответил Абдюков. Он даже в просительной ситуации старался держать характер. Держал, правда, из последних сил. — Ты не бойся, я отдам.

— С каких шишей, интересно?

— За работу получу.

— За какую?

— Да там, — махнул рукой Валера в сторону мифической работы, про которую он уже и забыл, как она выглядит. Ему было так худо, что не осталось даже энергии на то, чтобы убедительно соврать.

Георгий в это время как раз вернулся с участка Ледозаровой, умывался перед ужином. В семейный разговор вмешиваться не собирался, но тема оказалась близкой и не вполне семейной, поэтому он предложил:

— А ко мне не хотите пойти?

— Землю таскать? — спросил Абдюков, знавший о делах Георгия.

— Да хоть бы и землю таскать в том числе, — не стал попусту обольщать его Георгий. — Не задаром же.

— Если бы что-то квалифицированное, я бы мог.

— А что вы умеете квалифицированное?

— Да все. Кирпич ложить, фундамент заливать, по столярке-малярке все умею, — приукрашивал свои способности Абдюков.

Глянув на Татьяну, Георгий по ее усмешке понял, что Валера привирает. Но все-таки сказал:

— Ладно, попробуем.

И взял Валерия.

Потом к ним присоединился Кумилкин.

Это было неожиданно для него самого: шел мимо, остановился, понаблюдал, как Абдрыков заливает цементным раствором дно будущего пруда, сказал:

— Это ж тебе не бассейн, а пруд. Ему в дне вентиляция воды нужна — или она стоячая тут будет?

— Вода лучше проточная, — сказал находившийся здесь же Георгий. — А вы откуда такие тонкости знаете?

— Да делал пруд одному начальнику, — сказал Кумилкин, умолчав, что это был начальник тюрьмы.

— А рассказали бы?

Кумилкин сначала рассказал, потом показал, потом Георгий предложил ему войти в бригаду, Кумилкин было отказался, но пришел на следующее утро:

— Ладно. Просто деньги нужны, чтобы уехать отсюда к черту. Или в виде первоначального капитала на гостиницу.

Так он оправдал перед самим собой собственное странное желание поработать — ибо то, что делали Георгий и Валера, его неожиданно заинтересовало. Фантазию можно применить. Не скучно.

Проводил здесь все свободное время (а другого и не было) и дважды инвалид Одутловатов.

Тоже сначала порыскивался помочь, но отстранили: ничего толком не умеет и быстро выдыхается.

Зато Одутловатов помогал морально: сидя в тенишке, рассуждал о пользе труда и красоты, причем рассуждал толково. Мы ведь, говоря о деле, гораздо умнее, чем тогда, когда это дело делаем¹.

— В России живут некрасиво! — сказал он.

— Удивил, Олег Трофимович! — воскликнул Кумилкин, дробя камень. — Кто ж этого не знает?

¹ Поэтому, между прочим, известная поговорка «я начальник — ты дурак», если взглядеться, не содержит никакого издевательского смысла, она точна и буквальна. Это почти парадокс, он явился мне неожиданно и неприятно, так как встает наперекор моему врожденному демократизму. Но в чем суть? Суть в том, что подчиненный работник — внутри дела, он не видит его краев, его верха и низа. Следовательно, обязательно совершает ошибки в соответствии с другой поговоркой — «не ошибается тот, кто ничего не делает». Начальники же как раз в силу того, что ничего не делают, а руководят, видя дело со стороны и сверху, абсолютно естественным путем становятся умнее. Во многих странах это поняли и уважать начальство там не считается ззорным. У нас же это

— Ты, Юра, считаешь, что я о наших нравах? Некрасиво — в смысле, ну, как говорят — некрасивый поступок? Плохой то есть?

— Ну.

— Нет. То есть и в этом плане тоже, но я в плане красоты как украшения.

— Это правда, — понял мысль Одутловатова Абдрыков. — Он оперся о лопату, закурил и развил мысль: — Вся жизнь в грязи живем — и нам нравится. Народ такой.

— А мы по-другому жить не можем и не должны! — защитил народ Одутловатов, хотя начал с явной критики. — Могу обосновать!

— В самом деле? — заинтересовался Георгий.

— Запросто! Вот смотрите. Русские люди всегда жили в деревянных домах. Дома то и дело горели — целыми деревнями. Что получается? Твой сосед стены из кривых бревен скатал, гнилой соломой покрыл — сгорел. Ты постарался, срубил дом красиво, крышу дранкой обделал, досточка к досточке, конечек присобачил — и тоже сгорел. Кому обидней? Конечно, тебе. И следующий дом ты уже перестаешь стараться делать красивым. Вещи тоже. Все равно сгорят.

— Так уж обязательно и сгорят? — спросил Кумилкин. Он был вообще-то согласен, но все же спросил — для спора.

— Ну, отнимут.

— Кто?

заведомо подлость и холуйство, отсюда вечная наша вражда двух народов в одном: народа начальствующего и народа подчиняющегося (подчиняющегося при этом плохо и неохотно). И только когда человек сам выбьется в начальники, он понимает наконец, освободившись от дел и тут же поумнев, как он был не прав! — *Примечание автора.*

— Мало ли. Татаро-монголы. Хозяин-барин при крепостном праве. Люди ведь жили временно у нас всегда. Нападут, в плен уведут, продадут, холера какая-нибудь. А когда крепостное право кончилось, только раздышались немного, советская власть началась, колхозы, то есть опять ничего своего, все временно. Работа не твоя, квартира не твоя, все не твое, все временно. А когда человек временно живет, есть у него интерес что-то украшать? Да никакого! Если уж только из личной старательности.

Георгий слушал Одутловатова внимательно — видно было, что сам об этом размышлял.

Спросил:

— Вы откуда все это знаете?

— Книги читал про историю, — пояснил Одутловатов. Он действительно прочел за последние годы три или четыре исторические книги, предпочитая этот жанр всем прочим, и, будучи неглупым человеком, сделал для себя выводы.

Так они и продолжили: Георгий, Валера и Юрий работали с периодической мелкой помощью Толика и Кости, наводя красоту, а Олег Трофимович помогал им рассуждениями о бессмысленности работы и наведения красоты, которые их странным образом не расхолаживали, а даже наоборот, пробуждали энергию — им словно интересно стало своей частной деятельностью опровергнуть те общие законы, которые им предъявлял Одутловатов.

По вечерам Георгий садился за компьютер Кости, и они вместе смотрели в Интернете, какие бывают виды ландшафтного дизайна. Видов этих оказалось немерено. Георгий вприглядку учился и перенимал, а также запоминал на будущее.

Внимательно читал газеты, книги, в том числе те, что уже прочел, находясь у Татьяны. То есть заново.

— Хочешь найти, что тебя касается? — спросила Татьяна.

— Да нет. То есть и это тоже. Просто — накапливаю информацию.

Или взялся за Костин учебник немецкого языка. Вчитывался, тихо произносил слова, вслушиваясь в них. Объяснил Татьяне:

— Понимаешь — обидно. Врач сказал: в пассивной памяти все есть. И ты вот тоже говоришь, что я в бреду по-немецки говорил, по-английски. Значит, я эти языки знал? А теперь — не знаю. Но они же есть во мне! И не только языки, все остальное. Все есть — а где-то там, пропадает, не используется.

— Вообще-то человеку хватает и того, что он сам по

себе помнит, — заметила Татьяна. — А если запоминать все, что случается, это же невозможно будет жить. Если бы я помнила, как и кто меня обижал, какие у меня неприятности были, ты представляешь, как бы я мучилась?

Георгий улыбнулся:

— Ты умная женщина.

Татьяна смутилась и отвернулась. Она, конечно, душой себя не считала. Но и слишком умной тоже. В пределах нормы. Поэтому и застенялась похвалы Георгия.

Она вообще все больше его стеснялась, как ни странно. Предыдущий Гоша ее раздражал до злости, до того, что хотела от него избавиться, но он был ей понятен. И смотрел на нее понятно, хоть и похабно, конечно. А этот улыбается, говорит вежливые слова, а интересуется ли всерьез — не ясно.

Татьяну пугали эти ощущения. Никого она в этой жизни не боялась и не стеснялась. И если это возникло — то неспроста. Когда-то Абдюков на нее так действовал — она, смешливая и дерзкая, при его появлении терялась, путалась, хотя не подавала вида, продолжала смеяться и дерзить.

Поглядывая на Георгия, она искала в нем недостатки — и находила, долго ли при желании? Но с ужасом чувствовала, что и недостатки ей нравятся.

И не настолько уж она робка. Она, пожалуй, в другой ситуации не посовестилась бы переселить Георгия из сарая в дом, а там... Ночью мужчина к женщине сам дорогу найдет. Но нет, не предлагала Георгию переселиться, на ночь запирала дверь. По очень простой причине. Ну, хорошо, пустит она его в дом, а потом и к себе в постель. А вдруг он от шока память потеряет? И утром не узнает ее? Проснешься, а он — «ты кто»? Может ли быть что для женщины унижительней?

Однажды она поймала на себе его внимательный взгляд. Улыбнулась, спросила:

— Ты чего?

— Кого-то ты мне напоминаешь.

— Наверно. С этого и началось: с кем-то спутал, прибился.

— С кем?

— С женой, наверно, — пошутила Татьяна.

— Вряд ли. Мне кажется — с мамой.

— Думаешь? Я мамой быть не согласна! — засмеялась Татьяна и тут же опустила голову, прикусила губу: он может увидеть в ее словах намек. Потому что если не мама, то кто?

Но он намека не уловил, думал о своем. И высказался:

— Таня, ведь это страшно — маму не помнить.

Она мысленно охнула.

Она, может быть, впервые почувствовала, что это такое — ничего не помнить. Она вот к хворающей матери, гадина такая, ездит два раза в год (правда, все время уговаривает переехать в город, но та не соглашается), вспоминает ее, если честно, не каждый день, а то и не каждую неделю, закопавшись в своих делах, но представить, что вообще бы ее не помнила... Это же все равно что не от матери, а из воздуха родиться и, то есть, не чувствовать себя человеком! Жуть какая!

И Татьяна, не думая, правильно или неправильно, да как он поймет, да что это значит, подошла к Георгию, сидевшему за столом, обняла руками его голову и сказала:

— Господи... Бедный ты мой...

А он прижался щекой к ее руке. А потом взял и поцеловал руку.

Поднял голову, увидел, что Татьяна тихо плачет.

— Перестань. Все вспомню, никуда не денусь.

— Да я не про тебя.

— А почему тогда?

— Первый раз в жизни, блядь, руки целуют! — сказала Татьяна и отошла.

Именно так она и сказала, и я ничего с этим не могу поделать. Татьяна хорошо училась в школе, старалась себя воспитать, лишней раз не ругалась матом, даже с подвыпившими покупателями, при детях не выражалась вообще. Но сказала так, и, повторяю, изменить ее слова я не в силах.

Харченко не бездействовал.

Послал новый запрос, приложив фотографию, описав ситуацию и указав, что данный неопознанный гражданин является, скорее всего, жителем Москвы или Московской области. Возможные профессии — строитель, футболист. Но не исключено, что и вор. Впрочем, все это бывает сочетаемо.

Но ответа все не было.

Он звонил: ищут ли?

Отвечали: ищем, никаких результатов. Сам в нашей системе работаешь, знаешь, насколько бывает трудно найти человека, а найденного — опознать.

Харченко не столько заботился о служебном розыске, он все чаще думал о Татьяне.

Сначала ему казалось, что это вполне привычные мысли — плотские. Или, если говорить современным языком, которым лейтенант владел в совершенстве, сексуальные. Подобные мысли овладели им лет с тринадцати и почти никогда не отпускали, что его не тревожило: парень видный и на видном месте, он устроил свою жизнь так, что за возникновением желания сразу

же следовало осуществление оногo. Во-первых, дюжина знакомых девушек из продавщиц, парикмахерш и молоденьких работниц сбербанков (только Харченко знает, как любвеобильны эти тихие девушки, весь день считающие чужие деньги — может, их это и возбуждает?). Во-вторых, постоянная, хоть и опасная, связь с женой заместителя начальника отдела, пьяницы, страдающего мочекаменной болезнью. В-третьих, бесплатные девушки из интим-салонов, которых в Чихове, как в городе приличном, цивилизованном, было целых три.

То есть — без проблем.

Но о Татьяне он думал как-то иначе.

Это его раздражало.

Он находил причину почему-то не в ней и не в себе, а в Георгии. Решил, что его чисто эстетически возмущает сожительство красивой молодой женщины с фактическим бомжем.

А когда Георгий из бомжа превратился в нормальногo работника, раздражение увеличилось.

Он посетил ландшафтнoе строительство у дома Ренаты Ледозаровой и спросил Георгия:

— На основании чего трудимся?

— На основании желания! — встрял Одутловатов.

— Я без шуток! — жестко сказал Харченко. — Где документация? Где подряд на работы? А?

— А чего ты к нам-то пристаешь? — вмешался Куmilкин, считая своим долгом почти вора почти в законе (каковым он себя считал) не церемониться с ментом. — Иди вон к хозяйке, у нее и спрашивай!

— Я и без этого знаю: подряда нет, документации нет. Типичный уход от налогов! Придется прикрыть вашу лавочку!

Георгий вылез из очередной ямы, которую копал, и спросил не по теме:

— Обо мне не узнали ничего?

— Это вопрос второй, — сказал Харченко. — Не узнал пока. А раз так, то вы никто. И работать не имеете права!

— У нас каждый имеет право на труд! — вспомнил советский писанный закон Одутловатов.

— Зато не каждый имеет право на оплату! — тут же напомнил ему Абдыков другой советский закон, неписанный. (Впрочем, не только советский.)

Тут подъехала на своей серебристой машине Рената. Вышла.

— В чем дело, Виталий?

Они знали друг друга — и вполне коротко, по имени и на «ты». Виталий, правда, не был в числе претендентов на руку, сердце или тело Ренаты, но она в этом и не нуждалась: чин у него не тот.

Виталий на приятельское обращение не откликнулся, повел себя официально:

— Что за люди, Рената Владимировна? На каком основании работают?

— А пойдем в дом, объясню.

Виталий сразу понял, зачем его зовут (денег сунуть на бедность), и отказался:

— Я и здесь послушаю.

— Да? Тогда я тебе ничего не скажу.

— А как же?

— А так же!

И через день Ледозарова привезла Харченко и вручила ему при свидетелях папку с документами:

— На. Договор и все, что надо. И бригада оформлена. С льготами через общество инвалидов, бригадир сам инвалид второй группы, Одутловатов Олег Трофимович, можешь проверить.

— Не буду я проверять! — отстранил папку Харченко. — На это другие органы есть. Я просто спросил в смысле соблюдения законности.

— Соблюдена, Виталя. На сто процентов!

И она ушла, оставив Виталия огрызаться на шуточки коллег, которые сразу сообразили, в чем дело.

— Нашел с кем связываться, чудак!

В самом деле, связываться с Ренатой Ледозаровой было пустым занятием — прожженная и опытная деловая женщина.

Но не сухая бизнесвумен и не торговка, выбившаяся в люди: у нее за плечами, между прочим, был педагогический институт, факультет физического воспитания (неплохо играла в волейбол когда-то). Да и упомянутая мать-челночница была по образованию ветеринар, про-

сто время ее вынудило заняться прикладным бизнесом, а как все наладилось, Рената помогла ей открыть лучшую в городе ветеринарную клинику с умеренными ценами. К тому же все чиховцы знают: если кто примчится с любимым болящим котом или захворавшей неожиданно собакой, а денег по бедности не окажется, то примут и без денег, в долг.

Рената старалась дружить с образованными и культурными людьми, в своей торговой среде вращалась только по делу, хотя и там встречались весьма интересные личности. А больше всего она ориентировалась на лучшую подругу Динару, зубного техника, которая зарабатывала хоть и не огромные деньги, но зато выстроила свою жизнь идеально — по соотношению цены и качества. Квартирка небольшая, но с отличным дизайном, с кондиционерами, с видеонаблюдением. Как у людей. Машина недорогая, но все же иномарка — аккуратный маленький «опелёк». Любовник немолодой (она тоже была одинока), но представительный, достойный, из городской администрации. Ну, и так далее. В области культурных потребностей у нее тоже все было в порядке — всегда в курсе того, что читают, смотрят и слушают ориентированные люди (попсу при этом презирала).

Но Рената знала, что, придерживаясь продвинутой позиции, надо иметь и что-то лично свое, оригинальное (часто демонстративно пошрое, что лишь подчеркивает изысканность вкуса), поэтому завела себе коллекцию старых советских фильмов — «Кубанские казаки», «Светлый путь», «Москва слезам не верит», и умела завести разговор о том, что, да, это мифы, это неправда, но в мифе душа народа отражается даже больше, чем в чем-то якобы правдивом. Ибо правда всегда относительна, а миф абсолютен.

На эти темы она и заговорила однажды вечером, пригласив Георгия в дом.

Начала, правда, строго и по делу:

— Что-то не очень быстро движется у вас.

— Люди все неопытные. И я в том числе.

— Неправильно оправдываетесь, — усмехнулась Рената. — Обычно говорят: объем большой, денег мало, стройматериалы плохие.

— А я не оправдываюсь, просто говорю.

— Ну-ну. Выпьете?

— Холодного чего-нибудь.

— Коктейль?

— Можно и коктейль.

Рената приготовила любимый коктейль «морская пена» — водка, лимонный сок, сахарный сироп, белок яйца. И крепко, и вкусно.

Георгий выпил, оценил:

— Хорошая вещь. Не пробовал.

— Вообще не пробовали? Или к другим привыкли? У вас ведь, я слышала, с памятью проблемы?

— Проблемы, да. Иногда что-то вспоминаю. То есть кажется, что помню. А другое — совсем незнакомо.

— И со всем так?

— Со всем.

— Интересно... А музыка?

— И музыка.

— Давайте попробуем?

Рената включила музыку. Что-то из классики.

Георгий внимательно слушал. Понравилось, но не узнал.

Рената — контрастом — включила современное, что на всех волнах радио.

Георгий узнал, но не понравилось.

— Это я каждый день слышу.

Рената включила еще что-то.

Так они слушали музыку и беседовали довольно долго. Вечер выдался холодным, Рената хотела разжечь камин, попросила Георгия помочь, он отказался:

— Извините, не люблю огня.

— Как это? Аллергия, что ли?

— Да, вроде того...

Георгий вернулся довольно поздно, и Татьяна не сдержалась, напустилась на него:

— Чего это мы шляемся среди ночи?

— Еще не ночь.

— Ага. А тут сиди и думай — трезвый придет или пьяный! Еду тебе разогревай!

— Спасибо, я не хочу есть.

— Накормили, что ли?

— Да.

— Ну и оставался бы там, где кормят!

Георгий, обычно мягкий и покладистый (да и причины не было обнаружить крайности характера), вдруг посмотрел с нехорошим прищуром:

— Знаешь, ты не ори на меня. Я не привык.

— Да откуда тебе известно, к чему ты привык, а к чему не привык?

Георгий не ответил. Повернулся, чтобы выйти из дома.

— Постой, — сказала Татьяна. — Ты пойми — поздно уже. Дети спят. Я боялась: придешь, разбудишь. Их уложить знаешь какая морока?

- Сама их будишь своим криком.
- Я не кричу. А просто...
- Что?
- Ничего. Иди спать.

Это в анекдотах приметы неверности мужчины — в помаде на рубашке, в запахе чужих духов. Глаза! Глаза мужчины, пообщавшегося с женщиной, выдают его. Мужчина до общения, он какой-то... как бы это сказать... Он цельный, обычный. А после — он уже либо с довеском каким-то, либо, наоборот, с явной убылью, смотря с кем общался. И бог весть, когда лучше — когда с убылью или когда с довеском. В первом случае мужчину тянет вернуться, чтобы восполнить взятое. Во втором — еще получить...

Татьяна не спала эту ночь.

Мучилась, злилась на себя.

Не знала, что делать.

И Харченко не знал, как поступить.

Ответа на запрос все не было, а Георгий его раздражал все больше. Надо было раньше взять его и отправить в Москву, в распределитель. Там быстро управились бы — либо в психушку, либо в тюрьму, либо опять на улицу, но уже не здесь, не в Чихове — и он не посмел бы вернуться.

Теперь все сложнее: возникла проблема в виде Ренаты Ледозаровой, которая, судя по всему, взялась покровительствовать Георгию. Нет ли тут у нее своего интереса? Оно бы кстати...

Харченко позвонил Татьяне, узнал, что она в магазине. Это хорошо — дома, в родных стенах, женщина часто скована и замкнута, будто боится этих стен, как свидетелей, в месте же отчужденном, желательнее без людей, особенно знакомых, она делается свободней и вольнее.

Он зашел к ней спокойно, без шуток и прибауток: понял уже, что Татьяну веселые заигрывания отпугивают.

У нее был только один покупатель: старик-пенсионер, выбиравший пиво.

— Захотелось вот пива выпить, — говорил он, — а не пойму, какого.

— Светлое любите или темное? — спросила Татьяна.

— Да я в нем не разбираюсь.

— А крепкое или полегче?

— Опять же все равно. Я ведь не люблю его, если честно, — объяснял старик.

— Зачем же берете?

— Да вот захотелось почему-то, — пожал плечами старик.

Он растерянно оглядывал полки, на которых стояли десятки бутылок и банок самого разного пива. Покачал головой:

— Раньше как просто было! Два вида пива — и все.

— Это какие же? — поинтересовался Харченко, по молодости не помнивший советского не разнообразного быта.

— Бутылочное — и разливное! — охотно ответил ему старик, радуясь общению. Но тут же себя поправил: — Нет, вру. В бутылках было тоже два вида: «Жигулевское» и «Бархатное». И разливное тоже было разное. Или совсем разбавленное — или не очень.

— А чтобы совсем не разбавленное, такого не было?

— И сейчас нет! — уверенно ответил старик. — Ты вот представь: привозят продавщице бочку пива, там, может, литров пятьсот. Как ей удержаться, чтобы хотя бы ведро воды не влить? Никто ж не учует! Кто ведро-два вливает, это еще с совестью, а то и десять могут. Из расчета один к пяти, — грамотно толковал старик. — А так, чтобы совсем не разбавить, ты такую продавщицу представляешь?

Харченко не представлял, но промолчал — Татьяна ведь тоже была продавщица, да еще на рабочем месте.

Она и сама об этом помнила и сказала старику с улыбкой:

— И я продавщица, бабушка.

— Ну, ты не такая! — не смутился старик.

И это очень по-нашему: мы, беседуя в любой компании о добре и зле, всегда уверены, что зло находится где угодно, только не здесь, а здесь все — замечательные люди!

Взяв наконец бутылку пива не темного и не светлого, не крепкого и не слабого, а среднего, старик ушел, вполне довольный.

А Харченко сказал Татьяне озабоченно:

— Нехорошая информация, Таня.

— Что такое?

— Сейчас выясняются детали, но, похоже, твой Георгий — в розыске. По подозрению в соучастии в ОПГ.

— Что такое ОПГ?

— Организованная преступная группировка. Банда.

— Не похож он на бандита.

— А ты видела, на кого похожи теперешние бандиты?

— Нет.

— А я видел. Половина с высшим образованием. В костюмчиках ходят.

— И что теперь делать?

— Не знаю.

Харченко сделал паузу, чтобы Татьяна оценила тяжесть информации, то есть дал ей испугаться покрепче. И ошибся. Да, он знал повадки женщин, но не знал глубинной женской психологии. Он общался с женщинами и по службе, и лично в моменты их первого аффекта: испуга или, наоборот, радости. Но ни с одной не жил вместе, а я утверждаю, что тот не знает женщину, кто с нею вместе не жил. Она в первые моменты действительно пу-

гается или радуется более эмоционально и бурно. Даже иногда кричит. Но зато потом, осознав, что произошло, берет себя в руки и становится очень разумной и стойкой. Мужчина же, не мной первым отмечено, сначала, сторяча и влопыхах, не может осознать толком ни опасности, ни горя, ни радости, поэтому и кажется подчас бесчувственным, до него смысл происшедшего доходит часто лишь к концу события или даже после него. То есть: понял наконец, что не надо было защищаться от безобидной кухонной табуретки тестя неосторожным кухонным ножом, да уж поздно — в тюрьме сидит. Или: доперло до него, что любит он одну-единственную свою Машу, радость всей жизни, да поздно — уже с этой Машей развелся, уже женат на Даше, притопить бы ее, заразу, в ванной, когда купается, да еще песни там орет дурацкие, воображая себя счастливой...

Татьяна за эту паузу успела и напугаться, и отойти. И сообразила: если бы все было точно и определенно, Харченко бы к ней не пришел. Он приехал бы с нарядом и взял бы Георгия, вот и все. Надо выяснить, чего Харченко хочет.

— А ты что собираешься делать, Виталя? — спросила она.

— Да вот думаю. Если бы он не у тебя жил, тогда просто. Взял, да и все. А так — я тебя боюсь обидеть. Вдруг ты им, вроде того, дорожишь?

Это был главный вопрос, ради которого Харченко и пришел к Татьяне.

И она это поняла, она конечно же это поняла! И не была такой дурой, чтобы ответить утвердительно. Врет Харченко: будь Георгий просто бродягой без дома, он бы его как раз и не взял. А вот если она признается, что он ей дорог, тут же Георгию и каюк.

С другой стороны, как бы не переборщить: скажешь, что все равно, а Харченко делает вид, будто именно этого ответа ждал. Воспользуется поводом — и опять-таки возьмет Георгия. Голову сломать можно. Поэтому Татьяна решила слукавить, перевести с личного на общечеловеческое.

— С какой стати он мне дорог? Не родственник. Но он же фактически больной, хотя и работает. Зачем его трогать, пока все не выяснилось?

— А не боишься, что он и в самом деле бандит окажется?

— Окажется, тогда и забоюсь. Чего заранее-то?

— Я просто не пойму, почему ты его держишь?

— Ну... Он помогает все-таки... И жалко. По-человечески, — подчеркнула Татьяна. — Потом: двое пацанов же у меня. Им интересно, когда какой-нибудь мужик в доме, хоть он им никто, посторонний дядя. Мальчикам надо, чтобы мужское воспитание было. Он вон их помогать взял, они довольны.

Харченко приготовил некоторые слова интимного свойства — тонкие, не прямые, он собирался в финале беседы намеками приоткрыть свои чувства и намерения, но теперь, после упоминания о детях, это стало невозможно. Он видел себя в своих планах любовником и другом Татьяны, но никак не мужем и уж тем более не приемным отцом ее детей.

Поэтому, сказав нейтрально и как бы из вежливости, что Татьяна прекрасно выглядит, он ушел.

Лейтенант понял, что давить надо непосредственно на Георгия. Так ему представить положение, чтобы он сам захотел исчезнуть.

При этом Харченко не мог не удивляться себе: что происходит? Почему он создает проблемы там, где их нет? С той же Татьяной — еще месяц назад он бы попросту сказал ей: «А не заняться ли нам, Таня, тем, чем взрослые люди занимаются?» Ну, или что-то в этом духе. С добавлением или угрозы, или обещания покровительства (или того и другого вместе), что на продавщиц в силу опасности их профессии в смысле общения с деньгами и материальными ценностями действует всегда очень сильно. Согласилась — отлично, нет — до свидания, даже мстить не стал бы. Ибо красивых женщин на свете столько, давно понял Харченко, что употребляй их хоть по десять штук в день, все равно всех не употребишь. Хотя, по известному присловию, стремиться к этому, конечно, нужно.

А может, сделал бы заход поизящнее, он и это умеет: цветы, конфеты, вино, в кино сводить. И становился бы с каждым днем все откровеннее и смелее.

Сейчас же все неправильно: день ото дня он делается нерешительнее, даже будто как-то робеет, что уж совсем дико и нелепо!

А этого чмырика он месяц назад (упустил время!) просто прибил бы. Без следов.

Но теперь понимает: прибей его — и путь к Татьяне может быть закрыт навсегда, хотя она и делает вид, что дышит к Гоше ровно.

Харченко приехал к дому Ледозаровой, поманил к себе Георгия.

Пригласил сесть в машину, этим давая понять, что разговор конфиденциальный.

Сказал просто, без экивоков:

— Есть данные, Георгий, что ты был преступник.

Он никогда не видел такой реакции человека на обвинение. Обычно начинают оправдываться, возмущаться, злиться. Или пугаются.

На лице же Георгия появилось выражение досады, обиды, недоумения — как бывает у человека, который жил налаженной и здоровой жизнью, и вдруг ему объявили, что он серьезно болен. Как это болен? Вы что?! Во-первых, с чего бы? Во-вторых, не хочу. В-третьих, самое главное, некогда. Еще то не сделано, другое, третье... В этой жизни, извините за простодушие мысли (особенно те извините, кто этого не чувствовал), болеть всегда некогда, а уж умирать тем более.

— И что я сделал? — спросил он.

— Убийство, два ограбления. Не считая мелочей.

— Убийство? Кого убил, за что?

— Человека. Охранника одной ювелирной фирмы.

Бриллиантов взяли на полмиллиона долларов и золота на столько же, — достоверным голосом изложил Харченко дело, о котором узнал недавно из внутренней милицейской сводки.

— Именно я убил?

— Получается так.

— Как получается? Не один же я грабил?

— Ну, свидетели нашлись или соучастники. Деталей мне еще не сообщили, — начал путаться Харченко.

Георгий пронизательно посмотрел на него.

— А зачем вы мне это рассказываете? — спросил он. — Почему не арестовываете?

— Потому что пока доказательств нет. Но скоро будут. И, главное, нравишься ты мне, — решил Харченко врать до конца. — Может, ты и был преступник, но теперь-то исправился. И что получается? Получается, ты теперь за другого отвечать должен. Я бы на твоём месте скрылся.

Георгий думал тяжело и довольно долго. Спросил:

— А кто же будет отвечать?

— Найдется кому! — весело воскликнул Харченко.

— Нет, — сказал Георгий. — Пусть.

— Что пусть?

— Если я человека убил, я хочу это точно знать. Я хочу это вспомнить. Пусть мне будет плохо, но... Я недавно днем присел на солнышке отдохнуть и заснул. На бок свалился, отлежал руку. Стал ее шупать — ничего не чувствует. Потом отошло, конечно. А удобно ведь, да? Никакой тебе боли, хоть режь, хоть коли. Вот и память сейчас у меня такая. Анестезированная, можно сказать. Не хочу. Пусть будет больно. Я хочу отвечать за себя, понимаешь, лейтенант?

Лейтенант не понял.

И уехал в полном недоумении.

И, как только он уехал, появилась Татьяна. Она сразу же после разговора с Харченко закрыла магазин и побежала к Георгию. Увидела там машину лейтенанта, пережидала, прячась в кустах у забора.

Сразу же спросила:

— Что говорил?

— Что есть какие-то данные, будто я преступник. Будто человека убил.

— Врет! Если данные — пусть предъявит. Что еще говорил?

— Что мне надо скрыться. Я и сам начинаю думать... Чтобы тебя не подвести...

— Очень приятно! — иронически одобрила Татьяна. — Заказ взял, а не доделал, кто отвечать будет? Я! Потому что тут останусь. И хоть ты мне никто, а все-таки у меня живешь. Поэтому, кстати, меня Харченко и достает.

— То есть?

— Клинья он бьет под меня, а ты ему мешаешь!

— Вот оно в чем дело, — задумчиво сказал Георгий. —

В таком случае — грубо ведет себя. Прямолинейно.

Татьяна пожала плечами:

— А как он еще будет себя вести? Во-первых, мент, во-вторых — молодой еще. Он по-другому и не умеет. Короче, нет у него на тебя фактов, шантаж это!

— Может быть... — Георгий посмотрел Татьяне прямо в глаза, как он это иногда умел (и ее эти взгляды просто переворачивали), и спросил:

— А если я вдруг и вправду человека убил?

Татьяна горячо возразила:

— Ничего подобного!

— А если? Представь, что рядом с тобой — убийца.

Татьяна представлять не захотела.

— Какой убийца? Это ты-то? Ну, ладно, допустим, — пошла она на уступку, — что-то когда-то было. Но было в прошлой жизни! Это все равно... ну... — Татьяна искала сравнение и нашла. — Это все равно что во сне что-нибудь... Сам знаешь, какие бывают сны. И убить можешь и что угодно. Но это же во сне!

— Сны отражают наши тайные желания, — печально сказал Георгий.

Но Татьяна в этой мысли ничего печального не увидела:

— Ой, прямо удавиться из-за этого! Мало ли я чего желаю! Если бы было, чего я желаю, у меня бы каждый второй покупатель трупом бы стал — так иногда надоедают, особенно пьяные! Не в том дело, чего я там желаю, а как себя веду, правильно? Другой, может, желает всех вообще поубивать, но терпит, а другой едет себе спокойно на машине, никого не хочет убить, а ему старушка под колеса выскочила — задавил, убил, его в тюрьму. Понимаешь? То, что есть, это важно, а что мы там думаем — дело десятое!

— Так оно же есть! Только я не помню.

Татьяна не стала больше спорить. Сказала только:

— Не задерживайся сегодня.

— Ладно...

Чтобы не задержаться, Георгий ушел с работы пораньше — наметил зайти в поликлинику и побеседовать с психиатром Кобеницыным, если застанет.

Застал — и рассказал о своей душевной смуте.

— Допустим, я кого-то сильно обидел в прежней жизни. Или даже убил. И не помню. Это понятно. Но я и не чувствую. То есть — не могу представить, что я кого-то убил. Даже мысль об этом противна.

— И в чем вопрос?

— Вопрос: почему не чувствую? Ведь есть люди преступного склада, такой человек может убить, забыть, но он остается жить преступником. И при случае опять может убить. А я не могу. То есть я изменился, так? То есть, если сравнить, упал бандитом, встал честным?

— Не обязательно, — ответил Кобеницын. — Один и тот же человек в разных условиях может быть и одним, и другим, и третьим. Зависит от множества факторов. От личности тоже, конечно. Но еще и от социальной сабкции на убийство.

— Понимаю.

— Действительно понимаете?

— Конечно. В состоянии войны государство разрешает убивать. И это считается даже геройством.

Кобеницын порадовался, что в кои-то веки говорит с умным собеседником:

— Именно! Может выдать санкцию государство, религия, верней ее фанатики, крестовые походы вспомним или теперешний исламский терроризм, класс или партия, если это гражданская война, лично командир, главарь банды. В банде — бандит, дома — чудесный муж и отец, сколько фильмов на эту тему! А вы что-то вспомнили? — перешел он от теории к практическому вопросу.

— Нет.

— Разве? Говорят, занялись строительством. Значит, какие-то навыки вернулись?

— Не уверен. Я больше наугад.

— Но руки-то помнят, да?

Георгий посмотрел на свои руки:

— А черт их знает, что они помнят...

В этот вечер Рената Ледозарова, приехав к дому, увидела, что Георгия нет.

Кумилкин и Абдыков еще ковырялись на участке, что удивительно, ибо кто ж работает без бригадира, без начальства? Но было объяснение: Одутловатов сразу же после ухода Георгия сбегал за парой бутылок, они немного выпили. Да и разговор завязался интересный, потому что Одутловатова опять понесло в философию. Началось с пустяка: Кумилкин довольно криво уложил ряд керамических плиток на постаменте будущего фонтана и Одутловатов сделал ему замечание:

— Халтуришь, пельменник! — так он в шутку иногда называл племянника. За любовь к пельменям в том числе, но и по созвучию.

— Так все равно же они под водой будут! — отмахнулся Юрий.

— Вот именно, — согласился с напарником Абдыков. — И потом: не себе же делаем!

— А вот тут вы обои в корне не правы! — сказал дважды инвалид. — Смотрите сами. Насчет под водой — а когда воду будут спускать? И даже если не будут, человеку

приятно знать и представлять, что у него не только снаружи все красиво, а и внутри все прилично! Ну, вроде того, не только лицо побритое, но и печень в порядке, если сравнить. А если взять в срезе возможного исторического последствия и археологии? Вон, я читал, людей уже три тысячи лет как нет, а нашли всякую мозаику, откопали, в музей отвезли. И у нас так же: откопают через пару тысяч лет и ахнут — молодец, Кумилкин, как он плитку положил, надо же! Понял?

— Не свисти, — усмехнулся Юрий. — Откуда они узнают, что это я?

— А ты подпись поставь. Плиткой выложи.

— Еще чего!

— Боишься? Ясное дело — на такой косо́й поверхности не подпишешься! А ты делай так, чтобы подписаться можно было. Теперь насчет не себе, — перекинулся Олег Трофимович на Абдыкова. — Как это не себе? А кому?

— Заказчице, — ответил Абдыков.

— Ну, ей тоже. Но ведь ты пойми, ты положил плитку, кирпич, это ведь ты свою работу положил, ты самого себя положил, свою часть, она тут останется, так, нет?

Абдыков удивился неожиданному повороту и не стал спорить, ждал развития идеи. Одутловатов развил:

— Ты ушел, а работа осталась, то есть ты остался. Если работа хорошая, человек потом посмотрит и скажет: молодец, Валера! А если плохая, обругает: сволочь, Валера, гад, халтурщик. Понял? Тебя нет, а тебя помнят!

— А мне плевать! — не испугался Абдыков.

— Не скажи, — неожиданно присоединился Кумилкин к дяде. — Человек на человека даже на расстоянии действует. Он тебя ругает, а ты, хоть и не слышишь, споткнулся — и в яму. И не понимаешь, почему.

— Точно! — подтвердил Одутловатов. — Я вот думаю: почему люди не боятся плохо работать? Ведь результат остается, все на тебя злятся, каждый проклинает — из-за этого запросто может здоровье разрушиться!

— Поэтому мы все и больные, — сделал вывод Ку-милкин.

— А почему тогда в правительстве все здоровы? И вообще почему живы еще? Уж их-то целые миллионы поливают! — спросил Абдыков.

Все задумались.

И Одутловатов нашел разгадку:

— Наверно, вокруг них какую-нибудь электромагнитную защиту ставят. Или при каждом по десять психологических экстрасенсов. Отводят негативное излучение, которое на них идет от ругани людей.

Абдыков хотел что-то возразить, но не успел — как раз в это время появилась Рената.

Отчитав рабочих за безделье, она решила съездить домой к Георгию. То есть к Татьяне.

Ей давно уже хотелось рассмотреть поближе эту продавщицу и понять, почему Георгий живет у нее. То есть сперва наугад прибился, понятно (его историю она теперь знала), но почему не уходит? Что у них общего?

Георгий ей нравился все больше. А особенно нравилось в нем отсутствие прошлого. Она запоздало поняла: в мужчинах ее отвращает не их нерешительность, а то, что у каждого, даже из молодых, есть целая история жизни. Каждый приходит к ней с вереницей женщин-призраков, которые тянутся за ними, как баржи за буксиром — и пусть даже давно отцепились, но были же, были! Рената в детстве и ранней юности часто пользовалась подержанными вещами: рядом жила двоюродная сестра, старше ее на год и всегда больше ровно на размер, и Ренате прихо-

дилось вечно донашивать ее платья, джинсы и туфли. И на всю жизнь у нее выработалось отвращение ко всему старому, бэушному, как некоторые говорят, то есть бывшему в употреблении. Вещи — только новые. Квартира, а потом дом — с иголки, чистое новье. Машина — то же самое. Она даже брезговала торговать стоком, конфискатом, открывать секонд-хенды — не желала иметь дело с поношенным. Во всем ее доме, во всей ее жизни не нашлось бы теперь и двух предметов, которыми до нее кто-то владел бы. Она даже модой на антиквариат пренебрегала из-за этого.

Но вещи — это вещи, а среди людей невозможно встретить не подержанного, не бывшего в употреблении мужчину. Георгий был в этом смысле исключением. Ясно, что у него что-то было и кто-то был, но он-то ведь не помнит! Он не сравнивает, глядя на тебя, твое лицо, твою фигуру, твою душу, наконец, с чьими-то предыдущими, не перебирает мысленно: а это у нее лучше, а это хуже, а это похоже...

Рената приехала, когда Татьяна пришла с работы и кормила Георгия ужином.

Калитка была открыта, как и у многих это заведено на Садовой, поэтому Рената прошла к дому без стука. И в дом вошла тоже не стуча. Ей важно было застать их внезапно вдвоем: когда люди общаются без свидетелей, очень много можно понять, бросив один лишь взгляд на то, кто к кому как повернулся, как смотрит, как улыбается, как говорит, как молчит...

Но понять Рената ничего не смогла: Георгий сидел спиной к двери, а Татьяна в это время повернулась к плите.

— Извините, у вас открыто, — сказала Рената и тут же повысила голос. — Как это понимать, Георгий, не знаю, как вас по отчеству?

— Я сам не знаю. Присаживайтесь.

— Некогда! Почему ваши рабочие на объекте, хотя и бездельничают, а вы уже ушли? Три месяца будем копать?

— Мне отлучиться надо было, я в поликлинику ходил.

— Что, человек заболеть не может? — возмутилась Татьяна.

— Если серьезное что-то...

— Да ничего серьезного. Поужинаю сейчас и поработаю еще пару часов, раз уж это так вас тревожит.

Татьяна видела, что Ренату тревожит совсем другое.

Но промолчала.

— Это другой разговор! — согласилась Рената. — Я во дворе подожду.

Она вышла: слишком тесно, душно было в этом доме, низкий потолок давил на голову. Неужели она тоже могла так жить? Представить жутко...

— Раскомандовалась, — проворчала Татьяна.

— Имеет право, у меня перед ней договорные обязательства... Через пару часов вернусь.

— Да хоть до утра там вкалывай! — огрызнулась Татьяна.

Рената в машине извинилась:

— Ты не сердись, что я... Работа дурацкая, вся на нервах.

— Да ничего.

Георгий на самом деле не проработал и получаса. Рената вышла и сказала:

— Ладно, хватит. Пойдем, по коктейлю выпьем.

— Я не закончил еще.

— Успеешь. Обиделся, что ли?

— Нет...

Георгий пошел в дом.

А Татьяна, громыхая, мыла посуду после ужина.

И не домыла, бросила.

Стыдясь сама себя, вышла из дома и направилась на окраину, считавшуюся заповедной и экологически чистой, где стоял среди прочих дом Ренаты.

Сквозь кусты (обжегшись в крапиве), пробралась к дому с обратной стороны. Увидела — у дома никого. Посмотрела на часы: рановато еще заканчивать. Значит, не для работы увезла Георгия Рената.

Какое-то время она стояла здесь, неподвижно смотря на дом. Света еще не зажигали: темнеет поздно. И вообще — никакого движения. Но они где-то там...

Пошел мелкий дождик, Татьяна не сразу его заметила. Решила вернуться домой.

По дороге хлынул ливень, не просто хлынул, а обрушился водопадом, Татьяна в момент вымокла до нитки.

Прибежала, переоделась в сухое.

Дождалась детей.

— Только дождь вас домой и загонит! Быстро есть и спать! Я кому сказала! — прикрикнула она, хотя Толик с Костей и не собирались возражать.

Накормила, уложила.

Сидела у окна, ждала; дождь кончился, влажный запах земли и листвы напоминал почему-то о юности, отчего становилось еще горше.

Потом спохватилась, торопливо пошла в сарай, где собрала личные вещи Георгия (их уже скопилось некоторое количество) в большую сумку.

Поставила сумку прямо у калитки.

Поразмыслив (вдруг унесут), перенесла на крыльцо.

Но и оттуда взяла, внесла в дом и бросила у самой двери. Пусть наткнется, как войдет.

Время шло к двенадцати.

Спохватившись, Татьяна разделась и легла — будто спать.

Само собой, сна не было, а были горькие и сердитые мысли.

Она лучше меня, она моложе, богатая, образование высшее, самоистязательно думала Татьяна. Ну и пусть идет к ней. Я что, против? Она одна, ей скучно, а у меня дети — и больше никого не надо! Пусть хоть женится, флаг ему в руки!

Рената тем временем, разговаривая с Георгием на общие темы, параллельно размышляла, как ей поступить. Она вдруг поняла, что отказывала всем с первого предъявления не потому, что следовала принципу жизни ни на что не соглашаться сразу и ждать второго захода, и не потому, что чуралась подержанности, а — предъявители не нравились.

Она готова была сама проявить инициативу. И ведь умела это — в делах торговых или когда, например, хотела завести любовника. Но Георгий виделся не любовником, чем-то большим, в этом и проблема.

Впав в задумчивость, она не расслышала последних слов Георгия и не поняла, почему он встал.

— Что?

— Я говорю: пора.

— А чего торопиться? Ты человек свободный, неженатый.

— Работать завтра с утра.

— Выходной устрой себе. Тем более твои работнички вечером без тебя оттянулись, выпили, завтра с них толку не будет.

— Не знаю...

— Оставайся, — вдруг тихо произнесла, почти прошептала Рената, крутя вилку в пальцах и тыча ею в какой-то плод.

Георгий промолчал. По его молчанию и неловко застывшей фигуре было ясно, что смысл предложения Ренаты он вполне понял.

— В самом деле, — сказала Рената. — Дом у меня большой, места много. Поживи по месту работы. И тебе удобно... И мне будет с кем поговорить.

— Извини...

— Что? Не нравлюсь я тебе? — Рената отшвырнула вилку; она была готова к прямому разговору с прямыми словами.

— Нравишься.

— А в чем дело?

— Ты же не только пожить предлагаешь? — Георгий тоже решил высказаться без экивоков.

— Ну, не только. И именно предлагаю, заметь, а не прошу. На равных, по-современному. Или тебя смущает, что ты у меня работаешь, а я хозяйка?

Георгий не стал хитрить:

— И это тоже. Но — не главное.

— А что главное?

— Как я с тобой буду? Как кто? У меня даже имени нет. Есть, но чье-то... Ничего нет. Я же не просто мужик и тем более не животное. Если я с женщиной буду, мне надо знать, кто я.

— Зачем? — удивилась Рената. — Она действительно не могла понять, зачем. Когда она была с мужчинами, то, наоборот, рада была забыть себя. Станный этот Георгий...

— Не знаю, как тебе объяснить... Но я чувствую, что не имею права, пока не пойму, кто я. Потому что это ка-

кой-то обман. Буду с тобой как Георгий, Гоша, ландшафтный дизайнер, да и то самозванец, а окажется — бандит, руки в крови.

— Ну и что? То есть... Ладно, как хочешь.

Ренату утешило то, что дело не в ней. Психоз у мужчины, что ж поделаешь. Пусть вспоминает. От нее все равно не уйдет.

Войдя в дом Татьяны (он всегда показывался ей перед тем, как уйти в сарай), Георгий наткнулся в темноте на сумку и услышал тут же сердитый голос:

— Тише ты, люди спят!

— Это что?

— Вещи твои. Бери — и проваливай к ней обратно. Только не подумай чего-нибудь, плевать мне на нее и на тебя. А просто если уж человек в одном месте живет, то в одном. А если он начинает бегать туда-сюда... Не люблю.

— Таня...

Георгий подошел и сел возле постели Татьяны на пол. Взял ее за руку.

Она вырвала ее.

— Не цапай! Тебе одной мало? Гигант тоже!

После этого она застыла.

Ждала.

Слов или поступка. Показалось: наклонился. Сейчас поцелует.

Она закрыла глаза.

Но он наклонился потому, что вставал.

— К ней я не пойду, конечно...

— Тогда куда хочешь! Я в сарае разорила все, спать негде, а тут тем более нельзя. Все, разговор окончен!

Георгий молча ушел.

Таня всю бессонную ночь проревела. Кляла себя.

Утром вышла, заглянула в сарай. Георгия, конечно, нет.

Принесла воды из колодца.

Решила истопить баню. Смыть с себя ночные слезы, все с себя смыть, а хорошо бы — содрать мочалкой эту глупую бабскую кожу, которая так иногда горит и тоскует, будто ее нахлестали крапивой (той, что жгла ее вчера вечером).

Пока топилась баня, Татьяна заглянула в теплицу.

Георгий спал там на ящиках, подстелив ветошь.

— На работу не проспидь? — толкнула его в плечо Татьяна.

— А сколько уже?

Как-то утром работники пришли и ахнули: все было испорчено и поломано. Камни раскиданы, плитка разбита, саженцы повалены, ямы засыпаны, а в пруд не поленились натащить груды бытового мусора. Ледозарова второй день была в Москве по делам, не ночевала, поэтому никто ничего не видел.

Георгий позвонил ей, она приехала через два часа.

Ходила, смотрела, хмурилась.

— Или кто-то что-то имеет против меня, — сказала она, — или против тебя, Георгий. Против меня вряд ли — да и не так стали бы действовать. А против тебя — кто?

— Не знаю.

— А я, похоже, знаю!

И Ледозарова уехала.

Она направилась в городской отдел милиции, зашла в кабинет начальника Мартынова и через минуту вышла с ним, что-то ему на ходу объясняя. Повезла его в контору Бориса Удочеренко, владельца всего чиховского бизнеса по ремонту квартир и благоустройству придомовых территорий.

— Это ты на конкурента наехал? — спросил его Мартынов.

— Очень надо! — натурально обиделся Удочеренко. — Мелочь по моим масштабам!

— А кто?

— Понятия не имею!

Отвечая, Удочеренко переводил удивленный взгляд с Ренаты на Мартынова. Он явно чего-то не понимал в ситуации.

И Мартынов, человек опытный, это увидел.

— Мне кажется, ты что-то темнишь?

Удочеренко кашлянул:

— Нам бы отдельно поговорить, Виктор Павлович.

— Говори при ней!

— Не стесняетесь? Тогда, значит, ошибка вышла.

— Какая еще ошибка?

— Лейтенант тут меня навещал. Харченко. Сказал, что деятельность этого самого Георгия незаконная, вредная, но формально он прицепиться не может. И что будто бы вы тоже заинтересованы, чтобы эту деятельность прекратить.

— Я?

— Да. Ну, не прямо сказал, а... Вы это умеете...

— Кто — мы?

— Он. Умеет. Сказал, что надеется на содействие правоохранительным органам со стороны гражданских структур. Я подумал, что понял его правильно.

— Ты его понял неправильно! — отрезал Мартынов. — Я об этом первый раз слышу вообще!

— Тогда... Тогда извините, — сказал Удочеренко Ренате.

— А что мне ваши извинения? Там порушено все.

Мартынов приговорил:

— Посылаешь туда людей и восстанавливаешь, как было! В течение срока двух дней! Понял?

— Два дня — это...

— Что? Много?

— Да нет, хватит...

После этого вернулись в отдел. Мартынов попросил Ренату подождать во дворе (соблюдал все-таки приватность внутренней милицейской жизни, думал о чести мундира), а через две-три минуты во дворе появился красный Харченко и сказал:

— Не могла прямо ко мне прийти? Свои же люди!

— Да? А ты своих людей обгаживаешь — это как?

— Может, я тебя к нему ревную? — попытался отшутиться Харченко.

Тут на крыльцо отдела вышел Мартынов.

Харченко вытянулся и четко произнес:

— Гражданка Ледозарова, приношу вам свои извинения за необдуманные действия!

Мартынов удовлетворенно кивнул.

Рената уехала, а Мартынов, желая объяснить, что вынудил подчиненного унизиться для его же пользы, произнес небольшую задушевную речь:

— В жизни, Виталя, как в природе, естественный отбор. И если с зайцами или, допустим, косулями, все ясно — кто больной, слабый, того и съедят, то как, допустим, с волками, если их есть некому? С ними, Виталя, так: погибает тот, кто полез на добычу не по зубам. К лошади, допустим, подскочил, а она его копытом, или к быку, а он его рогом. Рассчитывать силы надо, Виталя, дружески тебе говорю! С этой Ренатой сам Тудыткин на Дне города под ручку прохаживался, ты соображай!

В обещанный срок работники, присланные Удочеренко, под руководством Георгия все исправили и восстановили.

— Ты могущественная женщина, я смотрю, — сказал Георгий Ренате.

— А то! Коктейль вечером выпьем — за здоровье могущественной женщины?

— Работы много.

Рената обиделась, но не подала вида. И вдруг предложила:

— А давай к моей маме заглянем? Она тоже хочет возле дома порядок навести. Посмотришь.

Мать ее, Ирина Сергеевна, действительно намеревалась последовать примеру дочери и что-то такое устроить возле своего небольшого дома, примыкающего к зданию ветлечебницы (само здание было городское, арендованное). Но Ренате еще хотелось просто их познакомиться. Показать матери первого мужчину, вызвавшего ее интерес, и узнать ее мнение.

Мнение было самое положительное: Ирина Сергеевна, белокурая полная дама, показывая Георгию подворье и слушая его рассуждения, начала как-то по-особенному

тоненько произносить шипящие звуки (это называют обычно неприятным и несправедливым словом «скюсюканье»), что бывало с ней крайне редко — она отличалась взыскательностью и придирчивостью не меньшей, чем дочь, поэтому и прожила в браке всего три года и больше в эти эксперименты не пускалась.

— Как он тебе? — потихоньку спросила Рената.

— Годится, — сказала Ирина Сергеевна. И это было высшей похвалой в ее устах.

А Георгий, осматривая территорию и рассуждая, все к чему-то принюхивался.

— Это от клиники наносит, — объяснила Ирина Сергеевна, заметив его реакцию. — И зверинец тут небольшой у меня.

— Где? — заинтересовался Георгий.

Ирина Сергеевна рада была показать свой зверинец — деревянное строение в глубине двора. Вела туда и рассказывала:

— По случаю все образовалось. Сперва один чудак крокодила завел. Пока был маленький — играл с ним, а когда тот ему чуть руку не оттяпал, выбросил на улицу в феврале. Хорошо, что мне позвонили. Еле выходила. Потом лису ребята принесли, напуганную, раненую. Тоже оставила. Енот живет, удавчик, две мартышки. Сброд всякий. Но я их люблю.

— Это что, — сказала Рената, — я знаю в Москве одного: купил четыре этажа в обычном доме, то есть квартиры друг над другом, и устроил дельфинарий. Жильцы жалуются, боятся — дом рухнет. А ему по фигу. Говорит: нет такого закона, что я из своей личной жилплощади не могу дельфинарий сделать. Не протекает — и будьте довольны, а протечет — отвечу!

Георгий осматривал зоопарк со странной какой-то

жадностью. Вдыхал запах, не очень приятный для постороннего человека, подолгу, как на давних друзей, с которыми давно не виделся, смотрел на удава, мартышек, лису. Особенно долго стоял у клетки с крокодилом. Крокодил, ставший уже матерой гадиной, неподвижно лежал в лохани с водой, закрыв глаза и сомкнув убийственные челюсти.

Он словно почувствовал взгляд Георгия: приоткрыл мертвые глаза, шевельнул слегка хвостом и начал приоткрывать пасть. Рената вскрикнула:

— Жуть какая! А чем ты кормишь его, мам?

— Куры, кролики.

— Никогда этого не понимала: держать одно животное, чтобы ему других скармливать.

— Природа так устроена, — улыбнулась Ирина Сергеевна.

Георгий тоже улыбался и бормотал:

— Красавец ты мой... Умница ты моя...

И даже начал тянуть руку сквозь прутья решетки, чтобы погладить крокодила. Тот замер и приготовился.

Рената испугалась и оттолкнула Георгия от клетки:

— Ты что? С ума сошел?

— Любите животных? — спросила Ирина Сергеевна.

— Не знаю... Похоже, да...

После этого они пошли пить чай. Георгий заинтересованно расспрашивал Ирину Сергеевну о животных, чем окончательно растопил ее сердце.

Уходили поздно.

Ирина Сергеевна, улучив момент, шепнула дочери:

— Не будь дурой, не упusti! Таких мужиков — один на миллион!

— Да сама знаю!

В машине Рената сказала Георгию:

— Ты, наверно, ветеринарный врач был. Или в цирке укротителем работал.

— Очень может быть...

Георгий был разнежен, почти умилен. Поэтому, когда Рената подвезла его к своему дому и предложила выпить по коктейлю, он не отказался.

И остался у Ренаты до утра.

И не то чтобы она ему очень нравилась. Сказать по правде, Татьяна ему нравилась больше. Он вообще к ней испытывал сложные чувства — близкие, возможно, прямо скажем, к любви. Но в том-то и дело, что людям такого необычного склада, как он, гораздо легче и проще переночевать с нелюбимой (или не вполне любимой) женщиной, чем с любимой. Потому что в первом случае это приключение, а во втором — поступок. К приключению Георгий чувствовал себя готовым, а поступков пока остерегался. Ответственности больше.

С утра он взялся за работу. Потом вознамерился идти к Татьяне.

— Это еще зачем? — спросила Рената, которая в этот день махнула рукой на все свои дела и либо отдыхала в доме, постоянно находясь возле окон, чтобы не выпускать Георгия из вида, либо слонялась по двору, как бы контролируя ход работ (близившихся к завершению).

— Вещи взять, — сказал Георгий.

— Какие вещи? Документов у тебя нет, а барахло твое ничего не стоит! Другое купим!

— Купить я сам в состоянии, — твердо сказал Георгий. — И надо же поговорить с женщиной. Нехорошо — жил у нее...

— Обойдется, говорить еще с ней! Или — только со мной. То есть в моем присутствии!

— Я пойду один! Ясно? — сказал Георгий, прямо посмотрев в глаза Ренате — так, как никогда и никто не смел на нее смотреть.

Она зарделась. И ответила:

— Ясно. Не сердись.

Георгий ушел, а она повалилась на диван и зарыдала в три ручья — впервые с того дня, когда получила четверку по сочинению на выпускных экзаменах, и это лишило ее надежд на золотую медаль, которую она уверенно собиралась получить, но помешали интриганы, гады, завистники, и в первую очередь директриса школы, которая в том году вручила дать две медали — родной дочери и племяннице районного прокурора. А третью медаль горно не выделило, имея свои квоты. И все это знали, и все смолчали... Обидно...

— Не вернется... — шептала Рената. — Не вернется!

И, не выдержав, она умылась, подкрасилась, подпудрилась, села в машину и помчалась к дому Татьяны.

Татьяне в тот день надо было на работу, но она не смогла пойти, позвонила хозяйину и попросила заменить ее ввиду болезни.

Ждала Георгия.

Чувствовала, что придет.

Знала, что изменил. То есть не изменил, она же ему не жена и не любовница, а... обманул? Оскорбил? Нет, все-таки изменил!

Откуда она это знала — мне не понять, хоть я и автор.

Татьяна готовилась выгнать его — навсегда.

Потому что нельзя так мучиться.

Она жила без него прекрасно, спокойно — и без него будет жить так же.

Детей услала в кино. Они удивились, но не дураки же, выпросили денег еще на воздушную кукурузу и сладкую воду.

Главное — без крика. Спокойно.

Уходи, мол, и никогда не возвращайся.

Чтобы занять себя, стала чинить старую паяльную или, как дети ее называли, *палильную* лампу — на днях

собиралась позвать специалиста забить откормленного борова, потом надо разделать тушу, пропалить шкуру, вот лампа и нужна.

Сходила, кстати, в хлев, где дала борову Тишке особенно много корма, сказав:

— Извини, брат, но завтра или послезавтра тебе каюк. Жалко тебя? Конечно. Но люди так устроены — им жрать надо. И жрут, и жрут... Не одну же капусту. Есть вегетарианцы, но я не знаю... Как без мяса? В нем протеин, жиры и еще что-то. Понимаешь? Так что не сердись. Эх, Тиша, Тихон, — почесала она бок борова, отчего тот хрюкнул, получив добавочное к пище удовольствие. — Ты вот в хлеву живешь, не разговариваешь, безмозглый вообще, хотя и не дурак, это правда. Ну и что? Другой в доме — а хуже, чем в хлеву. Разговаривает — а лучше бы хрюкал. И, главное, пользы никакой, наоборот, даже вред... До тебя тут Жиган жил, черный был, большой, одного сала бочку насолили огромную... А я с мужем жила бывшим, с Валеркой, собачились каждый вечер. Пособачимся — я к Жигану, плачу, как дура, все ему рассказываю. А он смотрит, как ты тоже иногда, и будто все понимает. Это до чего доехать, Тиша, ты подумай! От живого человека, от мужа — к свинье общаться уходила! То есть человек хуже свиньи оказался. Его бы, Валерку, прирезать, только бы все вздохнули с облегчением. Нет, нельзя — тюрьма будет. А тебя, такого хорошего, зарежем вот — и никакой тюрьмы. Как ты это оцениваешь, Тиша?

Тиша был увлечен едой и никак не оценил. Вернее, казалось, что оценил положительно. Не боится смерти тот, кто не знает о ней.

Татьяна, сидя за столом, возилась с лампой. Налила туда для пробы керосина.

Подкачала, попыталась поджечь. Никак. Встряхнула, осмотрела со всех сторон. Иголкой прочистила дырочку форсунки. Еще раз подкачала. Поднесла спичку.

Пламя полыхнуло чуть не на метр именно в тот момент, когда Георгий открыл дверь.

Он отшатнулся от огня, поднял руку.

И осел у косяка.

Татьяна закричала:

— Георгий! Гоша! Я не нарочно!

Когда Георгий открыл глаза, он увидел, что сидит у порога на полу в каком-то доме. Перед ним склонились две женщины. Обе красивые, одна полная, ярко одетая, с сильным запахом духов, вторая попроще, потоньше, а глаза у обеих похожи — расширенные, испуганные, ждущие.

— Вы кто? — спросил Георгий.

Часть четвертая

1

Рената перепугалась:

— Что с тобой, Гошенька? Тебе в больницу надо! Пойдем, я отвезу!

— Не трогай человека! — довольно резко сказала Татьяна. — У него уже все в порядке. Да, Георгий?

— Какой Георгий? Что происходит?

Георгий тряхнул головой, потер ладонями глаза, встал, осмотрелся.

Рената, увидев, что с ним действительно все в порядке — по крайней мере внешне, обрадовалась:

— Это оттого, что ты работаешь много. Да ночь почти не спал, — напомнила она ему, приятно улыбнувшись. И метнула, конечно, быстрый взгляд на Татьяну.

— Садись и поешь, — посоветовала Георгию Татьяна, проигнорировав этот взгляд. — А потом поспать хорошо бы.

— Здесь, что ли? — брезгливо огляделась Рената. — Он ко мне переехать собрался, между прочим. Какой ты встрепанный у меня! — Рената протянула руку к голове Георгия, но тот уклонился и сказал:

— Извините, я вас не знаю!

— Что?! Это у нас шутки такие?

— Какие шутки, не знаю я вас, сказал же!

— Вот мы как себя ведем! — закричала Рената. — Способ известный: сначала голову заморочил, залез в постель, вел себя безобразно, попользовался, а потом — ничего не знаю, ничего не помню! Дружок, со мной такие номера не пляшут! — Рената забыла о своей интеллигентности, которую так старательно в себе воспитывала, и перешла на привычный торговый лексикон. — Не хочешь по-хорошему, будет так, как я захочу, понял? Сейчас пойду на экспертизу к гинекологу, а потом со справкой — в милицию! И сядешь у меня за изнасилование!

— Очень красиво! — закричала и Татьяна. — Мужчину обманом затащила к себе, а теперь тюрьмой грозит! Ясно, он с такой шалашовкой только по решению суда будет жить! — она тоже перешла на знакомые и ей не хуже Ренаты торговые интонации. — Он со мной живет — нормально, как муж, поняла? А тебя просто пожалел один раз!

Татьяна брякнула это, то есть насчет того, что Георгий с нею живет как муж, не подумав. Мысленно охнула, но тут же решила: сказано — так сказано. Надо держаться теперь этой линии.

— Ах ты... — Рената набрала воздуха, чтобы выпалить все, что думает о Татьяне, но тут Георгий громко и внятно сказал:

— Помолчите обе!

Женщины умолкли. Смотрели на него. Вернее, всматривались.

В глазах Ренаты он остался прежним: сильным, разумным, уверенным.

Татьяна же видела больше. Если раньше Гоша был сперва сущим ребенком, потом превратился в порывис-

того недоразвитого человека с малоосмысленными поступками, потом — в задумчивого мужчину, решающего про себя серьезные вопросы, то теперь, она сразу поняла, стал уже человеком не размышлений, а дела. И Георгий это тут же подтвердил своим поведением.

— Так, — сказал он. — Без крика, без эмоций. Что случилось?

— Случилось то, что ты пошел за вещами, а она тут что-то с тобой сделала! — поторопилась объяснить Рената.

— Что сделала? — спросил Георгий.

— Ничего я не сделала! — отрицала Татьяна.

Она понимала, что Георгия в теперешнем состоянии интересуют не детали, а общее положение вещей. И поспешила это положение обозначить:

— Суть такая: ты сейчас опять потерял память. А до этого тут жил. У меня. Фактически моим мужем.

— Почему?

— Потому что тебя это устраивало.

— Да не устраивало его это! — возразила Рената. — Он ко мне собрался уйти!

— Он тебя не знает, ты разве не слышала? — напомнила ей Татьяна.

— А тебя?

— Конечно! — уверенно ответила Татьяна. — Ведь знаешь, Георгий? Да?

Георгий переводил взгляд с одной женщины на другую.

— Вас — точно не знаю, — сказал он Ренате. — А вас... Припоминаю...

— Ну, а я что говорила! — обрадовалась Татьяна. — Давай, садись, поешь — и окончательно все вспомнишь! Моего борща никто забыть не может!

Георгий, недоумевая, машинально сел за стол — не ради борща, а ради более устойчивого положения, потому что голова у него слегка кружилась.

Это прибавило Татьяне уверенности.

— Извините, до свидания! — сказала она Ренате. — Как-то странно вообще: в чужой дом ворвались, чужому мужчине претензии предъявляете! А если что было, то не придавайте значения, у Георгия случается: что-то сделает, а потом не помнит. Болезнь такая. А вы этой болезнью воспользовались!

Рената растерялась.

— Совсем ничего не помнишь? — спросила она Георгия.

— Нет.

— Нет, но как же... Так с тобой... Всю ночь... Ну ладно. Я никогда не напрашивалась! — вспомнила Рената наконец о своей гордости.

И, опустив руки, пошла к двери.

Там остановилась и, не оборачиваясь, жестко сказала:

— Работу чтобы закончил мне! В три дня!

2

Она вышла, а Георгий спросил:

— Какую еще работу? Женщина, объясните, как я сюда попал?

Татьяна объяснила. Она рассказала все, не упомянув только о деньгах, потому что не знала, как подступиться к этому вопросу, зато на свой страх и риск добавила то, чего не было:

— Ну, и получилось так, Георгий, что по причине, что тебя найти и опознать не смогли, ты тут остался, прижился, работаешь... Ну, как муж мне, получается.

Жили бы они где-нибудь в безлюдной глуши или на необитаемом острове, Татьяна могла бы сочинить Георгию вообще всё: дескать, как родился, так тут и находишься, и я давно твоя жена, и дети — твои. И были бы они счастливы всю оставшуюся жизнь. Но Чихов не безлюдная глушь и не остров, кругом соседи, они все Георгию объяснят и расскажут. Кроме, конечно, одного: кем он был по отношению к Татьяне, это дело личное, семейное, никому не известное, можно смело фантазировать.

Георгий выслушал и начал задавать вопросы:

— То есть я даже не выяснял, кто я?

— Почему? Мы к врачу ходили. Милиция розыск объявила.

— И?

— Результатов нет. Харченко Виталий, он этим занимался, начал сочинять, будто ты чуть ли не преступником был.

— Я?! Что за чушь!

— Думаешь, нет?

— Да быть того не может! Я совсем без вещей пришел?

— Совсем.

— И денег не было?

Опять эта тема...

Предыдущим Георгию и Гоше Татьяна соврала бы, а тут почувствовала — не может. Очень уж прямо и твердо смотрит мужчина. Такому не соврешь, а соврешь — тебе же будет неприятность.

Татьяна принесла из тайника деньги.

Георгий не удивился. Ворошил в руках.

— Было десять тысяч, я займы брала, но вернула, тысячу ты израсходовал, остальное цело, можешь посчитать.

Георгий быстро пролистал пачку, умело мелькая пальцами. Татьяна сама имеет дело с деньгами, но чтобы так ловко считали деньги, не видела.

— Больше не было? — спросил он.

Татьяна обиделась.

— Если ты думаешь...

— Не думаю, не обижайся. Просто ощущение, что было больше. Значит, куда-то раньше подевал...

— Что-то вспоминаешь?

— Не знаю. Мелькает что-то. Говоришь: я был обгоревший?

— Вроде того.

— Что-то было, да... Пожар какой-то... И почему Георгий?

— Ты на это имя отозвался.

— Может быть. Ну, пока пусть так.

Тут прибежали Костя с Толиком. Они сегодня ушли из дома чуть свет и три часа околачивались около магазина, где продавались велосипеды. Накануне Георгий выдал им зарплату (получил от Ренаты по договору за очередной этап выполненной работы), они присоединили эти деньги к накоплениям и решили, что пора уже что-нибудь купить.

Дождались открытия, стали выбирать.

Конечно, к таким велосипедам, которые рекламировались в журнале «Mountain Bike», они не могли и подступиться, но подобных и не было в чиховском спортивном магазине, стоял только один в витрине как рекламный экземпляр, заманивал и попусту дразнил.

И вот подлая штука: как какой велосипед понравится братьям, он оказывается обязательно дороже, чем они могут купить. И второй вопрос: взять ли на двоих один хороший или похуже, но обоим?

— Уж вещь так вещь! — рассуждал Костя. — Эти та-рахтелки, они не лучше наших.

— Как это не лучше? — не соглашался Толик. — Вот — пять скоростей все-таки. А у нас по одной. Ты сравнил!

— Пять скоростей по нашей местности — фигня! — морщился Костя. — Восемнадцать — как минимум!

— Рама, главное, крепкая должна быть. А то будет хоть восемнадцать, хоть пятьдесят — крякнется на первом камне!

— Так, — остановился Костя. — Мы что пришли покупать — велосипед или игрушку?

— Велосипеды, — уточнил Толик. — Два.

— Почему два-то? Лучше один, говорю тебе, но чтобы уж велосипед!

— А кто ездить будет? — ошетинился Толик, почувавший, чем все может обернуться.

— По очереди!

— Ага! Знаю я твою очередь! Тебе весь день, а мне полчаса!

— Гад буду, поровну! — клялся Костя.

Но Толик ему не верил.

Да Костя и сам себе не верил. Знал: стоит только сесть на такую красоту — силой не стонишь. Придется обидеть брата, а не хочется: он его любит все-таки, несмотря на несомненную вредность его характера.

Помог продавец, молодой человек, который, услышав разговор братьев, сказал:

— Мелкие, не загоняйтесь. Я вам так скажу: вот у меня был велик три на девять, двадцать семь скоростей. И толку? Я заметил: на трех скоростях гоняю, аж звездочки на них съело, а на остальные даже не переключаюсь.

— Три — это как-то совсем мало, — засомневался Костя.

— А вот, смотрите, пять. Девать некуда. Рама отечественная, на тракторном заводе делают, отличный металл, втулки из хорошего сплава, ободья на кочках не восьмерят — если только с разгону о стенку не стукаться.

Братья переглянулись. Цена указанных двух велосипедов была как раз такая, что денег хватало. И даже остаток намечался: взять большую бутылку сладкой шипучки и отметить.

...И вот они ворвались в дом, крича, радуясь, схватили Татьяну за руку, потащили на крыльцо — смотреть.

Татьяна вышла. Они вскочили на велосипеды и начали кружить, петлять, вставать на дыбы — хвастались.

— Спасибо, дядя Гоша! — закричал Костя.

Татьяна оглянулась. Георгий с улыбкой смотрел на пацанов.

— Мне-то за что? — спросил он.

— А они с тобой работали. Помогали. Ты им и заплатил.

— Да? Говоришь — ландшафтный дизайн? Ничего в этом не понимаю. Ладно, хватит лирики, пойдем разбираться.

3

У Татьяны было ощущение, что не она ведет Георгия, а он ее ведет. То есть идут рядом, вместе, Татьяна показывает дорогу, но при этом направляющая сила исходит от него.

Захватив из дома деньги, Георгий разменял пару сотен в первом же обменнике.

— Не люблю без наличности ходить.

После этого купил сигарет — самых дорогих.

Почувствовав жажду, купил бутылку пива — тоже самого дорогого. Впрочем, сделав два глотка, больше не стал:

— Теплое.

И сунул бутылку в урну.

И вот они опять в кабинете Кобеницына. Татьяна взяла на себя рассказ о случившемся.

— Как вы помните, у нас уже все стало налаживаться, жили, работали, все нормально, — начала она. Кобеницын не помнил этих подробностей, но кивнул. — А сегодня случайно огонь я на него направила, лампу паяльную чинила, ну и...

— Синдром Феникса! — радостно воскликнул Кобеницын. — То есть опять ничего не помните, Георгий?

— Нет.

— Что ж, придется по новому кругу. Задавать вопросы и приближаться к истине. Заодно сравним с вашими предыдущими ответами.

Кобеницын раскрыл историю болезни, которую он держал у себя, не отдавая в регистратуру.

Но Георгий не стал дожидаться вопросов, протянул руку:

— Разрешите?

Взял папку, внимательно читал.

Вернул:

— Ничего определенного. Синдром Феникса какой-то... А лечили как?

— Собственно, лечения как такового в подобных случаях не предусмотрено. Если бы у вас были нарушения, к примеру, вазомоторные реакции или...

— Что значит не предусмотрено? — перебил Георгий. — Есть же какие-то лекарства для стимуляции памяти! Потом — снимок сделать головного мозга, эту... Магнитно-резонансную томографию. Обследовать вообще. Вы это делали?

— У нас нет такого оборудования. И потом, обычно в таких случаях никаких патологий и нарушений нет, так что...

— Короче, лечения не было, — поднялся Георгий. — До свидания!

Он вышел, а Татьяна, задержавшись, торопливо сказала:

— Вы не обижайтесь, сами понимаете, кому понравится то и дело память терять. Вы как думаете, он когда больше настоящий был? Сейчас или раньше?

— Не знаю, — хмуро сказал уязвленный Кобеницын. — И он не знает. Кроме «эго» у человека есть «суперэго».

— Это как?

— Ну, есть человек как он есть, и есть человек как идеальное представление о самом себе.

— Ясно, — сказала Татьяна, ничего не поняв. Но переспрашивать не захотела — побоялась еще больше запутаться.

После этого пошли к Харченко.

— Ты вот что, — советовала по дороге Татьяна. — Ты лучше не говори, что снова память терял. Просто: как, мол, дела, как идет розыск? А если он начнет без доказательств к тебе что-то предъявлять, ты с ним строже.

Но Георгий не нуждался в инструкциях насчет строгости, и без того вел себя вполне уверенно.

— Вы куда запросы разослали? — спросил он Виталия.

Харченко удивился:

— Даже так? Я еще и отчитываться должен?

— Не отчитываться, а информировать. Не собака потерялась, а человек. И что у вас за информация о моей якобы преступной деятельности?

Недюжинное чутье Харченко всегда подсказывало ему (практически безошибочно), когда человек, разговаривающий с ним, имеет право требовать, а когда попусту хорохорится. Теперь он видел: Георгий не хорохорится, чувствует за собой правоту и силу (неизвестно, правда, откуда эти правота и сила взялись и чем подтверждены). Однако сдаваться лейтенант не собирался:

— Есть данные вообще-то.

— Какие?

— Проверяем.

— Значит, конкретных данных нет, — сделал вывод Георгий. — А подозревать можно кого угодно в чем угодно. (Харченко не мог не согласиться с этим.) Вы сами-то сделали что-нибудь по установлению моей личности? Женщина вот рассказала: я пришел пешком, обгоревший. Вы хотя бы узнали, может, где-то пожар был поблизости?

Татьяна насторожилась: произнесенное Георгием постороннее по отношению к ней слово «женщина» могло вызвать у Харченко ненужные сомнения.

Но тот не обратил внимания: задела его профессиональную честь.

— Вы не из бывших следователей, случаем? — спросил он.

— Я не знаю, из кого я, но порядки жизни мне известны! — ответил Георгий. — Если не хотите этим заниматься, я обращусь к вашему начальству, пусть примут меры. Вы, кстати, оформили это как-то? Или в устном порядке все происходит?

— А что оформлять?

— На вашем участке обнаружен человек с потерей памяти. Вы это как-то зафиксировали? Расследование начали? Или только в качестве личной инициативы запросы посылаете? Без отчетности?

Харченко и злился, и недоумевал. Он впервые видел человека, который требовал, чтобы на него завели дело и расследовали его жизнь. Жизнь всякого человека, знал Харченко, не безгрешна, и, если копнуть, непременно до чего-нибудь докопаешься. Следовательно, либо Георгий чист, что невозможно, либо он — значительная личность, хоть и не помнит этого. Шут его знает, может, он какой-

нибудь политик, миллионер или еще что-то в этом роде? Придет в память — так отомстит, что на всю жизнь хватит. С другой стороны, почему, если Георгий в самом деле значительная личность, его до сих пор не опознали? А потому, сам себе ответил Харченко, что запросы были по Москве и области, а страна большая. И еще вариант: исчезновения некоторых персон до поры до времени настолько не афишируются, что милиция получает указание от высокого руководства помалкивать. И на запросы не отвечать.

Пока Харченко собирался с мыслями, Георгий вдруг сменил гнев на милость.

— Я понимаю вас, конечно, — сказал он, оглядев скудно обставленный кабинет. — Служба трудная, финансирование плохое. У вас даже компьютера нет. Ты выйди-ка на минутку, — велел он Татьяне, — а мы тут побеседуем.

Беседа длилась около часа.

Наконец Георгий вышел.

— Подняли сводки пожаров по району, — сказал он. — Сейчас подадут машину, поедем смотреть. Может, что вспомню.

— Как ты его уговорил? — поразилась Татьяна.

— А я не уговаривал. Просто напомнил о должностных обязанностях.

И так Георгий это сказал, что Татьяна тоже вспомнила о своих должностных обязанностях: ей вечером на смену выходить, хорошо бы отдохнуть перед этим. Но очень хотелось поехать с Георгием, посмотреть. И на места пожаров, и на его реакцию. Поэтому она все-таки попросилась:

— Может, я с тобой?

— Зачем?

— Ну, как хочешь...

Вышел Харченко.

— Скоро там, Виталья? — спросил Георгий лейтенанта совершенно по-свойски.

— Шоферов нет.

— А сам не водишь машину разве?

— Вожу, конечно. Лишь бы в гараже свободная нашлась...

— Найдется! — уверенно сказал Георгий.

Татьяна пошла домой, дивясь.

Настроение было смутным.

Если перевести ее мысли в слова, то выразилось бы примерно следующее: что ж это такое? Доведешь мужика до ума, до кондиции — а он опять как бы исчезает! Опять все заново начинать! Надоест, пожалуй. А главное — ради чего? Чтобы он себя вспомнил? Ну — вспомнит. И уйдет. Как пить дать уйдет, вон у него какой настрой — сплошная энергия!

5

Весь день Харченко и Георгий ездили по местам пожаров, которые случились перед тем, как Георгий появился в Чихове. Осмотрели остов коровника в селе Жмыри, обугленную котельную в соседнем городе Кобельске, восстановленную уже почту в деревне Лиски, дачу в Коротаеве. Везде опрашивали людей. Безрезультатно. Ни Георгий ничего и никого там не вспомнил, ни его не вспомнили. Уже темнело, утомленный Харченко заскучал, запросился домой.

Георгий согласился, что за день все не осмотришь, договорились выехать завтра спозаранку.

И выехали — когда Татьяна еще не вернулась с ночной смены.

Объезжая сторевшие объекты, все ближе подбирались к Москве. Выдохся Харченко, выдохся шофер, которого лейтенант взял сегодня, помня вчерашние тяготы дороги, выдохся «уазик», все тяжелее мучаясь мотором на подъемах, только Георгий был если не свеж, то по-прежнему тверд и смотрел вперед целеустремленным взглядом, словно готов был хоть всю жизнь ездить, отыскивая самого себя.

После одного из подъемов машина забастовала, пар повалил из-под капота, шофер, взяв ведро, пошел в низину, где кустились невысокие деревья и предполагался ручей или болотце. Харченко сел на траву в тени машины, разулся.

По дороге приближался всадник на коне. Нет, всадница, разглядел Харченко. С интересом дожидался приближения. С разочарованием увидел: на коне веснушчатая и не очень симпатичная девчушка лет четырнадцати, плотная, плечистая. Крикнул ей — просто так, лишь бы убить время:

— У вас тут пожара нигде не было?

— Был! — улыбнулась девчушка замечательной белозубой улыбкой. И Харченко простил ее, подумав, что через пару лет из нее может получиться, пожалуй, девушка ничего себе. Он с этим уже сталкивался: бегают мимо соседка-школьница, платье болтается на ней — прильнуть не к чему, волосы пыльного цвета, опаленные солнцем блеклые ресницы глупо моргают... И вдруг из-за угла — девушка в расцвете прелести со всем тем, что так дорого сердцу и темпераменту Виталия. «Ты кто?» — изумится он. «Настя». — «Какая Настя?» — «Очень приятно, — девушка в обиде, — на соседней улице живу!» — «Надо же!» — «А что?» — «Да ничего», — отвечает Виталий, мысленно намечая новый объект — и душа дрожит от предвкушения и радости жизни.

— Был пожар? Где? — спросил Харченко, тоже улыбувшись.

— А на конюшне у нас. Вон там.

Примерно в километре виднелись строения.

Виталий, крикнув шоферу, чтобы ехал за ними, когда приведет в чувство машину, пошел с Георгием к конюшне.

Девушка медленно ехала рядом и рассказывала:

— Меня самой еще не было, я тут только полтора месяца. Хотя мне уже Аргуса дают, — похвасталась она, — а он не всех на себя берет, надо, чтобы характер был, он и понести может. А эта вот тоже новенькая, как и я, — хлопала она по шее лошади, — мы с ней друг другу сразу понравились!

— Ты о пожаре расскажи, — напомнил Харченко.

— Я и говорю — ничего не знаю. Сама конюшня не горела, а сарай, где овес, хомуты, ну, упряжь всякая, он горел.

— Жертв не было?

— Вроде нет. Подробностей я не знаю.

6

Дошли до конюшни.

Там было безлюдно, только какой-то старик чинил рессорную таратайку, расписанную узорами и цветами.

— Это на свадьбу некоторые берут, — не преминула пояснить словоохотливая девчушка. — Для оригинальности. — И крикнула: — Дед Борис, тут про пожар спрашивают!

Старик разогнулся, обернулся, приставил ладонь ко лбу, осмотрел в первую очередь милиционера по вечной русской привычке обращать сперва внимание на власть и начальство (ожидая подвоха), а потом и на гражданского человека. И удивленно воскликнул:

— Горелый? Ты живой?

Стали расспрашивать старика.

Выяснилось: весной, в начале мая, Георгий пришел неизвестно откуда. Был растерян, напуган, одежда подпаленная. Ничего не помнил. Ну, приютили его. А до этого тут подвизался на общих работах некто Гоша, малый лет тридцати, веселый, глупый и пьющий. Он погиб: мучаясь с похмелья, пошел на свалку, что за бугром, хотел собрать бутылок или цветного металла, чтобы сдать и

получить денег на выпивку, свалочный люд его поймал и забил до смерти за вторжение в их бизнес; они давно за ним охотились.

Поэтому дед Борис и приبلудившегося стал звать Гошей, тот привык. И еще — Горелым. Горелый неожиданно оказался сноровистым в обращении с лошадьми — что уход, что выездка. Остался тут. Документов никто у него не спрашивал: работает человек и работает. Жил при конюшне в сарае.

Сарай загорелся ночью, от сухой молнии, как выразился дед Борис.

— А какая еще бывает, мокрая, что ли? — спросил Харченко.

— Сухая — это когда дождя нет. Потрещит, бывает, посверкает, а дождя или нет или в сторону уходит. А в этот раз так долбануло, что сарай сразу вспыхнул. Мы тушить. Потуши его! — дерево да сено. Крыша почти сразу рухнула. Потом все разбирали, смотрели. Остатки твои искали, — рассказывал Георгию дед Борис. — Ничего не нашли. Решили, что сгорел без следа.

— Так не бывает, — возразил Харченко. — Кости остаются, череп.

— А ты откуда знаешь, горел, что ли? — с усмешкой посмотрел на молодого лейтенанта старик.

— Чтобы это знать, гореть не обязательно.

— Милицию не вызывали? — спросил Георгий.

— Зачем? Дело свое, личное. Позвали бы, начались бы вопросы: кто такой был, да то, да се. А мы и сами ничего не знаем.

— Наверно, я до этого в другом месте попал в пожар, — вслух размышлял Георгий. — Потерял память, пришел сюда, а тут опять пожар. Наверно, я испугался и убежал. Куда глаза глядят.

— Получается так, — согласился дед Борис. — На Карего не хочешь посмотреть?

— Карего?

— Карий, жеребец. У вас такая дружба была, прямо любовь.

— Посмотрю...

Георгий пошел в конюшню, а дед Борис, следуя за ним, говорил Харченко:

— У лошадей — как у людей. За другой кобылой или жеребцом ухаживаешь, кормишь, скоблишь, гладишь, а все равно рыло от тебя воротит. Не нравишься ты ему почему-то, да и все. А другой с первого раза на тебя глаз положит и ходит за тобой, как собака. Хотя собака глупей — кто ее первый возьмет, тот и хозяин, тот и друг. Карий как увидел Гошу, заржал — и все, любовь с первого взгляда!

Харченко никогда не был в конюшне и с интересом озирался. У каждой лошади свое стойло, огороженное крепкими досками. Сильный, приятный запах, не то что в коровнике — пахнет навозом, терпким потом, особенным кожаным духом сбруи. Тяжелое перетаптывание копыт, от которого земля подрагивает под ногами; ощущается мощь больших тел, созданных для движения, бега, но заточенных в узком пространстве.

Харченко вздрогнул: заржал конь в углу, забил копытами о настил, ударился грудью в загородку.

Георгий, растерянный, стоял перед конем, который высоко задирает голову и утробно, гулко ржал, обнажая крупные и страшные, как показалось Харченко, зубы. На стойле была табличка: «Карий» — и мелкими буквами другие данные, какие обычно бывают: мать-отец, год рождения, высота в холке, вес.

— А конюшня чья? — спросил Харченко. — А лошади?

— Конюшня Трегубского, есть такой человек, — охотно объяснил дед Борис. — А лошади по-разному. Половина общая, то есть того же Трегубского, на них девчонки в город ездят, людей катают. На это лошадей кормим. А есть лошади частные: человек коня покупает, платит за содержание, за фураж, а сам приезжает, когда хочет, и ездит для удовольствия. Если человек в городской квартире, а лошадей любит, для него это выход! В ванной же не поставишь! — засмеялся старик, хвастаясь тем, что, несмотря на возраст, сохранил остроумие. — Не поставишь же в ванной, — повторил он, — правильно?

— Правильно, — сказал Харченко, думая о том, что хорошо бы разбогатеть, завести личную конюшню или хотя бы купить коня вот здесь и приезжать к нему — чтобы ржал и радовался, как ржет и радуется этот Карий. И — по лугам, по утренней росе... Хорошо!

Харченко даже улыбнулся своим мыслям, хотя понимал, конечно, что конюшню он не заведет и коня не купит, это одно из обычных мимолетных приятных мечтаний, свойственных человеку, на тему «а хорошо бы...». Они быстро проходят.

— Да выведи ты его, он же все ноги обобьет! — крикнул дед Борис.

Георгий растерянно оглянулся.

Старик сам подошел, взял уздечку, влез на перекладину перегородки, взнуздal Карего и после этого вывел.

— Оседлать, может? — спросил он Георгия. — Или сам попробуешь?

— Попробую...

Георгий начал. Сначала сунулся руками не туда, не так, но вот стало получаться, Георгий заулыбался. Конь переступал ногами и фыркал.

Георгий, осмелев и освоившись, вздел ногу в стремя и махом взлетел на коня.

— Куда? Выведи сначала! — закричал дед Борис.

Но Карий уже нес Георгия к воротам. А балка ворот была — только лошади проехать, да и то, если не с поднятой головой.

— Убьет! — ахнул дед Борис. — Прыгай! Падай!

Но падать в узком проходе было некуда, только под ноги своему же коню.

Георгий в последний момент изловчился: обхватив руками шею Карего, рывком сбросил тело вбок, упираясь ногой в стремя. Если бы остался наверху — снесло бы. А так — тело пронеслось рядом с косяком ворот, не зацепившись.

Харченко и дед Борис выбежали из конюшни.

Карий нес Георгия галопом.

— Вот так, — сказал старик. — Вот тебе и любовь. Он ведь болел, когда Горелый исчез. Чуть не помер. Он же не знал, что не нарочно, что пожар, он думал — бросил его человек. И обиделся. Хотел ему отомстить.

— Ведь мог убить, в самом деле! — сказал Харченко.

— И были случаи! — подтвердил старик.

И Харченко мысленно отказался от мечты завести коня, и тут же почувствовал облегчение: всем нам приятно бывает узнать, что какая-либо наша мечта по какой-то причине неосуществима. Избавляет от ненужных хлопот и еще более ненужной тоски.

— Ничего, помирятся, — старик, шурясь, глядел вдаль, где по гребню холма Карий скакал уже не галопом, а рысью — и не сам по себе, куда попало, а по воле человека.

Татьяна, вернувшись домой после ночной смены, не обнаружила Георгия. Дети сказали, что сквозь сон слышали, как кто-то приезжал за ним.

Харченко, поняла Татьяна.

И стала ждать, занимаясь своими делами.

Уже стемнело, когда она услышала странные звуки — и почему-то сразу подумала, что это связано с Георгием.

Подошла к забору, увидела: Георгий едет мелкой рысью на огромном коне — таким он ей увиделся в сумерках.

Подъехал, спрыгнул.

— Это откуда? — спросила она.

— Купил, — сказал Георгий с некоторым смущением — будто удивлялся, зачем он сделал такую глупость.

— Чьи деньги, того и блажь, — пожала плечами Татьяна.

За ужином Георгий рассказал ей о результатах своих поисков.

— Только и узнал, что был конюхом, а как туда попал — опять неясно. Я чувствую, так оно и будет. В Москве начну искать — узнаю, что, например, бомжем был. А до бомжа, допустим, строителем из приезжих. А откуда

приехал, снова неизвестно. Я так могу до Владивостока доехать и обратно вернуться.

— Запросто. И что решил теперь?

— Договорились с Виталием — пусть организует расширенный поиск. А я пока поживу тут, если не против. Ведь жил?

— Жил...

— Кстати, помыться можно где?

— Баня есть.

Татьяна истопила баню, Георгий, напоив коня, дав ему сена и привязав у столба под крышей сарая, намылся от души, выпил чаю со смородиновым листом.

— Я тебя звал, — сказал он Татьяне, — а ты не слышала, что ли?

— Это зачем?

— Попарить веничком.

— Ага. Чужого мужчину?

— Минутку! Мы жили как муж и жена, сама сказала. То есть — до деталей, так ведь?

— Детали ему подавай, — проворчала Татьяна, холодея руками и горячая животом — как бывает, когда водки выпьешь, особенно если натошак. — Не так все просто. Раньше я к тебе привыкла, ты был уже свой. А теперь опять как чужой. Непонятно разве? А с чужим я не могу с первого раза.

— Так надо опять привыкать.

Георгий говорил это мягко, без хамства, с улыбкой, в которой Татьяна при всем желании не могла разглядеть пошлости, а видела только обещание нежности.

Но — как? Дети же за стенкой...

— Дети дома, — сказала она вслух.

— А раньше как?

— Ну... Там... Где ты спишь.

— В сарае? Тоже неплохо — там уютно.

— Перестань, даже обсуждать не хочу!

— Жаль!

— Охота вам, мужикам, вечно все обговаривать! — с досадой сказала Татьяна.

— А как еще? Мы же люди. Не в охапку же тебя брать и волочь. А то могу.

— Нет уж, спасибо, — отказалась Татьяна, думая, что в охапку взять и уволочь было бы предпочтительней. Ну, не уволочь, а как-нибудь... С посторонним разговором зайти в сарай, там как бы случайно обняться, потом не нарочно присесть, потом будто бы для удобства прилечь... А дальше как бы само собой...

Теперь поздно — Георгий упустил момент. Теперь ее в сарай не заманишь.

— Ладно, — сказал Георгий. — Ты только, если не трудно, выдай мне чистую простынку и прочее. После бани — сама понимаешь.

— Я и так собиралась, — сказала Татьяна.

Пошла в свою спальню за постельным бельем.

Вышла — Георгия нет.

Она что, прислуга ему? Сам бы взял и отнес.

Хотела крикнуть, но вспомнила, что дети уже спят.

Понесла белье в сарай.

Но и там Георгия нет.

Стала стелить.

Услышала негромкий голос: Георгий что-то говорил коню.

Потом стало тихо.

Так тихо, как не бывает.

Татьяна поняла, что это не вокруг нее такая тишина, а у нее просто заложило уши — то ли от страха, то ли от ожидания.

Георгий обнял сзади за плечи, задышал в шею:

— Таня...

Она рванулась. Думала — чтобы высвободиться. На самом деле — чтобы повернуться и обнять Георгия так крепко, что тот даже тихо охнул. И засмеялся.

...

— Вспомнил! — говорил он под утро. — Всю я тебя вспомнил!

— Не ври, — шептала Татьяна. — Не ври, ты не можешь ничего помнить.

— Почему это?

— Потому что не было у нас ничего!

— Врешь! — в свою очередь не верил Георгий.

Так они и говорили — веря, не веря, какая разница? Дело-то не в этом.

У нас так повелось, что отсутствие начальника есть повод для праздника.

К тому же Абдыков вспомнил, что остался жив, Кумилкин спохватился, не стал ли он, честный почти вор почти в законе, полным мужиком, достойным лишь презрения за свой мужицкий низкооплачиваемый труд, а Одутловатов всегда был готов соответствовать настроению той компании, в которой находился.

Пили по месту работы.

И она же, работа, была предметом обсуждения.

— Я бы не так сделал, — говорил Абдыков. — Места сколько пропадает, земли! Я бы сад тут посадил — яблони, вишни, груши!

— У нее детей нет, зачем ей сад? — не согласился Одутловатов. — Себе она фрукты и на базаре купит, деньги есть. Сад для детей нужен. Чтобы яблочко с дерева сорвать, вишенку. Приучаться к природе.

— Она сюда и не выходит, ей некогда. Лучше бы тут карусель поставить, всякие аттракционы, — выдвинул деловое предложение Кумилкин. — И деньги зарабатывать. Вот, кстати, — сказал он дяде. — Зачем нам с гостиницей

возиться? Снести все к чертовой матери, благоустроить — и сделать маленький детский парк! А?

Идея понравилась, стали ее обсуждать.

Через час распределили роли: Кумилкин составит бизнес-план, займется подготовкой и планировкой территории, Абдрыков пойдет в местные мастерские и там собственноручно сварит необходимые металлические конструкции, а Одутловатова пошлют по городу агитировать детей, чтобы не носились по улицам перед машинами, а шли бы в культурный парк культурно отдыхать.

Появившиеся Георгий и Татьяна разрушили их мечтания. Татьяна заранее сказала Георгию, кто есть кто, чтобы не возникало лишних вопросов.

Георгий оглядел территорию, развернул проектные листы, которые взял из дома.

— Наворочали черт знает что... — сказал он, имея в виду и проект, и его реализацию, но бригада приняла его замечание только на свой счет.

— Как сказали, так и наворочали! — отрезал Кумилкин.

— И ты не очень-то тут вообще! — поддержал Абдрыков. — В моем доме живешь, забыл?

Одутловатов промолчал, он единственный чувствовал себя виноватым. Мужики, да, выпивают, но они тут и работают, а он тут не работает, следовательно, и выпивать не имеет права.

Рената увидела Георгия из окна. Она в эти дни, отложив все дела, сидела дома — караулила.

Бросилась к зеркалу, осмотрела себя.

Вышла из дома, дав себе слово не кричать, не повышать голоса.

И, подойдя к Георгию (кивнув при этом Татьяне — сухо и коротко, но вежливо), сказала:

— Что там у вас с памятью — ваша проблема. Но рабочие пьют, дело стоит, договорные обязательства не выполняются. Штрафными санкциями пахнет.

— Можно договор посмотреть?

— Конечно!

Рената мигом принесла договор. Прежний Георгий, составляя его, подписал не глядя, суммы были обозначены символические, а неустойка за невыполнение — значительная. Рената рассчитывала, что Георгий сейчас напугается, тут же возьмется за работу, а Татьяна не будет же тут стоять надсматривать — уйдет. И рано или поздно Георгий опять заглянет к ней вечером, выпьют коктейля... И все повторится, но на этот раз она так просто его не отпустит. На три замка запрет, свяжет, а не отпустит. Впрочем, замков не понадобится: кто с нею хоть раз был, тот ее не забудет!

И не смущало Ренату то, что хватало в ее жизни примеров, когда бывшие с нею мужчины забывали ее и после раза, и после двух, и после пяти. Но она считала это случаями, случайностями и, главное, ей самой не очень хотелось этих мужчин оставлять у себя. И что сам Георгий ее забыл, тоже не смущало. Нас не только чужой опыт ничему не учит, но и собственный — до тех пор, пока не повторится многократно с одним и тем же результатом.

Георгий, просмотрев договор, сказал:

— Извините. Перечень работ обозначен очень условно. Легко доказать, что они уже выполнены. Штраф или неустойка не могут превышать сумму договора. Договор имеет печать не государственной регистрационной палаты или иного органа, а вашу личную, как индивидуального предпринимателя, меж тем вы заказчик в виде физического лица. Поэтому фактически я имею право прекратить работы в любую минуту и потребовать расчет.

Хотя сумма явно занижена. Причем составлен договор как посреднический от общества инвалидов, мы тут вообще ни при чем.

Абдыков, Кумилкин и Одутловатов слушали эту речь с приоткрытыми ртами. Ничего в ней не поняли, кроме того, что она разбивает претензии Ренаты в пух и прах. И сказали почти хором:

— Вот именно!

Рената тоже была ошарашена. Опомнившись, она заявила:

— Ни копейки не получите!

И в доказательство своих слов разорвала договор на мелкие клочки. Она ведь и сама знала, что это филькина грамота, которую можно было выдать за достоверную лишь в милиции (показав мельком), потому что на милицию любая бумага с печатью производит впечатление подлинного документа.

— И не надо нам твоих денег, свои есть! — гордо сказала Татьяна. — Правда, Георгий?

Ох, как бы ответила ей Рената в другое время, в другом месте и в другом душевном настрое! Но сейчас даже не осмыслила ее слов. Глядела на Георгия. И спросила жалобно, не стесняясь окружающих:

— Гоша... Неужели совсем ничего не помнишь?

— Извините, — сказал Георгий не слишком соболезнующим тоном. — Нет.

— Тогда идите все отсюда! — закричала Рената. — Проваливайте! Ничего мне не нужно от вас! Марш, добром прошу!

— Если добром считается, когда орут и денег не платят... — проворчал Абдыков.

— Чего?!

— Да ничего...

Для Татьяны настала счастливая жизнь. Она бросила работу в магазине и расширила парниковые площади. Георгий купил по ее документам (то есть для нее, в ее собственность) не новую, но крепкую «Ниву», идеальную машину по нашим дорогам, причем не ту, которая «нива-шевроле», гибрид-паркетник, а ту, единственную из отечественных, что полюбил весь русский народ (поэтому, возможно, и отняли ее у народа: отнять любимое — самая интересная игра власти в любой исторический период). Купили также и прицеп. Каждое утро Георгий грузил на прицеп зелень и овощи, Татьяна везла все это в Москву, сдавала, получала достойные деньги.

Между прочим, смерть кабана Тишки она отменила, вернее, отложила на неопределенное время — он стал чем-то вроде талисмана.

А Георгий разобрал и заново построил сарай, чтобы там мог поместиться Карий, и целыми днями возился с ним: чистил, холил, скакал на нем по окрестностям, купал в реке. Подумывал завести еще одну лошадь и вообще заняться частным коннозаводством. Купил и читал книги по этому делу.

А о том, кто он был и откуда здесь взялся, словно и не вспоминал.

Только иногда видела Татьяна, как останавливаются его глаза и смотрят в неизвестное пространство. И сердце ее сжималось предчувствием тоски, как писали в старинных романах, но я не вижу причины, чтобы и мне не написать то же самое в романе современном, сегодняшнем, ибо и сейчас сердца именно сжимаются именно предчувствием именно тоски...

И именно тогда, когда все хорошо.

10

Лидия, работая у очередной клиентки и разговаривая с нею, краем уха слушала включенный телевизор, где была передача «Жди меня».

И вдруг:

«Татьяна Викторовна Лаврина из города Чихова прислала фотографию человека, который потерял память. Кроме этой фотографии данных нет, предположительно имя человека Георгий. Покажите, пожалуйста, фото. Может быть, кто-то узнает, напишет нам или позвонит».

Лидия сперва застыла с ножницами, а потом бросилась к телевизору. Увидела фотографию Георгия, которую сделала Татьяна. На ней он был еще с бородой — таким пришел, а потом, это мы забыли упомянуть, сбрил ее и вообще ежедневно брился; видимо, к этому привык в предыдущих своих жизнях.

— Надо же... Все-таки показали! — ахнула Лидия.

— А я уже и забыла про письмо! — призналась Татьяна, когда Лидия прибежала к ней с этим известием.

— Дошла очередь, значит. Теперь жди да жди.

— Прямо уж. Может, никто и не узнает... Он там заросший весь...

Когда, через два дня, Татьяна увидела в калитке высокую, красивую девушку в легкой модной одежде и с нею мужчину лет тридцати, тоже высокого и с такими же, как у девушки, ярко-синими глазами, она сразу поняла — за Георгием.

— Здравствуйте! — энергично сказал мужчина, крепко сжимая руку девушки и этим призывая ее к спокойствию. — Вы — Татьяна Викторовна Лаврина?

— Я, — сказала Татьяна без голоса. И, кашлянув, повторила: — Я, а что?

— А где Виктор?

— Какой Виктор?

— Она еще спрашивает! — возмущилась девушка. — Делает вид, что ничего не понимает! Будто она ни при чем!

— Ксюша! — урезонил ее мужчина. — Я же тебе сказал: если бы она была при чем, она бы на телевидение не писала!

Ксюшу этот довод слегка утихомирил, но она продолжала враждебно и недоверчиво осматриваться, будто подозревала, что Виктора (то есть Георгия) где-то прячут.

А Виктор, то есть Георгий, в это время скакал в окрестностях Чихова на своем Карем.

Но мог вернуться с минуты на минуту.

— Так где Виктор? — спросил мужчина. — Это вот его жена Ксения Шумакина, а я ее брат Сергей, то есть шурин Виктора. Понимаете? Мы увидели фотографию, узнали Виктора, позвонили на телевидение, нам сказали ваш адрес. И вот мы здесь, как видите.

— Он уехал, — сказала Татьяна.

— Куда?

— Он... Даже и не знаю. В Москву, что ли... Вы зайдете вечером.

— Спасибо! — сказала Ксюша. — Мы тут подождем!

Но ждать не пришлось: в конце Садовой появился всадник на коне. Он спешился у дома Татьяны, весело бросил ей:

— Привет! — и стал открывать ворота, чтобы провести коня.

Для Ксюши и Сергея это зрелище было таким странным, что они молча смотрели, застыв на месте.

Георгий-Виктор, проводя мимо них коня, улыбнулся им и вопросительно посмотрел на Татьяну: что, дескать, за гости? (Про объявление в телевизоре Татьяна ему ничего не сказала, поэтому он никого не ждал, не был готов.)

— Это вот... За тобой... — сказала Татьяна.

И тут Ксюша заплакала. Подошла к Георгию (то бишь Виктору), обняла его.

— Витя! Как я измучилась!

— Да, брат, поволновались мы! — подтвердил Сергей, крепясь, но в заблестевших его глазах наливалась скупая мужская слеза. Впрочем, так и не пролившись, высохла: видно, человек был стойкий, выдержанный.

Георгий-Виктор в одной руке держал поводья, а другая была опущена. Он смотрел поверх головы склонившейся ему на грудь Ксюши.

Ксюша наконец почувствовала чуждость его тела, оторвалась, заглянула снизу, спросила:

— Неужели ты меня забыл? Витя?

— А давайте пообедаем! — предложила Татьяна. — Вы же с дороги!

Обедали — и Сергей рассказывал Виктору (теперь уж точно Виктору), как обстоят дела. Ксюша тоже порывалась что-то сказать, но не могла, тут же начинала всхлипывать.

Татьяна подавала и помалкивала. Она была в том, в чем возилась в саду: старые мешковатые джинсы, кофта до колен, на голове платок. Понимала, что выглядит замарашкой, но иначе выглядеть и не хотела. И добилась своего: ни Ксюша, ни Сергей не восприняли ее как женщину, говорили при ней свободно, как говорят при официантке в ресторане.

— Ты, значит, Виктор Жанович Шумакин, — рассказывал Сергей.

— Жанович?

— Да. Отчество такое. А Ксюха твоя жена вот уже третий год.

— Я не первый раз женат? — уточнил Виктор, глянув на Ксюшу, который было лет двадцать пять (и глянул, отметила Татьяна, с естественным мужским интересом — да и как без интереса смотреть на такую эффектную женщину?).

— Третий вообще-то, — сказал Сергей, хмыкнув, видя в этом некую веселость.

— Дети есть?

— Детей, извини, нет, — признался Сергей, будто был в этом каким-то образом виноват. — По причине твоей инфекционной болезни, перенесенной в юности.

— Ясно. Рассказывайте дальше.

Сергей рассказывал.

Виктор был сиротой и воспитывался в детском доме в окрестностях города Сарайска. При доме была секция дзюдо с приходящим тренером, Виктор проявил способности, побеждал на детских, затем на юношеских соревнованиях. Потом мелкая кража, еще одна, поимка на рынке, отправка в колонию. Там за драку Виктору добавили срок, из *малолетки* он перешел в колонию взрослую. Мог застрять в местах лишения свободы навсегда, получая все новые сроки, как это бывает со многими людьми его темперамента. Но встретил умного человека из бывших спортсменов, безрукого гимнаста, служившего в тюремной библиотеке (записывал книги в формуляры зубами, то есть ручкой, зажатой в зубах), он приохотил Виктора к чтению, разговаривал с ним. Объяснил, что в этой жизни воровать воровскими способами давно уже невыгодно, лучше воровать честно, занимаясь, к примеру, политикой или бизнесом.

И Виктор, отбыв очередной срок, будучи еще молодым человеком, поступил учиться заочно в сельскохозяйственный институт (там не было конкурса). Занялся, имея смекалку и ум, бизнесом.

— Каким? — спросил Виктор.

— Ну, бизнесом вообще.

— Банковское дело? Производство? Торговля? Какой бизнес, конкретно?

— Витя, разве это важно? — спросила Ксюша.

— Очень важно, Ксюша, — ответил он ей.

Ксюша вся так и засветилась: по имени назвал!

Татьяна отвернулась.

— Ну, Витя, я, ей-богу, не знаю! — развел руками Сергей. — Бизнес, он и есть бизнес. Деньги делал.

— Из чего?

— Из всего.

— Так, ладно. Что дальше?

— А что дальше? Ты — доверенное лицо губернатора.

— Это должность такая?

— Нет. Скорее неофициальный статус. Когда-то это называли: чиновник для особых поручений, — блеснул эрудицией Сергей.

— Вам это известно?

— Давай на «ты», а то я стесняюсь, — сказал Сергей. — Почему же неизвестно, я исторический факультет закончил. А Ксюша биолог у нас.

— И какие у меня были особые поручения? — спросил Виктор.

— Разные...

Сергей посмотрел на Татьяну.

— Говори, при ней можно, она мне...

— Я ему хозяйка тут, — торопливо сказала Татьяна. — Как даже нянька. Он же как малый дитя совсем был, вот я и ухаживала, потом он помаленьку начал память возвращать, в смысле повзрослел, а все равно много чего не понимает, вот мне и приходится... Ну, и он кое-что помогает, муж у меня больной, он в отлучке сейчас, — рассказывала Татьяна, стараясь казаться проще и неграмотнее, чем была на самом деле.

Виктор слушал ее, постукивая пальцами по столу и не поднимая головы. Но Татьяна уже хорошо его знала,

ей не надо было заглядывать ему в лицо, чтобы увидеть, что он все понял правильно.

— Да, — сказал Виктор после паузы. — Так и было. Рассказывай, Сергей.

Сергей рассказал.

Последнее поручение было: отвезти энную сумму в Москву некоему министру, чтобы тот кое в чем помог Сарайской области и ее губернатору, что одно и то же. Абы кого с такими поручениями не посылают. Шумакину дали двух сопровождающих, крепких парней из личной охраны губернатора. Остановились они в сарайском представительстве: губерния имеет в Москве свой особняк. Виктор должен был назначить министру встречу, причем министр требовал, чтобы никаких свидетелей. Предположительно, свидание должно было состояться ночью где-то на глухой улочке в окрестностях представительства. И как раз этой ночью здание загорелось. И Виктор бесследно исчез. Вместе с деньгами. И неизвестно, успел ли он передать деньги или нет. Вопрос этот очень волнует губернатора Затыцкого и других приближенных к нему людей.

— Боитесь, не передал? — спросил Виктор. — Сбежал с деньгами?

— Боимся — передал. Суть в том, что министр через неделю после пожара угодил под следствие. Разгребают до сих пор, нашли много наличности — в чемоданчиках деньги лежали и в сейфах, будто в камере хранения. Некоторые чемоданы он даже и не открывал, зараза! А дело ведут такие умельцы, что докопались до происхождения уже многих денег, и у многих больших людей — большие неприятности. Затыцков ждет — вот-вот очередь дойдет до него. Одна надежда, Виктор, что ты эти деньги проиграл. Любил ты это дело, но, правда, играл всегда только на свои.

— А я это знала, — утирая слезы, вступила Ксюша, — и позаботилась. Подумала — вдруг тебя занесет, вдруг все проиграешь, я тебе на крайний случай в куртку, в воротник, где капюшон, зашила десять тысяч. Позвонил бы мне, а я бы сказала. Ты их нашел?

— Нашел... А почему меня в розыск не объявили?

— Какой розыск? — удивился Сергей. — Наоборот, мы всем говорим, что ты тяжело болеешь и дома лежишь. Потому что, пока насчет денег не выяснили, лучше, чтобы никто ничего не знал. Пробовали, правда, в московских казино выяснить, был ли где-то большой проигрыш в это время, но они разве скажут! Так что, Виктор, очень надо вспомнить, куда делись деньги. Если успел отдать — плохо, если проиграл — тоже плохо, но уже лучше. А самый замечательный вариант — если бы у тебя их украли. Мы охранников допросили, конечно, и всех прочих. Безрезультатно. Ну? Не помнишь?

— Я насчет своей жизни ничего не помню, а ты — деньги! — раздраженно сказал Виктор.

— Одно с другим связано, — примирительно улыбнулся Сергей.

— А я никого не убил в своей жизни? — задал неожиданный вопрос Виктор.

Сергей даже засмеялся:

— Ну, ты спросил! Успокойся, как ни странно, никого не убил.

— А что ж странного?

— Да ничего. Просто в твоём окружении мало людей, которые никого не убивали. Всем приходилось — либо лично, либо при посредстве.

— Хорошее окружение! — иронично отозвался Виктор.

— Время такое было, — списал на время Сергей, как списывают и все прочие.

Виктор задавал еще вопросы.

— Я строителем работал когда-нибудь?

— Нет.

— В футбол играл?

— Разве только в детдоме. На физкультуре.

— Животные в доме есть?

— У тебя на них аллергия. В смысле — на кошек и собак.

— Да? Не замечал. И лошади не было?

— Нет. Ты сроду на лошади, насколько я знаю, не сидел, — отвечал Сергей.

— А что мы тут разговариваем? — спохватилась Ксюша. — У нас самолет вечером, в восемь часов! Собирайся, Витя!

— Что, и билет взяли?

— Конечно.

— По какому документу?

— По паспорту, — Сергей выложил на стол паспорт. —

Восстановить с нашими связями — левое дело.

Виктор раскрыл его, рассматривал.

— А кто такой Мушков? — спросил он.

— Понятия не имею, — сказал Сергей. — Ксюша, ты не знаешь?

— Никогда не слышала. А кто это, Витя?

— Сам не знаю.

Татьяна пошла в хлев — задать корма Тишке.

Сказала ему:

— Ну все, хватит. Сегодня же приглашу Митрюхина, пусть тебя режет. Хоть ты и хороший, а все равно свинья. А свинье свинская участь, понял? Сожрут тебя. Обидно? А почему? Чем ты лучше других? Других свиней режут, а тебя до старости кормить? До естественной смерти? И кому от этого польза? Тем более — станешь старый, будешь болеть, мучиться, а тут чик по горлу — и даже не заметишь. Митрюхин хорошо режет, ты не бойся. Он, говорят, не ножом и не топором, а такое у него длинное шило. Он им сунет в сонную артерию — и все. И отправишься в свой свинячий рай, прости меня, Господи. Надо, что ли, лампу опять проверить...

Она долго уже отсутствовала.

Она знала, что Георгий, то есть Виктор, будет ее разыскивать, чтобы проститься. И зайдет сюда.

Она знала, как поступить.

Если он сейчас уйдет от нее, все помня о ней, это больно. Пусть уйдет без памяти. Ты человека помнишь, он тебя нет — это все равно что человек умер. А об умер-

шем можно лишь тосковать, но нельзя надеяться на его возвращение. Тосковать Татьяна была согласна, надеяться — нет. С ума сойдешь.

Она разожгла лампу.

Увидела в щель: Виктор идет к хлеву.

За ним, ни на шаг не отставая, шла Ксюша.

— Татьяна! — окликнул Виктор.

Татьяна промолчала.

Виктор открыл дверь, заглянул, увидел Татьяну, вошел.

А Ксюша, зажав нос, закричала:

— Виктор, выйди оттуда! Ты провоняешь весь! Ужас!

И, не в силах стерпеть запаха, отбежала от хлева.

— Ну что ж, Таня... — сказал Виктор.

— До свидания, всего хорошего, — заторопилась Татьяна. — Вы бы забрали все свое. Машину, другие вещи. Велосипеды у пацанов можете взять в счет денег.

— Не стыдно тебе? Ты знаешь, я бы остался... Но каждый человек должен жить своей жизнью, а не чужой.

— Зачем вы мне это говорите? Не надо мне ничего говорить! Слава богу, не дура, все понимаю! — говорила Татьяна, не поворачиваясь к Виктору.

Лампа стояла перед нею на ящике, из форсунки выбивалось небольшое пламя.

Татьяна схватила лампу, подкачала несколькими резкими движениями, направила на Виктора, тот отшатнулся. Она подскочила ближе, почти опалила лицо.

Виктор ударился спиной о стену, осел. Закрыл глаза.

Все, как обычно.

Татьяна погасила лампу, ждала.

Тихонько постучала Виктора по щекам.

Он открыл глаза.

— Здравствуйте, — сказала Татьяна. — Объясню: вы потеряли память. Оказались здесь, у посторонней жен-

щины, то есть у меня. Но вам повезло, вас нашли ваша жена и ее брат. Они вас ждут.

— Хватит дурить, Татьяна, — сказал Виктор. — Все я помню. Какие-то эксперименты проводишь. Зачем?

— Чтобы ты меня забыл. Хотя — и так забудешь.

— Таня... Ты не представляешь, как я благодарен...

— Слушайте, езжайте уже! — закричала Татьяна.

Виктор не понял ее грубости, даже слегка обиделся. Он просто не знал, что нет для женщины ничего нестерпимей, чем благодарные слова мужчины при уходе. Когда он ругается на пороге, проклинает и обвиняет во всех грехах — это понятно, это обидно, но не оскорбительно. А когда вот так вот рассусоливает — дескать, ты славная, хорошая, но... — убить хочется. И задать вопрос: если я такая славная и хорошая, чего же уходишь?

Ехали в машине (Сергей нанял такси до самого аэропорта), сидели в зале ожидания, летели в самолете — Виктор все спрашивал и спрашивал, желая узнать о себе как можно больше. А Ксюша не сводила с него глаз и постоянно держала его за руку, что Виктору было не только не стеснительно, а очень даже наоборот: он видел, что все окружающие смотрят на Ксюшу — хороша женщина! Стройная, стильная, голову держит высоко, а глаза той самой глубокой голубизны и загадочности (с темноватыми тенями на веках, что делает их еще глубже), какая заставляет мужчин чуть ли не скрежетать зубами на тему: «Почему не моя?!»

Прилетели.

На автомобиле с затемненными стеклами отвезли Виктора за город, где было его поместье в элитном поселке — среди прочих таких же теремов.

— Неплохо живешь, а? — спросил Сергей зятя.

Виктор оглядел дом и пространство перед ним: дорожки, елочки, декоративный пруд. Ему понравилось. Спросил только:

— Сам делал?

— Ты-то? Ты, извини, хоть и детдомовский, а неприспособленный ни к чему. Гвоздя вбить не умеешь. Если и работал руками, то когда своим дзюдо занимался. Ладно, отдыхай, наслаждайся, а завтра я к тебе целый консилиум привезу. Лечить тебя будем. Новейшими методами.

Ксюша при слове «наслаждайся» даже вздрогнула.

Она ждала ночи.

Она надеялась, что ночь все поставит на свои места.

И все было, в общем-то, славно, хорошо, бурно. Но когда утром Сергей, живший в этом же доме на третьем этаже, спросил томно-утомленную и сладко потягивающуюся сестру с родственной фамильярностью:

— Ну, что? Накушалась секса? — она ответила:

— Накушалась. Но как-то все по-другому. Будто с чужим мужчиной переспала.

— Мужчина-то ничего?

— Более чем!

— Ну, и слава богу, — поразился брат за сестру.

Приехал консилиум: доктор медицинских наук, главврач клиники, и два кандидата. Говорили они с Виктором долго, подробно обо всем расспрашивали. Особенно интересовались огнем:

— Значит, как только вспышка или пламя — все забываете?

— Забывал. А последний раз не подействовало.

— При каких обстоятельствах? Огонь возник неожиданно или вы его видели заранее?

— Вообще-то видел.

Виктор усмехнулся каким-то своим мыслям.

Врачи насторожились:

— Еще какие-то детали?

— Она хотела, чтобы я ее забыл, — сказал Виктор, не глядя на врачей и как бы не им объясняя, а себе. — Но, видимо, я не захотел. Поэтому и не отключился.

— Кто — она?

— Это вас не касается.

Врачи переглянулись.

Вывод консилиума оказался таким же, к какому пришел чиховский психиатр Кобеницын: органических нарушений нет, это видно без всяких томограмм и энцефалограмм, классический случай ретроградной амнезии, возникшей по причине аффекта, связанного, скорее всего, с огнем, показаны психотерапевтические беседы и общеукрепляющее лекарственное лечение.

— Витамины, что ли, пить? — спросил Сергей, которому врачи повторили свой диагноз.

— В том числе, — ответил главврач и сделал значительную паузу, означающую, что разговор окончен и неплохо бы теперь получить гонорар.

Каковой и был незамедлительно получен.

В тот же день, вечером, состоялся высочайший визит губернатора Затыцкого, следовавшего в свои угодья на берегу реки Волги. Случай, конечно, беспрецедентный, но Виктора не хотели никуда вывозить, чтобы его не видели не только посторонние люди, но даже и сотрудники губернаторского аппарата.

Губернатор обнял Виктора и слегка прослезился. Очень уж его нервировала неопределенность с проклятыми деньгами для министра, а теперь — хоть какая-то ниточка.

Но ниточка никуда не вела: Виктор еще ничего не вспомнил. С губернатором общался очень уважительно, понимая, кто он. Но только понимая, не более. Затыцков, заметив это, разгневался:

— Что ты меня рассматриваешь, как клоуна в цирке?

— Амнезия, — негромко сказал Сергей, оправдывая зята и надеясь, что врачебный термин подействует на простонародного губернатора, который очень уважал все научное и сам был доктором экономических наук, хотя диссертацию, естественно, не писал. И даже не скрывал этого, говоря остепененным экономистам: «Я, в отличие

от вас, лохов, экономику на ощупь знаю, а вы мне формулы тычете!»

На этот раз ученое слово не произвело эффекта.

— Какая амнезия? Он папу-маму может не помнить, а меня — должен помнить!

На этом рассерженный губернатор свернул визит.

— Амнезия! — сановито бурчал он, сходя с крыльца дома. — Я тоже полмиллиона украду и скажу, что амнезия!

— Лучше бы уж он украл, — заметил пресс-секретарь Затыцкого, умница и эрудит Дмитрий Башловитый.

Губернатор вспомнил суть проблемы и согласился:

— Да уж. Не обеднели бы...

Виктор все выспрашивал у Сергея, каким он бизнесом занимался. Но Сергей так и не смог объяснить ему.

— Ну, дела делаешь, с людьми встречаешься.

— Какие дела, с какими людьми?

— Откуда я знаю? Я при тебе всего лишь консультант по пиару, имиджу и общим вопросам. Да еще статьи пишу за тебя в газеты. Ты же у нас публицист. Будущий лидер областного отделения партии.

— Какой?

— А какая будет правящей к следующим выборам.

— Хорошо. Но в какой сфере у меня бизнес — хотя бы приблизительно?

— Да во всех. В человеческой, я бы сказал.

— То есть?

— Ну, решаешь вопросы.

— Какие?

Сергей не знал, что ответить.

Суть в том, что в России помимо людей, занимающихся действительно практическим бизнесом, то есть

спекулирующих нефтью, газом, продуктами, лекарствами, ширпотребом, алкоголем (не путать с производством вышеназванных вещей, это не бизнес, а именно всего лишь производство, на нем сидят другие люди), есть огромное количество предприимчивых господ, которые «делают дела» в чистом виде. Они ничего не производят, не продают и не покупают, они даже не выращивают деньги из собственно денег. Им их дают. За что? А за то, как правильно выразился Сергей, что они «с людьми встречаются», «решают вопросы» и «утрясают проблемы».

А еще Виктору захотелось вдруг найти маму.

— Какую маму? — удивилась Ксюша. — Ты же сирота!

— Это ясно. Но не от плесени же я завелся, от женщины родился.

— Ты уже пробовал выяснить, в детдоме не нашли никаких документов.

— Еще попробую.

И Виктор уговорил Сергея свозить его в детдом.

Детдома не оказалось: здание обветшало, его снесли, чтобы построить новое. И построили, но в другом месте и с другим персоналом, потому что прежние работники были местными и сниматься с родовых гнезд не пожелали.

Отыскали бывшего директора детдома Яковлева Романа Матвеевича.

Тот, уже дряхлый старик, не узнал Виктора, о его матери тем более ничего не мог сказать.

— Но откуда-то я здесь взялся?

— Документы надо смотреть.

Поехали в новый детдом за сорок километров. Молодая директриса, запуганная с одной стороны детьми, а с другой бесконечными проверками, к посетителям отнеслась как к начальству (а кто же они еще, приехавшие на серебристом «Мерседесе»?) и выдала все документы.

Там не было ничего особенного, кроме акта приема с записью: «Сдала в качестве подкинутого ребенка Суровцева Екатерина Петровна, г. Сарайск, ул. Протечная, д. 12. Записан на фамилию предположительного отца Шумакина Жана, отчество неизвестно. Зарегистрирован: Шумакин Виктор Жанович».

— А я все думал, откуда такое отчество? — сказал Сергей. — Да и у папаши твоего, надо полагать, это было не имя, а кличка.

Поехали в Сарайск, нашли улицу Протечную, дом двенадцать. В доме было грязно и бедно, копошилось человек десять разнополого и разновозрастного народа, все пьяные по случаю субботы. Впрочем, был бы вторник, можно было бы сказать — по случаю вторника. Единственный более или менее трезвый человек лет шестидесяти (он просто только что проснулся и не успел еще опохмелиться), назвавшийся Леонидом Ильичом, на вопрос о Екатерине Петровне заплакал и сказал:

— Схоронили мы маму! Пять лет назад!

— Шесть! — возразил бас с пола.

Виктор и Сергей вгляделись: под столом лежал подросток лет четырнадцати.

— Пять, говорю! — упрямылся Леонид Ильич.

— Щас вот уе. по е.¹ — сказал подросток, не смущаясь тавтологией. — Сразу вспомнишь!

— Ты на отца? — закричал старик. — Мразь!

И пнул ногой малолетнего сына.

Тот захохотал, приняв за юмор.

— А нет ли фотографии? — спросил Виктор.

1 Автора могут спросить — почему, дескать, Татьяне он разрешил ругнуться во весь голос, внятно, а подростку не позволил, поставил стеснительные точки? Объясняю. Я упорно считаю, что материться в публичных местах нехорошо, а литература — публичное место. Дети тут бывают. Трепетные седые мамы. Скажете: будто дети не слышали, будто мамы не знают! Пусть слышат и знают — но не от меня. И не от моих персонажей. Поэтому, если я допускаю ругань, то в крайних, необходимых случаях. А уж подростку точно не дам выругаться, как бы ему ни хотелось. — *Примечание автора.*

— Была где-то.

— Найдите. Бутылку водки дам.

И тут же население дома закопошилось, ища фотографию. Ругались, царапались, отгаскивали друг друга, толкались. Не нашли.

— На кладбище есть, — вспомнил Леонид Ильич. — На памятник ее клеили. Ну, на эмаль свели, а саму фотографию, боюсь, в похоронном бюро так и оставили.

Многие тут же вызвались проводить на кладбище, но Виктор разрешил только Леониду Ильичу.

На кладбище долго плутали.

— Здесь где-то было. Точно помню, — бормотал Леонид Ильич.

В результате нашли метрах в трехстах от того места, что он точно помнил.

Ржавая ограда, ржавый покосившийся крест, сваренный из водопроводных труб. К кресту прикручена проволокой овальная эмалевая табличка, на которой, как ни удивительно, сохранилось вполне ясное изображение Екатерины Петровны.

Леонид Ильич лег возле ограды и заплакал.

— Дайте выпить, — зарыдал он, — а то умру с горя!

Дали.

— Кого-то она мне напоминает, — сказал Сергей.

— Меня, — ответил Виктор.

Сергей посмотрел:

— А ведь точно!

Известное дело: укажи на сходство двух людей постороннему человеку — и он его найдет и увидит. На самом деле Виктор сразу понял, на кого похожа Екатерина Петровна. На Татьяну.

— А скажи, — обратился он к Леониду Ильичу. — Екатерина Петровна детей не отдавала куда-то?

— Конечно, отдавала! — подтвердил старик. — Рожала-то она каждый год, ты прокорми такую ораву! Только семь человек себе оставила. Женька в прошлом году помер, Петька еще живой, но тоже скоро сгниет, сколиоз его ест, — считал старик, — Тамарка уехала лет десять назад куда-то на Север, Лидка в тюрьме, Ваську в милиции до смерти забили, Пашку тоже зарезали, но друзья... А кто же седьмой-то? — озадачился Леонид Ильич. — И заново стал считать, шевеля губами и загибая пальцы.

— Пошли отсюда, — сказал Виктор.

Они пробиралась сквозь деревья и бурьян и были уже у выхода (то есть пролома в кирпичной стене), когда услышали истошный крик:

— Вспомнил! Седьмой — это же я!

— Возможно, он твой брат, — сказал Сергей.

— Возможно... А почему я раньше мать не отыскал? Ведь просто оказалось.

— Ну... Значит, не надо было.

Харченко в отсутствие Георгия-Виктора совсем потерял покой. Со дня на день и с часу на час он собирался навестить Татьяну, но все откладывал, удивляясь своей нерешительности.

Меж тем к Татьяне пришел, то есть почти приполз Валера Абдюков.

— Подыхаю, — прохрипел он.

— Подыхай, — одобрила Татьяна.

— И тебе меня не жалко?

— Ничуть.

— А дети?

— Что дети? Сейчас ты то ли есть, то ли тебя нет. А тогда уж точно не будет, им от этого только спокойней.

— Жестокая ты.

— Я? Ты чего пришел вообще? На опохмелку попросить?

Вообще-то Абдюков именно этого и хотел — опохмелиться. Но терпел признаться. Знал остатками разума: даст ему сейчас Татьяна денег, выгонит — и все, путь заказан. Ну, может, еще раз даст. А может, и еще. Но рано или поздно перестанет давать. Надо вести себя по-умно-

му. Остаться здесь: жена теперь живет крепко, с машиной. Бросить пить хотя бы на время.

Такие праведные мысли копошились в голове Абдыкова.

И он сказал:

— А давай, как раньше?

— Это как? Я работаю за троих, а ты пьешь?

— Нет. Как еще раньше. Когда я тоже работал.

— Не хочу.

— Это почему?

— А не нужен ты мне.

— Врешь, Татьяна! Ты меня любишь! — уверенно сказал Валера.

И уверенность его не была пьяной или похмельной. Все эти годы он был абсолютно убежден, что Татьяна только делает вид, держит форс, а на самом деле счастлива будет, если он вернется.

— Тебя? — насмешливо воскликнула Татьяна. — Опомнись!

— А что, нет?

— И думать забыла, Валера! На, иди и пей!

Татьяна сунула ему денег.

Валера был потрясен. Он ведь все-таки не дурак был, ему хватило ума сообразить: если женщина сама дает мужчине денег на выпивку, значит, не бережет его, значит — действительно не любит.

А кабана Тишку Татьяна прирезала-таки с помощью умелого Митрюхина.

Толик и Костя, явившиеся, когда все уже было кончено, плакали, ругали жестокую мать и жалели Тишку, но через день уже всю уплетали свиное рагу, и Костя, как

старший и более мужественный, даже поддразнил Толика, показав кусок мяса:

— А вот в этом месте ты его гладил: Тишенька, Тишенька! А теперь жрешь!

— Ничего я не гладил, — огрызнулся Толик. — И вообще, он вонял!

У Харченко появился повод: собственный день рождения. Обычно в этот день он угощал весь отдел, а потом брал пять-шесть верных друзей, лучших чиховских барышень и отправлялся за город, где жарили шашлыки, выпивали и устраивали веселые безобразия, после которых у всех участников долго болела голова и они некоторое время, встречаясь, не глядели друг другу в глаза.

На этот раз Харченко захотелось отметить иначе. Тихо. Наедине с Татьяной.

Он заехал к ней в магазин (она опять стала там работать) и сказал грустным голосом:

— А у меня день рождения сегодня.

— Поздравляю! — сказала Татьяна и насторожилась.

— Может, отметим?

— Работа у меня.

— Так не сейчас, вечером. Ты не думай, мы без компании, культурно. Даже без выпивки, если хочешь.

— Может быть...

Виталий обрадовался.

— В «Золотой кружке», ага?

— Если только недолго.

— Да час-полтора, не больше!

И Харченко уехал, обнадеженный.

Сергея в тот же день осенила мысль.

— Надо свозить его в казино, — сказал он Ксюше.

— Ты с ума сошел? Ему же там голову снесет!

— И хорошо! Когда нормальному голову сносит, он становится ненормальным. А когда ненормальному — он может стать нормальным!

— Только много денег ему не давай, — предупредила Ксюша.

Она согласилась потому, что устала жить с человеком, не приходящим в себя. Поначалу Георгий проявлял к ней активный, еженощный, а часто и ежедневный интерес, но вскоре как-то приутих, поувял... Начал поглядывать на нее загадочно. И, кстати, о делах своих расспрашивал все меньше, словно отчаявшись в них разобратся.

Отдельно обидно было то, что раньше он любил с нею беседовать — у нее все-таки образование, знания, начитанность, восхищался ее умом и романтическим цинизмом (так она сама называла свое умение ценить произведения человеческой мысли и фантазии, ни в грош не ставя при этом человека как такового, считая, что он сам

недостойн своих же ума и таланта), а теперь говорил с нею рассеянно, невнимательно.

Сергей развлекал его, как мог: играл с ним на бильярде, в теннис, Виктор быстро восстановил прежние навыки, но почему-то не было прежнего азарта. Затеяли гонки на квадроциклах по окрестным холмам — раньше Виктор это очень любил. Понравилось и сейчас, и даже обогнал Сергея, смеясь и дразня, но, когда Сергей предложил еще раз попробовать — отказался.

Даже коня купили — с конюшни сарайского ипподрома. Привезли, подвели к новому хозяину. Виктор с видом, что очень рад, подошел, потрепал по холке. Но конь остался равнодушен и, будучи чистокровным рысаком, имел при этом тусклый взгляд сиволапого мерина, употребляемого по хозяйственным нуждам. Виктор ему ответил тем же — больше не подходил к жеребцу.

Поэтому и возникла идея казино.

Виктор согласился проветриться.

— Сколько возьмем? — спросил Сергей. — Тысяч десять?

— Не многовато? За десять тысяч, между прочим, в Чихове люди по два, а то и по три месяца работают.

— Не понял. Они такие деньги получают? — изумился Сергей. — Или ты в рублях считаешь?

— А ты в чем?

— В долларах, естественно! Десять тысяч долларов, говорю, возьмем, чтобы не жалко проигрывать. И больше ни-ни, учти.

— Ладно...

Виталий заехал за Татьяной с цветами. И вручил их ей.

— Будто у меня день рождения, — усмехнулась она.

— Мой праздник — твой праздник, — галантно сказал Харченко.

Татьяна приготовила ему подарок: сбегала в магазин народных промыслов и купила красивую берестяную шкатулку.

— Взятки складывать, — сказала она.

Виталий улыбнулся, понял, что Татьяна шутит.

В ресторане «Золотая кружка» их ждал накрытый столик — в отдельном загончике. Такими загончиками был выгорожен весь ресторан, чем и славился: и люди вокруг, общество, и отдельное, личное пространство. А за туалетами поворот, а там несколько дверей в совсем уж отдельные, секретные комнаты с широкими постелями и необходимыми удобствами, о чем знал Харченко (надеясь, что Татьяна не знает).

Виталий достал шампанское из ведерка — конечно, не серебряного, а никелированного, но все равно красиво.

— Ты же сказал — пить не будем.

— Это шампанское, Таня!

И он разлил.

Татьяна подняла бокал.

— За твое здоровье, Виталя. Чтобы жизнь у тебя была красивой, хорошей. Чтобы умная и добрая жена, детей двое или трое, дом большой...

Харченко тост не понравился. Он предпочел бы что-то более традиционное и формальное: «Успехов в труде и счастья в личной жизни». Конкретные пожелания Татьяны были слишком уж детальными: семья, дом, дети... Ранно ему еще об этом думать. Ему о любви еще думать хочется, о веселье, о радости.

Но он поблагодарил и выпил. И тут же налил еще.

Хозяева казино «Остров Флинта» были предупреждены Сергеем, которого они прекрасно знали, что с ним появится некий человек из Москвы, не желающий быть узнанным. Будет в черных очках. Вопросов ему не задавать, не приближаться, не вмешиваться. По возможности дать сначала выиграть, ввести в азарт. А там как карта ляжет или шарик упадет.

Карта сначала действительно ложилась удачно (для разминки сыграли в блэкджек). Шарик скакал непредсказуемо, но, такова была воля случая, тоже останавливался на выигрыше для Виктора.

Однако Виктору и не требовалось затравки. Он тут же забыл о Сергее и обо всем на свете. Делал ставки, сгребал или отдавал фишки, повышал ставки. Вошел в раж. Поданный очаровательной официанткой бокал бесплатного шампанского выпил махом, будто воду, и потребовал еще.

21

Татьяна от второго бокала отказалась. Она и первый-то не допила.

Посматривала на Виталия, который ей в этот вечер нравился уже тем, что мальчишески суетился, волновался, хотя и старался выглядеть раскованным и привычно смелым. И спросила:

— Виталья, извини, а ты чего от меня ждешь?

— В каком смысле?

— Да в обычном. Пригласил на день рождения... И до этого подъезжал... Зачем?

— Будто непонятно, — пробормотал Харченко.

— Непонятно.

— Нравишься ты мне.

— И все?

— А что еще?

— Мне этого мало, Виталья. Нравиться — это девушке в восемнадцать лет хватает. И даже не нравится, а — обратили внимание, спасибо.

— А чего же тебе надо? Замуж, что ли?

— Обойдусь.

— Ладно, тогда я скажу, — решился Виталий. — Я тебя люблю, если хочешь.

— Чего? — Татьяна так удивилась, что даже рассмеялась. — Это ты всем говоришь?

— Только тебе.

Татьяна посмотрела на вспотевший нос Виталия (и впервые заметила несколько веснушек на молодой коже этого милицейского мальчика) и поняла, что он говорит правду.

— И что будем делать? — спросила она.

— А я знаю?

В самом деле, если бы Виталий имел цель через час-другой повести женщину в секретную комнату, он прекрасно знал бы, что делать. А тут — любовь. Виталий вдруг понял (даже с каким-то испугом, словно уличил себя в симптомах неизвестной болезни), что ему даже не обязательно эту женщину прямо сегодня иметь. Можно и завтра, и даже послезавтра. Гораздо важнее уловить в ее взгляде, что он ей не противен, что нравится хоть немного, что, быть может, она тоже готова его когда-нибудь полюбить. И все. И одним этим он будет счастлив.

Татьяна же думала о своем.

Она думала, что ждать возвращения Георгия, оставаясь честной женщиной, — мучительно. Думать: я тут ни с кем ничего, а он там с кем-то что-то — с ума сойдешь. Ибо, открыла Татьяна, тяжело, оказывается, быть хорошей, когда другой человек плох. Как-то даже стыдно. Вот почему, сделала она еще одно открытие, так много на свете плохих людей и так мало хороших, незавидная это участь — быть примером для других. Ты своей хорошес-тью усложняешь жизнь других, заставляешь их чувствовать себя ущербными. Вот почему, сделала Татьяна уж заодно и третье открытие, мы только делаем вид, что любим положительных людей, на самом деле обожаем гадов. Послушать то же радио — песни сплошь про воров

и негодяев. Да и народные были про разбойников, если вспомнить. С гадами веселее, они не напрягают.

Татьяна знала про комнатки в «Золотой кружке». Лидию однажды один из ее приятелей водил туда, ей понравилось.

— Ты хочешь со мной подружиться? — спросила Татьяна.

— Можно так сказать, — согласился Виталий с этой формулировкой.

— Ну, пойдем дружить, — сказала Татьяна.

— Куда?

— А то не знаешь...

Виталий схватился за стакан.

— Не надо больше, — попросила Татьяна. — И учти, мне допоздна нельзя, дети ждут.

Вокруг Виктора столпились — он проигрывал уже десятую тысячу.

— Не лезь! — кричал он, пихая локтями. — Ставлю на красное, на пять, двенадцать, восемь!

Шарик затрещал, скача по лункам.

Выпало: черное и цифра двадцать пять.

— Ставлю на черное, пятнадцать, шесть, двадцать один!

Выпало: красное и четырнадцать.

— Ставлю все на zero! — закричал Виктор, хватая груды оставшихся фишек и сваливая их кучкой на ноль.

Крупье пустил рулетку, кинул шарик.

Тот остановился на цифре пять — и тут же Виктор яростно повернулся к соседке, белокурой даме лет сорока весьма приличного вида. Без церемоний он схватил ее за ворот блузки и закричал:

— Ты что делаешь, гадюка? Ты в последний момент поставила!

Виталий обнял Татьяну и прошептал:

— Никогда такого не было.

Она тихо вздохнула и тоже обняла его.

24

Дама взвизгнула, рванулась. На пол посыпались камешки с разорвавшегося ожерелья.

Подбежали служители.

Сергей бросился на выручку, его оттолкнули.

Виктор сбил одного, другого, третьего.

Ему тоже отвесили по лицу. Кто-то сзади вцепился, рвал одежду.

Виталий срывал с Татьяны одежду, задыхаясь.

— Не торопись, сама я... — прошептала Татьяна, закрывая глаза.

Виктор сбросил с плеч вцепившегося, развернулся, чтобы дать ему по роже, но тут самый опытный из охранников применил проверенный способ нейтрализации дебоширов: выхватив из кармана дезодорант, который у него всегда имелся на подобный случай, нажал на колпачок распылителя, пустил струю и поднес к ней зажигалку. Pollyнуло направленное вперед пламя. Это не опасно, если не подносить близко к лицу (что крайне важно, так как обладатели лиц — часто люди очень важные) и держит разбуянившихся на расстоянии.

Виктор отшатнулся, замахал руками — и рухнул.

И закрыл глаза.

Татьяна открыла вдруг глаза. И — словно пьяна была и протрезвела — увидела лицо Виталия, который, зажмурившись, склонился над ней, шаря, будто слепой, потерявший что-то, увидела стены в цветочных обоях, потолок с зеркалом, люстру с вентилятором, которая тихо крутила лопастями, не добавляя прохлады, а, наоборот, нагоняя жар.

Что я тут делаю, дура? — подумала она.

И, одним рывком сбросив с себя Виталия, вскочила и стала одеваться.

— Ты чего? Ты чего? — бормотал Виталий. — Это я от волнения. Я сейчас...

— Не надо! Извини, Виталья. Не сердись, если можешь...

Виктор не приходил в сознание, его отвезли домой, вызвали врача, тот сказал, что ничего страшного. Возможно сотрясение мозга при падении, но не обязательно. И вообще, это не потеря сознания, а просто глубокий сон.

Виктор спал долго, больше суток.

Ксюша с волнением ждала его пробуждения: надеялась, что теперь, после нового шока, он ее вспомнит. И всколыхнется в нем прежняя любовь, прежнее обожание, будет он опять носить ее на руках, заглядывать в глаза и твердить, что готов ради нее на все. Соскучилась Ксюша по такому отношению и по таким словам.

Но Виктор, очнувшись, не только не вспомнил ее, а вообще не узнал.

И Сергея не узнал.

На окружающее смотрел бессмысленно и тупо.

Молча.

Пригласили снова консилиум; Виктор выслушал вопросы врачей, не отвечая, бросил в них подушкой и отвернулся.

Врачи поставили диагноз, заключающийся в том, что никакого диагноза поставить нельзя. Похоже на ступор,

на внезапное слабоумие, на послешоковую заторможенность. Надо подождать.

Ксюша и Сергей ждали день, другой, третий — положение не менялось. Виктор валялся на постели, безучастно глядя в телевизор, или бродил по комнатам и по двору в халате и тапочках.

— И что теперь? — совещалась Ксюша с братом. — Он еще хуже стал, он теперь совсем как овощ. А деньги, между прочим, тают. А новых нет — и без него не будет.

— Надо его дела в свои руки взять, тогда будут деньги, — жестко сказал Сергей.

— А кто возьмет?

— Мы с тобой. Пусть он генеральную доверенность напишет.

— На что?

— На все.

Пригласили нотариуса, юриста, оформили бумаги, как полагается. Все движимое и недвижимое, все капиталы, что имелись, все дела, связи и нити, все перешло к Сергею и Ксюше.

Виктор подписал все безропотно, даже, похоже, не поняв, что остался без копейки и без имущества.

Заодно оформили и развод.

Ксюша заплакала.

— Ты чего? — удивился Сергей. — Ты теперь богатая самостоятельная женщина. А его можно на помойку выбросить.

— Я тебе выброшу! Я его любила, между прочим! — сказала Ксюша.

— Да? Извини, я не знал...

— А я не говорила разве?

— Мало ли кто что говорит...

Харченко приезжал к Татьяне за объяснениями, она попросила оставить ее в покое.

Навсегда.

Он обиделся.

— Если со мной по-человечески, то и я по-человечески. А если нет, тогда смотри! — сказал он.

И началось.

Хозяин уволил Татьяну с работы и обнаружил недостачу размером в 23 456 руб. 45 коп.

Приусадебный участок Татьяны пришли обмерять люди из городского земельного комитета и выяснили, что он в полтора раза больше положенного.

Навелись санитарно-эпидемиологическая служба, налоговая инспекция и даже экологическая полиция, обвинившая Татьяну в том, что жидкие удобрения, вытекающие из ее теплиц, попадают в экологически чистый карьер, где играют дети и могут отравиться.

В общем, пришлось Татьяне продать машину и прицеп, отбиваться деньгами направо и налево, сломать теплицы, оставив лишь несколько парниковых грядок в саду.

— Мам, — сказал однажды вечером Костя, — а давай мы велосипеды продадим.

— Еще чего! Катайтесь, недолго осталось — скоро в школу. Хотя — спасибо, конечно.

Виктор однажды бесследно исчез. Ничего с собой не взял, только паспорт и немного денег, которые ввиду их незначительного количества (не то две, не то три тысячи долларов) просто лежали в хрустальной вазе.

Ксюша всплакнула, а потом вздохнула с облегчением:
— Может, так и лучше.

Заявление о розыске подавать, естественно, не стали.

Карий, которого Татьяна умудрилась сохранить, не продать (да и не особенно он был и нужен кому-либо, если честно), однажды заржал среди ночи, застучал копытами, забился в своем сарае, чуть не круша доски.

Татьяна проснулась и сказала:

— Гоша...

И побежала из дома.

Во дворе никого не было.

Она бросилась в сарай.

Гоша, то есть Георгий, то есть Виктор, стоял, обнимая голову Карего, который склонил шею, чтобы хозяину было удобней, и гладил его, целовал в глаза (Карий терпел, хотя никакая лошадь подобного баловства не любит).

— А меня? — сказала Татьяна.

Он подошел к ней, обнял.

— Гоша... — выдохнула Татьяна. — То есть, извини... Виктор...

— Да ладно, — сказал Гоша. — Пусть Гоша. Мне так почему-то даже приятней.

— Что, ничего не вспомнил? — спросила Татьяна.

— Да все я вспомнил, — ответил Гоша.

Он действительно после обморока в казино все вспомнил. Очнулся ночью в пустой комнате (Ксюша и Сергей спали, а нанятая сиделка дремала в углу), огляделся — и вспомнил.

Хотел тут же встать, пойти и порадовать жену, Сергея, но что-то его удержало.

Глядя в ночное окно, начал обдумывать свое положение.

Задавал себе различные вопросы, дойдя до главного: чего, если не врать себе, хочется больше — вжиться в прежнюю жизнь или вернуться к Татьяне?

Ответил: вернуться хочется. Очень. Больше всего на свете.

Но так вернуться, чтобы его не искали, чтобы махнули на него рукой.

И решил изобразить полную потерю не только памяти, но и ума.

Как он и ожидал, жена и шурин тут же лишили его всех прав.

Он полежал еще несколько дней, чтобы все убедились в его безвредности и бесполезности, и ушел.

Он вспомнил и детство, и юность, и все остальное — и несколько вечеров подряд рассказывал Татьяне о том, что с ним было в прежней жизни.

— К нам зверинец должен был приехать, ну, не к нам, а как раз около нашего детдома территорию отвели. Мы за два месяца об этом узнали. Воспитатели, само собой, объявили: кто будет плохо себя вести, лишится посещения зверинца. Мы стали как шелковые! И тут меня угрозило стенд сбить. Висела какая-то наглядная агитация в рамке, мы играли, я плечом задел, она упала. Даже стекло не разбилось. Но увидели, доложили директору, я думаю: хана, не возьмут в зверинец. Обошлось. Только без обеда и ужина оставили. Я вечером пробрался на кухню, хотел кружку компота выпить и кусок хлеба съесть. Застукали. И тут же: Шумакин, в зверинец завтра не идешь! Я им такое устроил... Всю посуду переколотил. Хотя там колотить было нечего — тарелки и ложки алюминиевые, кружки тоже. Просто — расшвырял все по полу. Меня в кладовку с вениками и тряпками — это вместо карцера у нас было. Я орал, злился. А потом утих. И дал себе торжественную клятву: вырасту — стану богатым! Обязательно стану! Заведу зверинец — личный, свой! И никого туда не пущу!

— И стал ведь богатым, — сказала Татьяна.

— Стал...

— А зверинец не завел?

— Все собирался, но как-то... Зверинец нужен, когда он нужен...

— Это в детдоме тебя научили кровать заправлять и порядок наводить?

— В детдоме. Но я и сам это любил. Чтобы все было правильно, красиво, ровно. Везде, во всем.

— А как с пожаром вышло, куда деньги делись?

— Деньги я проиграл. Не все, конечно. Но очень много, почти половину. Выпил с горя. То есть напился. И помню: сижу, пью, курю, смотрю в окно. Дождик шел, кажется, ветер — знаешь, такая погода, когда в тепле дома хорошо, но почему-то тянет на улицу. Бывало у тебя так?

Татьяна подумала, вспомнила. Кивнула:

— Бывало. Кажется, что кто-то тебя там ждет.

— Точно. Но я никуда не пошел, конечно, лег. Заснуть не мог, смотрел телевизор. И все курил.

— Опасное дело. От этого и зажглось?

— Скорее всего. А потом — провал. Смутно помню — дым, я куда-то лезу, задыхаюсь, падаю... Потом ночь, какая-то улица. Очень холодно.

— Бродил, наверно, как бомж?

— Надо полагать. Куртка на мне была моя, а остальное взял откуда-то. Те же джинсы.

— Вот откуда билет на фамилию Мушкова!

— Ну да. Выбросил человек вместе с билетом, а я подобрал, как бомжи подбирают.

— А как на конюшне был — помнишь?

— Нет. И как к тебе попал, не помню.

— А почему за мной увязался?

— Ты на мою маму похожа. Хотя я ее и не знал. Увидел недавно фотографию: просто одно лицо.

— Но до этого же не помнил!

— Умом — не помнил. А в подсознании, наверно, осталось — не слепым же я был, когда она меня сдала, в книге было записано: возраст два месяца. Понимаешь?

— Понимаю... А откуда немецкий и английский языки? А футбол? А дизайн этот самый ландшафтный — это откуда? Не можешь же ты уметь, чего не умел, и знать, чего не знал?

— Могу, оказывается, — усмехнулся Гоша.

— Откуда?

— Не знаю. Из прежней жизни. Не из той, которой жил, а вообще какой-то другой.

— Я в это, если честно, не верю. Ну, в эти вот штуки модные — будто у каждого по семь жизней и тому подобное.

— А в будущую жизнь веришь?

— На небе, что ли?

— На земле. Здесь.

— А чего ж не верить? Если внезапно не умру, значит, буду жить.

— Я тоже, — кивнул Гоша, вкладывая в эти простые слова какое-то особое значение.

Остальные деньги, не проигранные Виктором-Гошей, но исчезнувшие, тоже нашлись — через год. Охранники знали о проигрыше (свели за хозяином), ждали: что тот будет предпринимать. Он тихо сидел у себя, охранники решили, что заснул и тоже отправились спать. Ночью сработала пожарная сигнализация, они бросились к комнате Виктора. Долго не могли выломать крепкую дверь, а когда ворвались, все уже полыхало. Они самоотверженно облились водой и вползли в комнату, Виктора не обнаружили, зато под кроватью нашли кейс с оставшейся немалой суммой. Кейс взяли, спрятали в гараже, в багажнике одной из машин. Потом выжидали. Когда окончательно выяснилось, что Виктор бесследно пропал, поделили деньги, договорившись не трогать как можно дольше. Знали — обнаруживать себя опасно.

Целый год они терпели. Подвела любовь: один из них вторгся в неприступную девушку, которая была согласна на взаимность лишь при условии покупки ей однокомнатной квартиры и автомобиля. Пришлось купить — вот и всплыли денежки, взяли голубчика.

О чем, собственно, и речь: любовь — дело непредсказуемое.

То есть речь на самом деле о другом.

Ладно.

Разберетесь.

Оглавление

Часть первая	5
Часть вторая	109
Часть третья	181
Часть четвертая	263

Алексей Славовский

Синдром Феникса

Роман

Редактор М. Немцов

Корректор Е. Варфоломеева

Компьютерная верстка К. Москалев

ООО «Издательство «Эксмо».
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 19.01.2007.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 5100 экз. Заказ № 6157.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Мифическая птица Феникс, сгорая, воскресает такой же. Герой новой книги Алексея Слаповского, регулярно теряя память, каждый раз становится иным и никак не может понять, кто он – настоящий. Хорошо, если богатый и добрый, а ну как бедный и злой? Мучается неопознанный мужчина, волнуется приютившая его женщина, интересуются соседи... «Синдром Феникса» – правдивая, веселая и местами страшноватая сказка новейшего времени на тему: те ли мы, кем себя считаем и за кого себя выдаем? Не обманываем ли мы сами себя?
А кем оказался герой конкретной истории – об этом в книге.

ISBN 5-699-20067-3

9 785699 200672 >